

Bestseller

МИССИС УБИЙЦА

М. Спиллейн

Д. Кун

Э. Макбейн

M. Spillane
The Long Wait

D. Keene
Mrs. Homicidal

E. McBain
The Heckler

МИССИС УБИЙЦА

М. Спиллейн
Долгое ожидание

Д. Кун
Миссис убийца

Э. Макбейн
Грабитель

Москва «СКС» 1993

ББК 84.4
М65

Серия «Bestseller» основана в 1991 году

Перевод с английского

**Миссис убийца: Сборник: Пер. с англ. / М. Спил-
М65 лейн, Д. Кин, Э. Макбейн.— М.: СКС, 1993.—
416 с.— (Bestseller).
ISBN 5-86092-038-5**

Вниманию читателей предлагаются три остросюжетные увлекательные истории. В двух первых (М. Спиллейн «Долгое ожидание» и Д. Кин «Миссис убийца») интрига построена на сложной и запутанной игре двойника-убийцы, в третьей основное действующее лицо — человек, ведущий двойную жизнь.

М $\frac{4703000000-37}{979(01)-93}$ Без объявл.

ББК 84.4

ISBN 5-86092-038-5

© Состав и перевод на русский язык. Издательство «СКС», 1993

Миссис убийца

Глава 1

Когда такие вещи происходят с вами, вы иначе реагируете на них.

Патриция сидит очень спокойно, скрестив руки на коленях. Возмущены только ее глаза. Время от времени она поглядывает в мою сторону, потом переводит взгляд на окно комисариата, за которым уже спустилась темная ночь.

Итак, она меня обманула. Но этого не видно по ее лицу. И волосы по-прежнему такие же рыжие, а глаза синие. И так же, как и я, она продолжает дышать. Это все та же очаровательная и прекрасная Патриция, которую я подцепил между двумя вальсами на одном из балов квартала, когда ей только минуло восемнадцать лет, а я лишь начинал службу в полиции.

Мы соединились и обещали друг другу уважать и беречь наш союз.

Да, а теперь она все втоптала в грязь. Губы ее дрожали, рыжие волосы в беспорядке, а глаза распухли от слез.

«Шлюха! Я должен бы из всех сил надавать ей пощечин», — думал я.

Толпа вновь прибывших устраивается в кабинете капитана Карвера: агенты в форме, помощники прокурора, детективы отдела. Большинство из них действительно огорчено тем, что случилось со мной, а некоторые выражают фальшивое сочувствие.

Убитый меня не беспокоит. Убитые всегда

есть в моей работе. Но мысль, что Пат предала меня, вызывает тошноту. Я повернулся к ней спиной и стал смотреть в окно.

Сейчас около часа ночи, но это не мешает влюбленным парочкам гулять по улицам. Некоторые прислонились к закрытым дверям. Мы тоже делали так когда-то — Пат и я. Кое-где в окнах еще горит свет: возможно, встречают поздно вернувшегося мужа или успокаивают проснувшегося ребенка. Крадущимися шагами проходят бродяги, поодиночке или в компании. Вот продефилировал пьяный: вероятно, он ищет маленький ресторанчик, который поздно закрывается и где не слишком разборчивы в клиентах. Доллар направо, доллар налево — и у пьянчужки есть выпивка и девица...

Я смотрел на целующихся влюбленных и думал, как все-таки скверен хлеб детектива. Какую должность не занимал бы флик — всю свою жизнь он копается в грязи. Многие годы не видит ничего, кроме мошенничества и мерзости. С нормальными людьми встречается только тогда, когда они попадают в беду: кражи, шантажи, наркотики, убийства... Замужние женщины предлагают свое тело, мужчины — сестер и дочерей... Чтобы оттянуть расплату.

«Дайте мне последнюю возможность, мистер агент». Если им дают такую возможность, что происходит? Они издеваются над вами за вашей спиной. Поэтому обычно агенты им не верят. Черное — это черное, белое — это белое. Имеет значение лишь то, что четко записано в инструкциях.

Я глубоко вздохнул. Неожиданно все, что имело для меня смысл, оказалось под вопросом. И я попал в такое отчаянное положение, что только вера, которую я терял, могла вытащить меня из него.

Я подпрыгнул и сел на край подоконника. Маленького роста, розовощекий, в очках, сидящих на носу папенькиного сыночка, недавно окончившего Гарвардский колледж, помощник прокурора Хаверс выглядел совершенно удовлетворенно. Впрочем, даже не глядя на него, это можно было понять по его манере говорить.

— Сделайте над собой усилие и войдите в наше положение, миссис Стоун. Поймите нас — это тяжелая обязанность, которую мы должны выполнить.

Не знаю, как мне держаться. Хаверс думает только о своей карьере, и этот случай представляется ему весьма благоприятным. Он поступит по всем правилам. Ведь он

такой парень, который способен осудить и собственную мать, если ему это покажется логичным.

— Мы знаем, — продолжал он, — что Лил Кери искал возможности вступать в связь с замужними женщинами, чтобы заставлять их петь. Его смерть для общества потери не представляет.

Он остановился, осторожно протерев стекла очков.

— К тому же, если вы будете благоразумны и подпишете заявление, что стреляли в него, я, как сотрудник прокуратуры, могу вас заверить, мы сразу установим причину убийства и будем требовать для вас наказания только в виде принудительных работ.

Пат отрицательно покачала головой.

— Нет.

— Что — нет? — спросил Хаверс.

Пат снова повторила то, что говорила раньше.

— Я не стреляла в Кери. Я никогда не была его любовницей. Я не знаю, каким образом я очутилась в его квартире.

Хаверс посмотрел на капитана Карвера, стоявшего позади нас.

— Не знаете ли вы случайно, капитан, шарни, которые произвели арест, еще здесь?

Джим Пурвис ответил раньше, чем Карвер успел открыть рот.

— Еще бы! Я приказал им не двигаться отсюда.

— Отлично!

И Хаверс послал за ними Монта.

Пат посмотрела на меня глазами, полными слез. Я ответил ей безразличным взглядом, показав, что меня все это не волнует. Она перестала быть моей женой. Она лишь курочка, которая долгое время спала в моих объятиях. Последний раз было это уже давно — прошлой ночью. Я сделал вид, что заинтересовался револьвером, который рассматривал Джим. Самый обычный, никелированный, большого калибра.

Джим взял револьвер в руки и засунул карандаш в дуло.

— Надо бы его исследовать.

— Насколько я помню, уже сделано, — сказал я.

Я закурил сигарету. Значит, Пат была любовницей Кери, и он хотел шантажировать ее. Почему она не пришла ко мне и не рассказала все? Или Джиму? Я был ее мужем. Джим — ее другом. Я — детектив, а Джим — шеф Уголовной бригады Восточного Манхэттена. Чем больше

я думал о создавшейся ситуации, тем ужаснее она мне казалась. }

Абе Фитцел, парень из «Дейли Миррор», первый назвавший меня «Большим Германом» и считавший, что я обнаруживаю убийц благодаря магии, подошел к нам.

— Что ты обо всем этом думаешь, Герман? — спросил он меня.

Я проглотил добрую порцию дыма.

— А что ты хочешь, чтобы я думал?

— Ты попробуешь что-нибудь сделать для Пат?

— Еще не знаю.

Я внимательно посмотрел на Пат. Она постаралась по мере возможности привести волосы в порядок. Ее длинные локоны падали на плечи, как на портрете пажы итальянского Ренессанса. Пат могла сделать из своих волос что угодно, и все это было красиво. Но лицо ее опухло, а глаза покраснели и воспалились. Она замарана до самых губ. Ее красивое платье ей больше не идет. У нее совершенно опустошенный вид. Она мало похожа на девчонку, которую я встретил на балу квартала.

— Добрый день, малютка! — бросил я ей тогда.

— Вот как, полиция? — ответила она мне. — Салют, дружок!

Смешно, что приходят в голову такие воспоминания. Прогулка по Вашингтон-скверу. Вишневый торт и кофе в баре. Пощечина, которую я заслужил в первый же вечер, когда захотел быть слишком хитрым. Тогда Пат плакала, потому что сделала мне больно, и была уверена, что я больше никуда не приглашу ее. И потом никогда ни малейшей нечестности.

Я постарался представить себе, что она должна сейчас чувствовать. Она казалась совершенно изолированной среди большой толпы. Толпы чужаков, которых она называла по именам, людей, с которыми она шутила сотни раз в течение десяти лет нашего супружества. Люди, которые с удовольствием ели приготовленные ею блюда. А теперь они чужие. И она ждет, потрясенная, одна, по другую сторону барьера, того самого барьера, у которого видела меня столько раз с тех пор, как в моем распоряжении появилась машина с рацией, прикрепленная к этому комиссариату.

Монт вернулся с Жилем и Маком. Хаверс бросил взгляд на лист с рапортом, лежащий около его локтя.

— Вы агенты Жиль и Мак?

— Да, сэр, — ответил Жиль.

— Вы проводили расследование, когда поступило сообщение, что в 22.05 кричала женщина?

— Да, сэр.

— На последнем этаже дома, где находятся три квартиры и который расположен позади «Клуба флибустьеров», на Гроув-стрит, так?

Тут Жиль обнаружил, что в комнате присутствуют высокие чины, и снял фуражку.

— Совершенно верно, сэр.

— Вы обнаружили миссис Герман Стоун?

— Да, сэр.

— Это она кричала?

— Да, сэр.

— В каком она была состоянии?

Жиль бросил на меня взгляд.

— Жиль, — сказал я, — помощник прокурора задал тебе вопрос.

— Без одежды и в состоянии опьянения, — ответил Жиль.

— Голая? Пьяная?

— Да, сэр.

Хаверс посмотрел в свои записи.

— Вам пришлось взломать дверь?

— Совершенно верно, дверь была заперта изнутри.

Жиль указал на своего товарища.

— Мы с Бобом еще поспорили, что нам делать, но потом все-таки решили взломать дверь и посмотреть, почему эта женщина кричит.

— Как прореагировала миссис Стоун, когда вы взломали дверь? Что она говорила?

Жиль вертел фуражку между пальцами.

— Я могу сказать, ее нервы были на пределе... почти истерика. Она не переставала кричать: «Герман, Герман, на помощь! Умоляю тебя, уведи меня отсюда!» И страшно стонала. А потом пыталась выбежать на лестницу как была, совсем голая.

— А дальше?

— Боб снял куртку, накинул ей на спину и держал ее, пока я не обошел все помещение. Тогда я и обнаружил этого типа, убитого. Он лежал в другой комнате.

— В каком состоянии вы нашли помещение?

Жиль недолго останется простым фликом. От него ничто не ускользало.

— Ну, там была небольшая вечеринка. Развлекались вдвоем. Пустая бутылка виски, два стакана на низень-

ком столике около дивана. Диван почти опрокинут. В остальной гостиной в порядке. Правда, я нашел трусы и лифчик миссис Стоун, одну ее туфлю и платье на ковре. Все это лежало не так, как если бы их с нее сорвали, а будто она сама торопилась снять...

Пат закричала:

— Он врёт! Я никогда не смогла бы так поступить, никогда не сделала бы этого Герману. Ведь ты это хорошо знаешь, правда, Герман? — добавила она, повернувшись ко мне.

Я не ответил. Миссис Андерс, работающая в комиссариате, похлопала ее по плечу и протянула чистый платок.

— Ну, малютка, успокойтесь, — сказала она.

— Так в каком же состоянии была комната? — спросил Хаверс у Жилья.

— Настоящий бордель.

Жиль надел фуражку на голову, потом, вспомнив о присутствующих, снова снял ее.

— Кровь по всей кровати. Кровать в таком состоянии, словно на ней бордлись, понимаете? На мертвом были только ботинки. Половиной туловища он лежал на кровати, другая половина свесилась. Около окна на полу валялся плащ. Стена около кровати вся... запачкана... будто кому-то было плохо.

— Это я, — всхлипнула Пат. — Мне было очень плохо, когда я пришла в себя. Невероятно плохо.

— Вы отправили это на анализ? — спросил Хаверс у Пурвиса.

— Да, в настоящий момент все в лаборатории, — ответил Джим.

Хаверс взял фотографию Пат с письменного стола капитана Карвера. Одну из шести фотографий, которые она сделала у очень хорошего фотографа мне в подарок ко дню рождения. Но на ней написано: «Моему любимому Лилу на всю жизнь. Патриция».

— Нет, — истерически закричала Пат, — нет!

Хаверс сделал вид, что ничего не слышал.

— Где вы нашли эту фотографию, сержант... эр..

— Жиль, сэр, — подсказал Жиль. — На камине. Но я не прикасался к ней и ни к чему в комнате. Как только обнаружил убитого, я спустился вниз, чтобы позвонить на пост, и бригадир сказал мне, что высылает наряд.

— Разговаривали с соседями, пока ждали машину?

— Да, сэр, с теми, от которых звонил по телефону.

Жиль достал из кармана записную книжку.

— Мужчина пожилого возраста, некий Чарлз Свенсон. Я разговаривал с ним и его женой.

— Что они вам сообщили?

— Сказали, что знали, что-нибудь подобное когда-нибудь случится.

— Почему?

— Они думали, молодая рыжая женщина была замужем, раз приходила к Кери украдкой два или три раза в неделю в течение шести месяцев.

— Следовательно, со слов мистера Свенсона, эта молодая женщина и миссис Стоун — одно и то же лицо?

— Он не знал ее имени, но я попросил его подняться вместе со мной, пока Боб караулил миссис Стоун, которая не прекращала кричать во все горло. Он узнал в ней ту молодую женщину, которая так часто приходила к Кери.

Помощник прокурора повернулся к Пат.

— Что вы на это скажете, миссис Стоун?

— Он лжет, — ответила Пат. — Здесь нет ошибки — он лжет.

Та же старая песня.

— Я не знаю никакого Лила Кери, — продолжала она. — Никогда раньше с ним не встречалась и увидела его первый раз, когда пришла в себя в его квартире, совершенно голая и больная.

— Вы абсолютно уверены в этом и несмотря на свидетельские показания продолжаете упорствовать?

— Да.

Пат снова посмотрела на меня сквозь слезы. Я не знал, как мне держаться. Все свидетельства против нее. Но ведь Пат не такой породы. А если все же она была такой? Кровь бросилась мне в голову. В сущности, я совершенно не знал, чем она занималась после полудня и вечерами, когда я работал.

Распухшие губы Пат снова задрожали. Она опустила глаза. Ее грудь бурно поднималась в такт дыханию.

Хаверс закурил.

— Последний вопрос, сержант... Как чувствовала себя миссис Стоун, пока вы ждали приезда бригады?

Жиль положил свою записную книжку в карман.

— О! Как все женщины, которые слишком много выпили. Какое-то время она не шевелилась, потом резко приходила в себя и даже пыталась оттолкнуть Боба и меня, говоря, что ей необходимо вернуться, чтобы покор-

мить Германа обедом. Но я должен сказать, что ничего грубого она не говорила.

— Спасибо,— сказал Хаверс.— Это все, сержант?..

— Жиль,— терпеливо ответил Жиль.

Хаверс пересек кабинет и подошел к Пурвису и ко мне.

— Я уезжаю,— сказал он Джиму.— Постарайтесь вести это дело как можно деликатнее. Это в интересах вашей корпорации.

Затем он снизошел до меня.

— Я очень огорчен, Стоун. По-моему, ее виновность вне всякого сомнения. И будет лучше, если вы уговорите ее признаться во всем. В таком случае она не рискует вызвать недовольство судей.

Я промолчал. Хаверс вышел из кабинета.

Джим посмотрел на меня.

— Хочешь поговорить с ней, Герман?

— Нет,— ответил я, качая головой.

Глава 2

Клубы дыма в кабинете сгущались, без конца звонил телефон. Телетайп продолжал стучать. Полицейское начальство удалилось вслед за помощником прокурора Хаверсом. Женщина изменила мужу и убила своего любовника! И что дальше?

Джим подхватил стул и сел напротив Пат.

— Как дела, малышка?

Пат постаралась улыбнуться.

— Не очень-то хорошо, Джим.

— Вам было бы неплохо выпить что-нибудь.

— Нет,— отказалась Пат, отрицательно покачивая головой.

Джим Пурвис, худой, со слегка поседевшими волосами — он легко заработал свое назначение — провел по волосам желтыми от никотина пальцами. Я не знаю, о чем он думает в настоящую минуту. Он очень любит меня. Любит и Пат. Все это ему ужасно неприятно, ему бы очень хотелось, чтобы кто-то другой спустил Кери. Он предпочел бы работать на полицейской машине или кем-нибудь другим, но только не быть сейчас шефом Уголовной бригады Восточного Манхэттена.

— А если мы начнем с самого начала, детка? — предложил он Пат.

Пат вытерла щеки рукавом своего платья.

— Как хотите, Джим.

Она постаралась улыбнуться ему и добавила:

— Ведь это ваша обязанность.

— О да,— тихо проговорил Пурвис.

Он взял со стола капитана Карвера записи показаний.

— С ваших слов, вчера в полдень вы отправились сдавать кровь. После этого пошли по своим делам. В продуктовый магазин.

— Да, это так.

— Сделав покупки, вы решили вернуться домой, но по дороге остановились у закусочной, чтобы купить Герману сигареты.

— Да.

— Там не было «Кемел», но Майерс вам сказал, что товары придут с минуты на минуту. Вы остались и в ожидании сигарет выпили у прилавка кока-колу.

Он бросил взгляд на рапорт.

— Одну вишневую кока-колу, как здесь написано. И после этого первое, что вы можете вспомнить,— вы очнулись в незнакомом вам месте совершенно голой. В квартире Кери. Кери лежал на своей кровати. Мертвый.

Преодолевая комок в горле, Пат выдавила из себя:

— Да.

— Вы поехали к Кери на вашей машине?

— Нет,— возмущенно проговорила Пат.— Как бы я могла это сделать?

— Ах, да, конечно! Последнее воспоминание, которое у вас осталось,— то, что вы сидели за прилавком Майерса.

— Это правда.

— А в этот вечер вы впервые очутились в квартире Кери?

— Да.

Пурвис посмотрел на окантованный портрет Пат.

— Я не могу объяснить этого,— сказала Пат.— И не представляю, каким образом у него оказалась моя фотография.

— Но надпись на фото сделана вашим почерком?

Пат посмотрела на надпись.

— Он похож на мой почерк.

— А чулки, пеньюар, щетки, пудра, белье, духи, которые мы нашли там, в квартире, это ведь ваши вещи?

Пат уже с трудом удерживалась от истерики.

— Я не знаю,— рыдала она.— Я не знаю, как все это очутилось там.

Джим похлопал ее по коленям.

— Послушайте, моя дорогая, не отчаивайтесь. У нас бывают самые невероятные ошибки. Я хочу вам помочь. И Герман тоже. Мы все ваши друзья. Но нужно, чтобы вы тоже нам помогли, Пат. Нужно, чтобы вы рассказали правду.

Пат посмотрела на меня.

— Я говорю правду. Я не знаю, каким образом мои вещи попали в квартиру этого мужчины. Я не знаю, как моя фотография оказалась у него. И я не была его любовницей. И никогда в моей жизни не было другого мужчины, кроме Германа.

Джим продемонстрировал необыкновенное терпение и выдержку.

— Но послушайте, Пат.— Он поискал рапорт официального полицейского врача и громко прочитал один параграф: — «Кровь на правом бедре, на руке и на животе. И хотя молодая женщина утверждает обратное, мой осмотр неоспоримо подтвердил, что у нее были сексуальные отношения с мужчиной, возможно, даже и не один раз. По моему мнению, не позже двух часов назад. Никаких следов насилия».

Пат неожиданно вскочила с места и взмахом руки откинула волосы назад. Она гордо выставила вперед подбородок.

— Мне наплевать на этот паршивый рапорт.— Она не смогла сдержать рыдания.— Я не обманывала Германа. Я никогда не хотела этого. Я бы не смогла это сделать и предпочла бы лучше умереть. И если меня изнасиловали, то это произошло в то время, когда я потеряла сознание.

— Осторожнее,— вмешалась миссис Андерс.— Она и сейчас потеряет сознание.

Я бросился вперед и подхватил обмякшее тело Пат. Я почувствовал знакомое тело. Одна вещь была совершенно определенной: что бы ни сделала Пат, я не переставал любить ее и буду любить всегда.

— Итак? — вмешался Абе Фитцел.

Я взорвался.

— Великий Боже! Тебе не надоело задавать без конца вопросы? Убирайся отсюда и иди писать свою чепуху. А что я буду делать — пока не знаю.

Фитцел обиженно надулся.

На письменном столе Карвера зазвонил телефон. Он ответил и передал трубку Джиму.

— Это вас, полицейский врач.

— Пурвис слушает, — ответил Джим. — Я понимаю. — Он сделал знак Монту. — Запишите. Выстрелили с близкого расстояния, пуля вышла через левое ухо. Пуля размером 6,35. Около восьми часов или часом раньше. О'кей. Большое спасибо, старина. Пуля соответствует револьверу, который нашли.

Джим повесил трубку и набрал другой номер. В этот момент я понял, что все еще держу Пат на руках, и посадил ее на стул. Миссис Андерс положила ей на затылок салфетку, смоченную в холодной воде.

— Вы знаете, — призналась мне она, — иногда я говорю себе: хорошо, что я некрасива.

Действительно, это так. Действительно и то, что Пат красива. И к тому же она — моя жена.

— Ясно, — говорил Пурвис по телефону. — Никаких следов хлорала в исследованиях, но 0,17 алкоголя в крови. Его рука в оспинах от пороха? Да, я ожидал этого. Это один из дешевых револьверов, которые легко купить.

Пат открыла глаза.

— Я ничего не делала, — слабым голосом проговорила она. — Я не могла бы сделать такое Герману.

Миссис Андерс похлопала ее по плечу.

— Ну, спокойнее, малютка.

Какая противная баба, эта Андерс! Со своей фальшивой жалостью...

Пурвис повесил трубку и подал знак мужчине с седыми волосами, который сидел около двери.

— Теперь поговорим с вами.

Мужчина встал.

— Да, сэр.

— Ваша фамилия Свенсон? — спросил у него Пурвис.

— Да, сэр. Чарлз Свенсон.

— Ваш аппарат хорошо работает? Вы хорошо слышите?

— Отлично, — ответил Свенсон.

— Это вы предупредили нас, что слышно, как в квартире Кери кричит женщина?

— Да, сэр. И я сказал Жан, это моя жена, когда мы слышали первый крик: «Слышишь этот крик? Вероятно, там, в квартире наверху, какая-то драма. Я позвоню в полицию». И сделал это.

— Вы слышали звук выстрела?

— Нет, сэр. Мы слышали только крики.

— Что дало вам повод думать, что там может происходить какая-то драма?

Мистер Свенсон развел руками.

— Рано или поздно это должно было произойти. При такой жизни, какую вел мистер Кери. Он принимал у себя женщин в любое время дня и ночи. И очень хвастался этим.

Пурвис указал на Пат.

— Вы уже видели эту даму, мистер Свенсон?

Свенсон надел очки с сильными стеклами.

— Да, сэр. Она ходила к мистеру Кери. И очень часто.

Старик хотел казаться щепетильным.

— В конце концов, я не видел, как она входила к нему, но видел, как она поднималась этажом выше.

— Вы видели ее на лестнице в этот день?

— Да, сэр.

— С Кери?

— Нет, сэр. Она была одна.

— И выглядела как обычно? Я хочу сказать, вам не показалось, что она была под действием наркотиков или алкоголя?

Мистер Свенсон отрицательно покачал головой.

— Нет, сэр. Могу сказать, выглядела она совершенно естественно. Как обычно.

У старика был почти извиняющийся вид.

— Нас все это совершенно не касалось. Но миссис Свенсон и я не могли не замечать ее. Она так часто проходила мимо нашей двери, чтобы подняться этажом выше.

— Как часто она бывала у Кери?

— Два или три раза в неделю.

Пурвис стал перелистывать записи показаний, пока не остановился на той, которую искал.

— Вы сказали сержанту, что вы и миссис Свенсон думали, что к Кери ходит замужняя женщина, которая обманывает своего мужа. Что дало вам повод так думать, мистер Свенсон?

— Ну, ведь на пальце у нее было обручальное кольцо. А однажды, когда она целовала Кери на пороге дома — наша дверь тогда была случайно открыта, — мы слышали, как она говорила, что с радостью осталась бы с ним и дольше, но ей необходимо вовремя приготовить обед Герману, чтобы он ничего не заподозрил.

— Вы лжете! Вы лжете! — закричала Пат голосом, дрожащим от возмущения. — Старый лгун! Вы лжете!

Мистер Свенсон вежливо возразил ей:

— Простите меня, но с какой стати стал бы я врать? Пурвис решил закончить со стариком.

— Большое спасибо.

Мистер Свенсон бросил боязливый взгляд на темноту за окном.

— Я очень не люблю находиться в такое время на улице.

Джим вышел из кабинета вместе с ним. Он показал себя действительно доброжелательным человеком. По отношению ко мне и к Пат. И делал все, что только можно было в этой ситуации. Теперь ему оставалось сделать еще лишь одну вещь — отвести Пат в тюрьму и предъявить ей обвинение в убийстве.

Фитцел горел желанием передать по телефону сообщение, но ему хотелось бы иметь законченную историю.

— Итак? — снова спросил он.

Я стал на колени около стула, на котором сидела Пат, и одним пальцем приподнял ее лицо за подбородок. Она попробовала улыбнуться, но губы ее слишком дрожали. Трясущейся рукой она вытерла глаза, залитые слезами щеки и попыталась поправить волосы. Даже в эти ужасные минуты она хочет быть для меня красивой.

Я закурил сигарету и сунул ей между губами. Это придало ей очень пикантный вид. Мне же она нравилась во всех видах. Всегда. Так, вы женитесь на любимой девушке, а потом начинаются переживания, ваше счастье летит к черту, и беда сваливается вам на голову.

— Это ты, Пат? Ты убила Кери?

Она энергично покачала головой.

— Нет.

— Ты спала с этим типом?

Ее сигарета дрожала, когда она отвечала мне:

— Ты отлично знаешь, что нет, Герман. — Слезы снова потекли по ее щекам. — Как бы я смогла пойти к другому мужчине, когда ты для меня всё?

— Последняя вещь, которую ты помнишь, — ты сидела у прилавка Майерса и пила кока-колу?

— Да.

— Ты никогда до сегодняшнего вечера не была у Кери?

Дым попал ей в глаза, и я вынул сигарету из ее губ. Взглядом она умоляла меня, чтобы я поверил ей.

— Я никогда до сегодняшнего вечера не была у Кери.

— Ты не давала ему свою фотографию?

— Нет.

Я проглотил дым, потом выпустил его, не спуская с нее пристального взгляда. Если Пат лжет, то делает это очень искусно: я еще никогда не видел, чтобы кто-нибудь так лгал.

— Добрый день, малютка! — бросил я ей тогда.

— Вот как, полиция? — ответила она мне. — Салют, дружок!

На горе и на радость я соединил свою жизнь с ее. И вот теперь в этой ситуации только одно может помочь нам. То, чего у меня нет, — вера. У меня должна быть слепая вера в нашу любовь, та же слепая вера, что и моя вера в Бога.

— Скажи же мне!

Она дотронулась кончиком пальца до моей щеки.

— Это не я, — ответила она. — Это не я. Ты можешь мне верить, Герман.

Джим Пурвис вернулся в кабинет.

— Ну, что она сказала? — спросил он.

Я встал с колен и ответил ему:

— Я принимаю сторону Пат.

— Но доказательства, Герман... — начал Джим.

Я оборвал его.

— К черту доказательства! Пат не была любовницей Кери! И она не убивала его. Все это подстроено.

— Кем?

— Не знаю.

— А зачем? Какая причина могла заставить проделывать это с Пат?

— Не знаю, ты же сам понимаешь...

— А надписанная ею фотография?

— Не представляю, как она попала туда.

Джим Пурвис помолчал, потом холодно, как представитель власти, проговорил:

— А показания свидетеля, заявившего, что она ходила к Кери два или три раза в неделю в продолжение шести месяцев?

— Я не верю в то, что она это делала. Мне наплевать на тех, кто так говорит.

Пурвис пожевал свою сигарету.

— Мне нужно будет задержать ее, Герман.

— Да, конечно. Я знаю.

Я помог Пат встать. Осторожно и с нежностью. Не

как флик, а как муж. Ее взгляд все время спрашивает меня. И я сказал ей все, без всяких утаек.

— Нужно смотреть фактам в лицо, дорогая. Ты попала в грязную историю. И Джим должен отвести тебя в тюрьму. В этом я ничем не могу помочь тебе.

Я поднял ее подбородок и поцеловал.

— Это не смешно и будет еще менее смешным дальше. Флики вывернут наизнанку и твою жизнь, и мою. Тебя будут допрашивать долгие часы. Прокурор предъявит тебе обвинение в убийстве. Ты будешь одна среди волков в течение многих дней.

«Жена полицейского убила своего любовника в холостяцкой квартире на Гринвич-Вилледж».

Я бросил взгляд на Абе Фитцела.

— Все газеты города будут заниматься тобой и объявят тебя виновной. Виновной в измене мне. Виновной в убийстве Кери. Но это неверно — ни то, ни другое. Ты так сказала, и я тебе верю.

— Я тебя прошу, Герман... — начал Абе.

— Закрой пасть и поспеши продать свой винегрет, — ответил я ему.

— Нужно, чтобы теперь Джим увел тебя, — сказал я, целуя Пат в волосы. — Это его обязанность. Но я хочу, чтобы ты помнила о двух вещах.

Пальцы Пат впились мне в руку.

— Да?

— Пока ты вынуждена будешь вынести тут все процедуры допросов, я со своей стороны сделаю все возможное, чтобы поскорее вернуть тебя домой. Так что ты должна держаться, понимаешь?

Пальцы Пат еще крепче цепляются за меня. Грудь ее вздымается, и на моих глазах она опять хорошеет. Верхняя губа еще немножко дрожит, но в глазах уже нет выражения безысходного отчаяния. Они блестят, как звезды, как теплые сапфиры, на ее бледном лице.

— Понимаю, — вздохнула она. И нежно провела рукой по моей щеке. — Понимаю, — повторила она. — Теперь я буду спокойнее.

Итак, я все взял на себя: я — ее муж.

И я дал себе обещание.

Глава 3

Я влез вместе с Пат в машину комиссариата: шины шелестят по пустынной дороге. Влюбленные покинули

тротуары. Грязные парни ушли по своим темным делам. Дети накормлены, мужья получили то, что хотели. Низы Манхэттена засыпают.

Ни Пат, ни я не произнесли ни слова по дороге в тюрьму. Пока выполнялись формальности, я стоял около нее, обняв рукой за плечи. Джим сам следил за всем. Видно, ему все это было очень неприятно.

— Позаботься о ней, парень,— сказал я ему.

— Ты знаешь, что можешь рассчитывать на меня в этом отношении, Герман.

Пат забеспокоилась, потому что у нее не было ночной рубашки. Я сказал ей, что приготовлю маленький чемоданчик со всем необходимым и с тем, что разрешат передать ей, и принесу это завтра утром. Потом поцеловал ее и покинул помещение. Лучше подохнуть, чем увидеть, как за ней захлопнется дверь тюремной камеры.

Джим позвал меня, но я делаю вид, что не слышу, и выхожу, не оглядываясь.

Дежурит старый Хенсон. Он спрашивает меня:

— Ночная работенка, а, Герман? Что произошло? Какая-нибудь потаскушка спустила своего парня, или что?

Я посмотрел старику прямо в глаза. Нет, он без всякой задней мысли задавал этот вопрос. По всей вероятности, он не в курсе дела или, если даже и слышал что-нибудь, не связал это с Пат и со мной. И все же мне очень неприятно. Возможно, это единственный тип из всей бригады полиции, который не знает, что Большой Герман обзавелся парой рогов. Парни, которые меня любят, очень огорчены из-за меня. Прохвосты, которые меня боятся, вне себя от радости.

Я ответил Хенсону:

— Да, там был порядочный шум.

Инспектор Греди стоит на каменных ступеньках: он дышит свежим воздухом. В тот момент, когда я проходил мимо, он помахал мне сигарой.

— Салют, парень!

Я остановился — из вежливости и по служебному положению. Я совершенно не знал, что мне делать дальше. Сказать Пат, чтобы она не беспокоилась, — одно, но действовать вопреки фактам — другое. Все доказательства налицо, все против нее. Я заставил некоторых людей при меньших доказательствах сесть на электрический стул.

Греди вынул сигару изо рта.

— Это скверно для твоей жены, Герман.

— Да, очень скверно,— согласился я.

Я держал в руке свою старую фетровую шляпу и критически рассматривал ее. Нужно отдать ее в чистку и восстановить форму. Но, с другой стороны, приближается время покупки соломенной шляпы.

— Это тот случай,— продолжал инспектор Греди,— который часто происходит, как говорят, в хороших семействах. Тем не менее отвратительно, что не существует способов, при помощи которых любой человек мог бы узнать, обманывает его жена или нет.

Я ответил ему, что верю Пат.

Он сунул сигару в рот.

— Она все еще продолжает обольщать тебя, а, Герман?

Я надел шляпу.

— Что вы хотите этим сказать? — И, неожиданно вспомнив, с кем говорю, добавил несколько запоздало: — Инспектор.

— Не больше того, что сказал,— отпарировал инспектор Греди.

Я сунул руки в карман. Не следует позволять себе лишнего в разговоре со старшим по чину, чтобы не оказаться перед дисциплинарной комиссией. *

— О'кей. Остановимся на этом. Она продолжает обольщать меня.

Я спустился на несколько ступенек. Греди ответил мне что-то и схватил меня за руку.

— Тебя удивил, не правда ли, тот маленький номер, который она выкинула перед Джимом, а? — И Греди постарался симитировать женский голос: — «Последняя вещь, которую я помню, то, что я пила у прилавка кока-колу».

Потом продолжал своим естественным, резким голосом:

— Ты когда-нибудь видел, чтобы кто-нибудь терял сознание, выпив кока-колу?

Я вынужден был признаться, что нет.

Греди выпустил мою руку.

— Я знаю, мой дорогой, это тяжело. Это глубоко ранит. Даже мысль о том, что женщина могла нанести вам такой удар... Но забудь ее. Она не стоит того, чтобы ты стал из-за нее переживать. Такая же шлюха, как и другие. Возьми два дня отдыха или неделю. Хорошенько выпей и утешься с какой-нибудь куколкой. Курочки все одинаковые, парень, поверь мне, я знаю, что говорю.

Я выплюнул свою сигарету. Пока она летела, от нее сыпались искры.

— Пат не шлюха. И это не она убила Кери. Это все подстроено.

— Кем? — спросил Греди.

— Не знаю.

— Но кто мог втянуть ее в эту историю?

— Вы спрашиваете у меня слишком много.

— А почему это сделали?

— Не знаю.

Греди сдвинул шляпу на затылок.

— О, черт возьми, Герман, не будь же таким. Люди не сочтут тебя умным.— Старик широким жестом указал на весь Манхэттен.— Подобное случается каждую ночь. Тысячу раз за ночь. В шикарных отелях. На задних сиденьях машин. В канавах. В конторах. На улице. В трущобах и шикарных кварталах. И муж ничего не подозревает, пока не произойдет чего-нибудь вроде того, что произошло с Пат сегодня вечером. Она поссорилась с Кери и застрелила его.

Я спустился по лестнице.

Греди продолжал говорить.

— О'кей! Проведи расследование, но не надейся, что товарищи помогут тебе. Она просто дерьмо. Все парни Восточного Манхэттена были в курсе дела. На твой счет, разумеется.

Я резко повернулся к нему.

— Это страшная ложь!

Греди возразил мне с той же живостью.

— Это правда. Я мог сказать тебе обо всем еще пять месяцев назад, до того, как случилась эта история. Послушай, я отлично знаю, что вы, молодые, думаете обо мне. Вы думаете, что я старая ирландская развалина, у которого перед глазами миражи, а в жилах вместо крови течет уксус. Но если это и так, то только потому, что я в течение сорока лет занимался девками, ворами, убийцами, и это изменило меня. Послушай, парень, я был инспектором уже тогда, когда ты еще лежал в колыбели. И вне всякого сомнения, ты слышал немало всяких басен на мой счет во всех комиссариатах, не слишком-то приятных для меня. Но слышал ли ты хоть раз, чтобы меня называли лжецом?

Я был вынужден признать, что нет.

Старик поправил шляпу и сунул сигару в рот.

— О'кей. По крайней мере шесть раз я видел Пат и

Кери вместе. Я, я сам. Своими собственными глазами. У меня еще хорошее зрение. Спроси в «Линде». В «Переке». В «Клубе высоких». У Эдди Гиннеса.

Греди резко повернулся и вошел в помещение. Я некоторое время постоял на ступеньке, потом спустился на тротуар. Один из парней подогнал мою машину к комисариату: он нашел ее около Гроув-стрит, там где жил Кери. Она стояла рядом с парком, в котором собираются задержанные машины. Какой-то парень сунул за дворник штраф за стоянку в неположенном месте. Я вырвал эту бумажку и швырнул ее в канаву. Руль еще весь в пудре, и я вспомнил, что было написано в поданном рапорте: найденные отпечатки пальцев принадлежали только Пат. Я сел в машину. У меня сжималось горло, болела голова, глаза горели. Как будто я подцепил какой-то вирус. Вирус Пат. Закрыв глаза, чтобы они немного отдохнули, я снова увидел дрожащие, с размазанной помадой, губы Пат, ее бледное лицо, когда она кричала: «Мне наплевать на этот паршивый рапорт. Я не обманывала Германа. Я никогда не хотела этого. Я бы не смогла это сделать и предпочла бы лучше умереть. И если меня изнасиловали, то это произошло в то время, когда я потеряла сознание».

Забавная история. Прямо слетевшая с губ отчаянной лгуньи. Мой лоб покрылся потом, и я вынул платок, чтобы вытереть его. Сколько же глупости содержится в типе ростом метр восемьдесят и весящем девяносто килограммов? До какой степени можно быть слепым? И глухим? Не удивительно, что Джим и Корк, Абе и Монте, да и помощник прокурора Хаверс так вели себя. Они знали, как себя держать. Они все время знали. После полудня и вечерами, когда я работал, Пат играла в папу-маму с Кери. В последние шесть месяцев.

Инспектор Греди очень ясно сказал: это происходит каждый вечер. Триста шестьдесят пять вечеров в год. В больших отелях и маленьких. И с теми, кто обитает в трущобах, и с теми, кто платит сотни долларов за один день пребывания в роскошных апартаментах на Централ-Парк-Сюд. Почему бы детектив уголовной полиции, живущий в конце Риверсайд-Драйв, должен быть исключением?

Мое сердце болит все сильнее. Я стал думать, до какого предела я дошел. Я сказал Пат, чтобы она не беспокоилась, что я ее люблю и ей верю. Открыл дверцу машины, собираясь вернуться и рассказать ей то, что мне

только что сказал Греди, но потом одумался. К чему? Она только станет еще больше лгать.

Я говорю себе: с меня достаточно этой истории. Мне нужно последовать совету инспектора Греди. Я возьму несколько дней отпуска, поеду куда-нибудь и напьюсь. Позвоню одной из курочек, которые вешаются мне на шею, и приглашу ее. И буду делать так в течение восьми дней. Пат заставила меня делать это! А потом?

Легкий ветерок ласкает мою щеку. Нежно, как пальцы Пат. А потом? Ответ довольно прост. Мне сейчас совсем не хочется напиваться. У меня нет желания уложить на кровать отеля первую попавшуюся девицу, которая, может быть, и будет довольна этим. Ни ее, ни какую другую. Единственное, что я хочу сейчас, это остаться один, безразлично где, лишь бы я мог положить голову на руки и предаться мыслям и отчаянию.

Я посмотрел в зеркальце в машине. Мне, Большому Герману, предаться отчаянию? Как это нелепо!

Я трогаюсь с места, не зная, куда ехать, и не думая об этом. Я очутился в квартале базаров и складов. Фургоны и тележки заполняли площадь. Там свет, движение, шум. Люди делали свое дело — среди гор картофеля, лука, томатов, артишоков. Работники ресторанов и булочных разглядывали птицу, торговали мукой. Между цепочкой фургонов и грузовиков, около бара, оказалось свободное место, куда я поставил машину. Мне необходимо зайти выпить чашку кофе.

Я открыл дверцу машины, чтобы сойти на тротуар, и задел бумажный пакет, содержимое которого тут же вывалилось на землю. Тут оказались эскалопы, бычье сердце, салат, картофель, цветная капуста и несколько консервных банок. Ворча, я положил все это обратно в пакет, но продолжал держать в руке бычье сердце, не заметив, что кровь запачкала пиджак и капала на брюки.

Вареное или жареное, с соответствующим гарниром, бычье сердце — одно из моих любимых блюд. Но Пат не могла его есть. Объясняла это тем, что им настолько часто кормили в интернате, где она воспитывалась, что она дала себе слово никогда больше, когда вырастет, не есть его. Но так как я очень любил это кушанье, Пат все же часто готовила его.

Кровь застучала в висках, и я стал восстанавливать в памяти проведенный Пат день. После возвращения из клиники, где она сдавала кровь — она сдала пол-питра, — до того, как увидеться с человеком, с которым она обма-

нывала меня, Пат зашла в магазин и, среди прочего, купила бычье сердце.

Тут что-то не вяжется. Это нелогично. Курочка, которая обманывает своего мужа, скорее пойдет перед свиданием к парикмахеру. Чтобы быть красивой для своего любимого.

Я медленно покачал головой. Тут что-то не то!

Тем хуже для инспектора Греди. Это невозможно. Он мог тридцать шесть раз видеть Пат вместе с Кери. И все доказательства свидетельствовали против нее.

Но Пат хорошая и верная девочка. С темно-рыжими естественными волосами. Во все, что она делает, Пат вкладывает себя всю. Ни одного раза за десять лет нашей супружеской жизни она не сказала мне «нет». Для Пат не существует полумер. Или она идет до конца, или совсем не идет. Если бы Пат захотела спать с Кери, она не стала бы тайком ходить в его холостяцкую квартиру после полудня, предварительно сделав покупки, чтобы приготовить мне обед. Она спала бы с ним до вечера, все ночи — и прощай Герман Стоун!

Где-то на площади, среди серого света зари, засвистела какая-то мерзкая птица. Я огляделся, пытаюсь выяснить, откуда идет этот звук.

Кто же я такой? Я стал думать. Кто такой, чтобы сомневаться?

Я старательно уложил бычье сердце в пакет поверх других покупок, потом сел за руль и отъехал.

Будь проклято то, что видел инспектор Греди! Будьте прокляты доказательства, свидетельствующие против Пат! Бывают в жизни обстоятельства, когда мужчине только и остается, что сделаться слепым! И бывают в жизни обстоятельства, когда необходимо иметь веру!

И я как раз нахожусь в такой ситуации, при таких обстоятельствах.

Глава 4

С Гудзона потянуло свежестью. Стоя на пороге своей закусочной в белой ночной рубашке, развевающейся вокруг его волосатых ног, Майерс более чем когда-либо походил на сыча, а не на человека. Сыча, который носит очки в серебряной оправе с толстыми стеклами.

— Да, совершенно верно, мистер Стоун, — подтвердил он. — Как я говорил вашим коллегам, миссис Стоун была в моем заведении вчера во второй половине дня.

— В котором часу?

Майерс немного подумал.

— Около четырех.

Он наклонил плешивую голову.

— Да, теперь я припоминаю, без пятнадцати пять. Я вспомнил, что тогда посмотрел на часы. Она хотела купить «Кемел», но у нас его больше не было, а торговец опаздывал, и я ей сказал, что он с минуты на минуту должен быть здесь. И миссис Стоун решила немного подождать.

— А были еще посетители в вашем заведении?

— Разве упомнишь такие вещи, мистер Стоун? — Майерс развел руками. — Люди все время входят и выходят. Иначе я не мог бы делать свое дело.

— Другими словами, вы не знаете, что за люди находились тогда у вас?

— Не имею ни малейшего представления.

— Вы не видели, как уходила моя жена?

Майерс потер свой нос.

— Нет, не могу этого сказать. В тот момент я, вероятно, выполнял чей-нибудь заказ.

Он немного подумал.

— Теперь, когда я думаю об этом, мне вспоминается, что, кажется, миссис Стоун взяла с полки журнал и устроилась с ним у прилавка. — Он соорудил плачевную мину. — Если бы я продавал все журналы, которые читают посетители в ожидании, пока их обслужат...

Я ослабил немного воротничок рубашки. До сих пор все идет правильно. Пат не курит. А окурки, в большом количестве разбросанные у Кери, были от египетских сигарет, даже те, которые вымазаны губной помадой. «Кемел» предназначался мне. Пат сказала, что пила кока-колу около прилавка. До сих пор все совпадает. Я спросил у Майерса, как зовут работающего у него парня.

— Симон, — ответил он. — Карл Симон.

— А где он живет?

Владелец закусочной с сожалением покачал головой.

— Этого я не смогу вам сказать, мистер Стоун. Во всяком случае, не здесь. В конторе у меня записан его адрес на рекомендательном листе, он жил где-то поблизости. Но недавно покинул свое жилище и устроился в отеле, в нижнем квартале, около Таймс-сквер. Я не помню названия отеля.

Я спросил, сколько времени у него работает Симон.

Он пожал плечами.

— Два месяца. Может быть, девять недель. Может, даже десять. Вы знаете, какие это парни. Они никогда долго не задерживаются на одном месте.— Майерс, по всей видимости, слышал сообщение по радио.— Но поверьте мне, мистер Стоун, ваша жена не была усыплена в моем заведении, если именно по этой причине вы разбудили меня в половине пятого утра. Никаких наркотиков у меня тайком не продают. В этом я могу клятвенно вас заверить. К тому же...

Майерс пожал плечами и вдруг замолчал. Я схватил его за ворот ночной рубашки.

— Продолжай, ты меня заинтересовал, старина. К тому же — что?

Майерс провел языком по губам.

— Ну, в общем, ко мне они никогда не приходили вместе. Я бы сказал ей: «О, миссис Стоун, как вам не стыдно!» Но я видел миссис Стоун несколько раз с этим человеком.

Я ударил его по лицу.

— Вы лжете.

Майерс решил не сдаваться.

— Драться с вами я не могу: вы слишком сильны. К тому же вы из полиции. Но лгать — этого нет. Я много раз видел, как миссис Стоун встречалась с этим человеком в конце улицы, недалеко от моего заведения. И однажды, когда мы с миссис Майерс выходили из кинотеатра и собирались где-нибудь поужинать, мы наткнулись на них в «Переке». Они сидели за столиком в углу, держась за руки.

Я выпустил его рубашку.

— Вы совершенно уверены в этом?

Майерс поднял правую руку.

— Так же уверен, как в том, что Бог мне судья.

Теперь я не знаю, что мне и думать.

— О'кей. Я сожалею, что ударил вас.

— В этом нет ничего ужасного, мистер Стоун. Такие вещи случаются каждый день. Но я представляю, что вы должны испытывать.

Он закрыл дверь перед моим носом. Я задержался немного на пороге, чтобы посмотреть на туман, поднимающийся с залива. День будет жарким. Я медленно опустился по ступенькам и направился к своей машине. Есть во всей этой истории что-то неестественное. Для женщины, которая обожала свой дом, которая ни одного раза не опоздала приготовить все к моему приходу,

Пат, если верить свидетелям, действительно проявляла чудеса ловкости и хитрости. Сомнения снова зашевелились в моей душе. Весьма возможно, я просто все время ошибался, и Пат гораздо хитрее, чем я мог предположить. Я посмотрел на часы. «Перек» и «Линди» закрыты. Но у меня еще есть шанс застать открытым Эдди Гиннеса. Эдди не особенно стесняется, так как среди его клиентуры имеются и важные полицейские.

Я доехал до Бродвея и направился на Тайме-сквер. На улицах почти никого нет, кроме уборщиков мусора. Слишком поздно для гуляк и слишком рано для рабочих. Ник Казарас, прикрепленный к комиссариату на 47-й улице, наблюдает за отелем «Астор». Я остановил машину и сделал ему знак.

— Хочешь оказать мне услугу, Ник?

— С удовольствием, Герман.

— Постарайся найти одного типа по имени Карл Симон. Насколько я помню, он должен быть ростом метр шестьдесят — метр шестьдесят пять. Лет двадцати — двадцати пяти. Темные волосы, откиннутые назад. Немного глупый вид. Служит официантом в заведении Майерса на 182-й улице. Похоже, он живет в отеле в этом квартале.

Казарас обнажил в улыбке свои зубы.

— Ты можешь считать, что он уже у тебя в кармане. Хочешь, чтобы я привел его к тебе или мне просто надо найти его?

— Найти его, этого будет достаточно. Я позвоню тебе, когда ты закончишь работу.

— Буду ждать.

Его улыбка потеряла веселость.

— Как дела, Герман?

— Хорошо. Насколько может быть хорошо при сложившихся обстоятельствах.

— А мы все ничего не можем сделать для тебя?

Я покачал головой.

— Нет. Спасибо за предложение, Ник. Я этого не забуду.

Я снова тронулся в путь. Спустился по Седьмой авеню до Гринвич-Вилледж и остановился перед дверями клуба Эдди Гиннеса. Заря окрасила в розовый цвет улицы: перед клубом стояли две или три машины. Я толкнул дверь и вошел. Оркестранты ушли, официант поспешно убирал столики. Четверо мужчин и три женщины сидели возле бара, сильно пьяные. Две женщины не об-

ратили на меня никакого внимания: они были слишком заняты друг другом. Один из мужчин обернулся и опустил руку вдоль бедра. Третья женщина, девчонка, которой едва ли было двадцать лет, схватила меня за руку, когда я проходил мимо.

— Добрый вечер, дорогой,— проворковала она. Она потерлась бедром о мое бедро с видом совершенно пьяной женщины.— Ты не имеешь ничего против, чтобы предложить мне стаканчик вина?

Резким жестом я избавился от нее. Ралф Хенлон и двое его парней стоят рядом, около бара. Хенлон, высокий и красивый парень, испортил себе репутацию папенькиного сыночка тем, что стал добывать фрик другим путем. Он имеет на меня зуб.

— А, это вы, Герман? — насмешливо проговорил он.— Что это мне рассказали? У вашей красивой рыженькой жены сегодня произошли неприятности?

Я ничего не имел против Хенлона. Но полиция давно жаждала его крови, правда, никак и ни в чем не могла его уличить. Я не произнес ни слова. Он продолжал:

— Мы считали, любая женщина должна бы удовлетвориться любовью такого большого и красивого флика. Но вот приходится думать, что его таланты-то не раскрыты. Не так ли?

Я резко ударил его. Хенлон отлетел к прилавку, отскочил от него и растянулся на полу. Кровь текла из его носа. Стоя за стойкой бара, Гиннес вмешался:

— Но, послушайте, Герман, Ралф сказал это не со зла, он и не думал ничего плохого. Просто он совершенно пьян.

Я посмотрел на двух бандитов, сопровождавших Хенлона.

— Заплатите за выпивку, подберите его и быстро сматывайтесь. А когда он придет в себя, скажите от моего имени, если он встретит меня на улице, пусть сразу же переходит на другую сторону.

Один из них вроде попробовал заартачиться, но одумался.

— Как хотите, Стоун.

Он положил на стол банкноту и вместе с товарищем помог Хенлону встать и выйти. Тот уже немного пришел в себя и изрыгал ругательства.

Та же девчонка глубоко вздохнула и повернулась в мою сторону.

— А! Старина, вы мне нравитесь,— сказала она.

Я прошел в глубь бара. Выйдя из-за отделанной деревом стойки, Гиннес последовал за мной. Он жирный, с двойным подбородком, а когда идет, пол трещит под его ногами. Мы остановились и посмотрели друг на друга.

— Послушайте, Герман,— проговорил толстый тип.— Всем известно, что вы представитель власти и блюститель порядка. И я не хочу портить с вами отношения. Что вы имеете против меня? Может быть, я и должен был вас предупредить. Но поставьте себя на мое место. Я подумал, что она достаточно взрослый человек и может делать то, что ей хочется.

— Другими словами, у Пат были здесь свидания с Лилом Кери?

— Очень часто.

— Как это — часто?

Гиннес сложил свой двойной подбородок.

— По меньшей мере, два раза в неделю после полудня и один или два раза — вечером. Это продолжалось около пяти месяцев.

— А в последний раз когда они были здесь?

Гиннес на секунду задумался.

— Дня два назад. У них произошла большая перепалка. Она настаивала, чтобы они пошли к нему, а он не хотел. Соображаете?

Я порывлся в своих воспоминаниях. Во вторник я работал до трех часов утра. Занимался таким же делом, каким только что нагрузил Ника Казараса.

— Почему? — спросил я у Гиннеса.

— Насколько я понял, Кери она надоела.— Он достал из-под прилавка бутылку рома, стакан и поставил их на расстоянии вытянутой руки.— Кери крутился около другой женщины. Певицы моего оркестра. Но миссис Стоун не оставила этого так. Она проглотила по крайней мере восемь стаканов, потом взяла бутылку и пообещала разбить ему голову, если он вздумает бросить ее.

— Вы рассказали об этом Джиму Пурвису?

Гиннес удивленно посмотрел на меня.

— Ну конечно, Боже мой! И давно. Он и Монт приходили еще до полуночи.

Я наполнил стакан.

— И что же произошло? Я хочу сказать, между ней и Кери?

— Он воспринял ее слова как шутку. Но судя по то-

му, что мне рассказали Джим и Монт и что я прочел в газетах, кажется, она сдержала слово. Только вместо бутылки воспользовалась револьвером.

Мне понравился вкус этого рома. Чтобы усилить впечатление, я налил еще стакан.

— Вы уверены, это была моя Пат?

Толстяк делает недоумевающее лицо.

— Вообще-то, вы никогда не представляли меня вашей жене, но инспектор Греди, который как-то был здесь вечером, видел, как эта парочка нежничала. Он еще сказал тогда, они зашли уж слишком далеко, им обоим непоздоровится, если их история дойдет до ваших ушей. Примерно то же самое говорили двое парней, которые хорошо знают и вас, и ее.

Я вновь наполнил стакан. Игра сделана, нельзя быть упрямым. Белое — это белое, черное — это черное. А неверных жен — легион. В Нью-Йорке, Сан-Франциско, повсюду, куда бы ни вела дорога. Даже в Библии говорится об этом.

Я почувствовал около себя тепло чужого тела. Маленькая блондинка тесно прижалась ко мне. Она неплохо сложена и должна быть довольно забавной. Интересно, если я сильно напьюсь, она поможет мне забыть Пат?

Она прижимает свое бедро к моему.

— Если это вас интересует, знайте, что вы страшно нравитесь мне.

— Не будь душой, — предупредил Гиннес. — Это представитель власти.

— Ну и что же? — возразила девчонка. — Разве флики не признают любовь?

Я сказал Гиннесу, чтобы он достал для нее стакан. Он налил ей «Бурбон», потом, продолжая наш разговор, добавил:

— К тому же у меня есть глаза и уши. У девушки рыжие волосы. Кери называл ее Пат. И однажды вечером я узнал, что он рискует многим, играя в такую игру с женой детектива, хотя имени этого детектива никто не называл.

Маленькая блондинка продолжает тереться об меня, как кошечка, у которой что-то на уме.

— Если бы мы поднялись ко мне? — предложила она. — Я всегда мечтала поспать с детективом, у которого почти двухметровый рост, да к тому же сломан нос.

Гиннес налил ей еще стакан «Бурбона» и поставил бутылку на полку.

— Кстати, раз уж вы здесь, можете взять это с собой, Герман. Я хотел отдать Джиму Пурвису, но в тот момент в зале банда шалопаев и две девицы изрядно повырывали друг другу волосы. Я и забыл об этом.

— Что это?

Гиннес открыл один ящик и достал белую кожаную сумочку, показавшуюся мне очень знакомой.

— Вот.

Он положил ее на прилавок, рядом с бутылкой рома.

— Ваша жена забыла ее здесь во вторник вечером. Думаю, она была под впечатлением неприятной сцены с Кери. — Он нагнул над прилавком и прошептал: — Вы знаете, почему женщины так к нему липнут и что они рассказывают о его манере делать это?

— Нет, — сухо ответил я, — и не хочу знать.

У меня ощущение, будто я плаваю в грязи. Ром неприятно переливается в моем желудке. Блондинка продолжает тереть свое бедро о мое.

— Ну, вы отлично понимаете, что я хочу сказать, — проговорил Гиннес.

Я открыл сумочку из белой кожи. Это был мой подарок ко дню ее рождения. В ней лежала расческа, на которой осталось несколько рыжих волос, пудреница, пять банкнот по пять долларов, шесть по одному доллару и мелочь. Были и счета за электричество и газ, адресованные мистеру Герману Стоуну.

Я засунул все это обратно в сумочку и снова наполнил себе стакан. Быть иногда слепым — это отлично, но только в теории. Все коты выгибают спину, когда их ласкают не так, как им нравится. Существуют вещи, которые трудно переварить.

Малышка все еще висит на мне.

— А почему бы нет?

Я резко повернулся и снова наполнил стакан. Все три подбородка Гиннеса задрожали, когда он с живостью воскликнул:

— Правильно, Герман, идите, запачкайтесь тоже. Я знаю, как это подействует на вас. И поскольку я должен был бы вас от этого избавить, то все — за мой счет. — Он бросил взгляд на пьяную девчонку. — Я даже, если хотите знать, держал наготове эту маленькую кошечку.

— Это он обо мне говорит, — сказала она с ухмылкой.

— Я хотел бы спросить вас об одной вещи, — сказал я Гиннесу.

Я уже поднес стакан к губам, потом так резко поставил его на место, что дно отлетело и ром разлился. Одним махом руки я сбросил осколки и схватил Гиннеса за воротник рубашки.

— Сколько, вы сказали, выпила Пат во вторник вечером?

Он с удивлением посмотрел на меня.

— Восемь или девять стаканов, а может, и больше. Почему вы об этом спрашиваете?

— А что она пила?

— Ром, сухой ром.

Я стал смеяться, я был не в силах остановиться и хохотал во все горло. Потом отпустил рубашку Гиннеса и закрыл пробкой бутылку рома.

— Ну и что? — спросил Гиннес. — Что тут смешного?

— Ничего. Все отлично сходится.

Я слегка шлепнул блондинку и направился к выходу. Один. В первый раз за последние часы я снова стал Германом Стоуном, мужем Патриции Стоун. Теперь у меня появилась не только вера, поддерживающая мою уверенность, но и кое-что другое. У меня есть серьезные доказательства.

Инспектор Греди и Майерс видели молодую рыжую женщину вместе с Кери. Гиннес слышал, как, рыдая, женщина угрожала Кери. Мистер Свенсон видел поднимающуюся по лестнице к Лилу Кери рыжую женщину. Ее сходство с Пат было действительно поразительным. Но это мог быть кто угодно, только не Пат. Это не Пат!

Я остановился на тротуаре около клуба и смотрел, как заря осветила все вокруг. Я должен был все понять, хотя бы по анализу крови. Гиннес сказал, что Пат была совершенно пьяна. Но кто угодно сохранит хладнокровие с количеством 0,17 алкоголя в крови. Кто угодно — за исключением Пат. Она абсолютно не переносит алкоголь, и ей достаточно одного стакана пива, чтобы потерять сознание.

Этому всему может быть только одно объяснение. Где-то в Нью-Йорке существует рыжая девица, которая очень уютно чувствует себя в постели Кери. Девушка высокая и красивая. С рыжими волосами, похожая на Пат. У которой ее походка, ее голос и жесты. Настолько похожая, что даже может сойти за нее.

И по неизвестной мне причине она этим сходством пользуется.

Фасад двухэтажного дома из серого камня совсем не выглядел зловеще. Когда-то тут были деревья и газон, но со временем все исчезло. Дом теперь стал доходным. В нем сдаются меблированные квартиры. Окна второго этажа выходят на сооружение для кондиционирования воздуха «Клуба флибустьеров».

Я стоял и при свете восходящего солнца смотрел на дом. Окна первого этажа были освещены.

Я поднялся на второй этаж. Полицейский в форме расположился в коридоре перед квартирой убитого и читал утреннюю газету. Он качался на задних ножках своего стула, а рядом с ним, на другом стуле, стояла чашка дымящегося кофе и тарелка с домашним сахарным печеньем.

— Совсем как у себя дома, не так ли?

Он вскочил, немного смущенный.

— Прошу прощения, лейтенант. Я не слышал, как вы поднялись.

Я закурил сигарету и прислонился к стене.

— Сколько времени вы уже служите в полиции?

Парень смущался все больше.

— Немного меньше года, сэр.

— Меня зовут Стоун. Детектив Стоун. Мистер Стоун. И перестаньте называть меня лейтенантом, а то можно подумать, что вы не из нашей службы. В уголовной полиции нет лейтенантов. Только детективы первого класса, которые получают зарплату лейтенанта.

Он застегнул пуговицы на мундире.

— Да, сэр.

Я указал на угощение, лежащее на стуле.

— Откуда это все?

— Снизу, сэр. Мне принесла их старая дама. Понимаете, они в первый раз столкнулись с такой историей. Она произошла буквально на их глазах, и они до такой степени разволновались, что не могут спать. И они видели курочку, которая поднималась по лестнице. Они не знали, что она замужем. Естественно, они думали, что Кери спит с ней. А потом, когда она...

Полицейский слишком поздно понял, что говорит о моей жене, и стал красным, как праздничный плакат. Он тщетно пытался найти, что сказать: извиниться — будет еще глупее.

Я открыл дверь и прошел мимо него в квартиру. Я

видел несколько сот подобных, но эта единственная, которая мне небезразлична. Включил свет и стал осматривать гостиную.

Средства существования Лилу Кери обеспечивали женщины. Его профессия принесла ему немало денег. Гостиная обставлена красиво и со вкусом. Камин занимает почти всю стену. Есть еще спальня, кухня и ванная.

Я вошел в спальню. Такого беспорядка я еще не видел. Специальные фотолампы, перегоревшие, брошены в корзину для бумаг. Стены и мебель покрыты белым тальком. С кровати сняты простыни. Место, где лежало тело Кери, обведено мелом. Я плюнул точно в середину этого места.

Трудно себе представить Пат в комнате, которую я увидел уже после обследования. В комиссариат сообщили: убийство по такому-то адресу. И на кого же я попадаю? На Пат. Пат в одной туфле и в пиджаке Боба, который при малейшем движении позволяет видеть ее грудь и все, чем наградила ее Господь Бог. Да к тому же настолько пьяную, что это обстоятельство не производило на нее никакого впечатления. А платье и белье валяются на полу вместе с чернобурой лисой, стоимость которой я до сих пор выплачиваю.

Хуже того. Джим не разрешал ей одеться, пока врач не осмотрел ее. Это неприятная процедура, но она обязательна. «Ну что?» — спросил Джим, когда врач и его помощник вышли из комнаты, поддерживая под руки рыдающую Пат. И врач ответил совершенно определенно и не смущаясь, моя руки в ванной комнате: «Кровь на правом бедре, на руке и на животе. И хотя молодая женщина утверждает обратное, мой осмотр определенно подтвердил, что у нее были сексуальные отношения с мужчиной, возможно даже и не один раз. По моему мнению, не позже двух часов назад. Никаких следов насилия». Так записано в его официальном рапорте.

Радостное волнение, которое я испытал у Гиннеса, испарилось. Голова снова разболелась. Может быть, Пат просто обманывала меня с алкоголем. Может быть, она хотела, чтобы я считал ее неспособной пить. Ее оправдания неубедительны. Если только она не мертвецки пьяна и не усыплена наркотиками, любая женщина знает, спала она с мужчиной или нет. Я посмотрел на стену, в то место, куда, по словам Пат, ее вырвало: ведь Пат не была усыплена наркотиками. Во всяком случае, по

заклучению лаборатории. Они написали в рапорте, что в крови не обнаружено следов хлорала.

Окуроч сигареты стал жечь мне пальцы. Я воспользовался им, чтобы закурить другую. С другой стороны, Лил Кери, будучи любовником Пат, ничего от этого не выигрывал. Кери жил за счет женщин, а Пат ничего не могла принести ему, кроме своего тела.

Я бы дорого заплатил, чтобы знать, как мне действовать дальше и какой линии придерживаться.

Бычье сердце, ожидание сигарет, ее уверения, что она ничего не помнит, — все это может быть хитроумно задуманной комбинацией. К тому же нашу машину обнаружили стоящей перед этим домом, и на руле не было никаких других отпечатков, кроме пальцев Пат. Жиль и Мак вынуждены были взломать дверь, чтобы проникнуть в квартиру. Она была заперта изнутри.

Вероятнее всего — Пат виновна. Не могут существовать две женщины, которые бы так походили друг на друга, чтобы опытный флик вроде Греди мог ошибиться. Пат пришла в квартиру Кери. Кери запер дверь, чтобы им не помешали, и оба забавлялись вольсю. Они отлично провели время. Может, даже не один раз, если верить словам врача. А потом они начали ссориться. Пат вынула револьвер и...

Я подхожу к открытому окну и стараюсь дышать полными легкими, но сердце мое не хочет спокойно биться. Теперь уже наступил день. Я обнаружил пожарную лестницу около самого окна спальни. Кто-нибудь очень легко мог проникнуть сюда, чтобы убить Кери. Кто? Лестница шла до самой земли. Любой мог это сделать. Любой в Нью-Йорке. Любой из восьми миллионов жителей.

Я стараюсь заставить себя нормально дышать. Стараюсь снова приобрести веру. Те, что скрываются за этой комбинацией, совершенно уверены в моей реакции — реакции мужа, влюбленного в свою жену. Они не хотят, чтобы я трезво мыслил. Они хотят, чтобы я верил доказательствам, а не Пат.

Джим Пурвис считает ее виновной. Инспектор Греди считает ее виновной. И помощник прокурора Хаверс считает ее виновной. Пат — просто женщина, которая обманула своего мужа, как это делают многие другие. Это происходит каждый вечер, триста шестьдесят пять вечеров в году. Если я не докажу обратного, дело пойдет своим чередом. Соединенные Штаты против Патриции Стоун. С одним очком против девяти в пользу Штатов.

Мне захотелось поговорить с Пат с глазу на глаз. После того как она отдохнет. Мне также хочется увидеть Джоя Симона. Если Пат меня не обманывает, то кока-кола — ключ ко всей истории. Пат пила ее около прилавка и вскоре очутилась в квартире Лида Кери. Да, но имя его не Джой, а Карл. По словам Майерса. Вытирая носовым платком пот, струившийся по лицу, я задаю себе вопрос, почему я решил, что имя подавальщика было Джой? Я схватил телефон, позвонил на 47-ю улицу и спросил у дежурного сержанта, принес ли Ник Казарас свой рапорт.

— Нет, он не приходил, Герман, — ответил сержанта. — Это даже странно. Ник всегда приходит точно, а сегодня он опаздывает на четверть часа. Ты хочешь, чтобы я схватил его и привел к тебе или чтобы он позвонил тебе?

Я ответил ему, что не стоит этого делать, что я сам позвоню Нику домой, когда он закончит работу.

— Скажи мне, Педди...

— Что?

— Почему это я пристегнул имя Джой к фамилии Симон?

Педди, не задумываясь, ответил:

— В связи с тем маленьким прохвостом, которого мы подобрали шесть месяцев назад и которого звали Джой Симон. Помнишь, Герман? Он был замешан в историю с «девушкой по телефонному звонку», сто долларов за ночь?

— А, да! — ответил я вспоминая. — И что же с ним случилось?

— Этого я не знаю. Можешь выяснить обо всем в тюрьме, Герман.

Я положил трубку и некоторое время держу в руках аппарат. В конце концов я поставил его на стол и вышел из квартиры. Мне хотелось помыться и переодеться, прежде чем идти и разговаривать с Пат. Только нужно приготовить для нее вещи. Все, что у нее есть, это платье и туфли. Остальное Джим отправил в лабораторию. Она должна чувствовать себя очень неудобно без комбинации и трусиков. А возможно, это ее не смущает. Ведь, в сущности, я подобрал ее на городском балу.

«Ты первый мужчина в моей жизни, — сказала она мне. — И единственный».

Я стараюсь сосредоточиться на этой мысли. Полицейский стоит, вытянувшись, у стены. Я спросил, как его зовут.

— Джек Митчел,— ответил он.

— Садись, Джек, не беспокойся обо мне. Я сегодня утром не на службе.

— Да, сэр. Спасибо, сэр,— сказал он таким тоном, будто я по крайней мере инспектор-шеф или кто-нибудь в этом роде.

Я спускался по лестнице. На первом этаже открылась дверь квартиры Свенсонов, и старая дама, маленькая и жеманная, высунула нос наружу.

— Простите, сэр,— сказала она, чтобы остановить меня,— вы ведь действительно детектив Стоун, не правда ли?

Я повернулся.

— Совершенно верно.

— Муж этой красивой рыжей дамы, которая убила Керри?

Я поправил ее:

— Которую обвиняют в убийстве Керри.

Она улыбнулась сладкой фальшивой улыбкой.

— Ну конечно,— вздохнула она, кладя свою руку на мою.— Я только хотела сказать, до какой степени мы огорчены. Если бы мы только могли сделать что-нибудь...

Она оставляет фразу незаконченной. Я на мгновение задумался. Передо мной свидетель, показания которого направлены против Пат. Я снял шляпу и носовым платком вытер пот со лба.

— Послушайте, миссис Свенсон,— сказал я.— В комиссариате ваш муж категорически настаивал на том, что моя жена и есть та особа, которая приходила к Керри два или три раза в неделю после полудня в течение почти шести месяцев.

Щеки старой дамы порозовели.

— Ну что ж! Живя так близко, мы не могли время от времени не встречать ее на лестничной площадке. А теперь, когда стало тепло, мы оставляем свою дверь открытой, а она была вынуждена проходить мимо нас, поднимаясь на этаж выше. Но мы не знали, кто она. Я хочу сказать, мы не знали, как ее зовут, до вчерашнего вечера.

Я вынул из бумажника фотографию.

— И вы готовы под присягой подтвердить, что это та молодая женщина, которую вы видели?

Старая женщина все еще с улыбкой покачала головой.

— К сожалению, я должна пойти за очками. Может быть, вы зайдете, мистер Стоун?

Квартира их — точная копия той, что этажом выше, только обставлена скромнее. Свенсону нужно работать, чтобы жить прилично. Дверь в спальню открыта, и миссис Свенсон закрыла ее.

— Чарлз только что заснул, — пояснила она мне с улыбкой еще более грустной. — Но я не в состоянии заснуть, все время думаю о вашей несчастной жене: — Говоря это, старая дама искала свои очки. — На какие безумства способны женщины! Правда! Я совершенно не могу понять, как женщина, у которой свой хорошенький дом и семья, может пойти на...

Смутившись, миссис Свенсон резко оборвала фразу.

— Я все болтаю и болтаю, как сказал бы Чарлз.

Наконец она нашла очки и стала разглядывать фотографию, которую я ей дал.

— Да, — сказала она без малейшего колебания. — Это та молодая женщина, которую мы видели.

— А вы не могли принять за нее другую рыжую женщину, похожую на нее?

Она снова посмотрела на фотографию.

— Нет, — сказала она. — Я очень огорчена. Но это точно она. — Миссис Свенсон указала пальцем на родинку на подбородке Пат. — Я очень хорошо помню этот маленький знак.

Значит, все так. Я убрал фотографию в бумажник и начал спускаться по лестнице. Во дворе от утреннего света все уже отчетливо видно, но теневая сторона Гров-стрит еще оставалась темной. Я почти спустился с совершенно темной лестницы, когда это произошло. Удар последовал сзади, справа. Я услышал стук, прежде чем почувствовал боль. Шляпа свалилась на пол. Качаясь, я пролетел вперед и ударился лицом о стену.

— Он хитрый, — сказал мужской голос.

— О! Не такой уж и хитрый для нас, — проговорил кто-то другой.

Я упал на спину, но постарался как можно скорее повернуться набок, чтобы достать револьвер. Те двое били меня ногами. Один удар попал в подбородок. Я схватил ногу и всем весом навалился на ее владельца. Послышался треск, который издает ломающаяся кость. Один из нападавших закричал зубами и застонал от невыносимой боли. Но меня продолжали бить по спине, по лицу, и вскоре я уткнулся лицом в грязный пол,

Когда я пришел в себя, возле меня стоял малыш лет восьми с молоком и хлебом в руках. Увидев, что я открыл глаза, он сказал:

— Ты бы лучше уходил отсюда. Флики не церемонятся с пьяными. На прошлой неделе они два раза подобрали моего старика.

Опираясь на стену, я встал. Ничего не сломано, но у меня исчезли револьвер, бляха и бумажник.

Я спросил малыша:

— Ты не видел, кто-нибудь выходил отсюда?

Он энергично покачал головой.

— Нет.— Казалось, я заинтересовал его.— Боже, ты весь в крови. А что здесь произошло? Ты с кем-нибудь подрался, или что?

— Или что, как ты сказал.

Я с трудом добрался до входной двери и рывком открыл ее. Теперь на улице уже много народу. Целый поток машин направляется к Седьмой авеню. Пытаться обнаружить тех двух типов, которые обработали меня, все равно что искать девушку в доме терпимости. И все, что я о них знаю,— это то, что у одного из них сломана нога. В этом я уверен. Я слышал, как сломалась кость.

Я пересек тротуар, направляясь к своей машине, и толкнул двух продавщиц, которые шли на работу.

— Вы не могли бы быть осторожнее? — сказала одна из них.

— О! Да что ты! Ведь он едва держится на ногах,— возразила другая.

Я скользнул за руль и захлопнул дверцу машины. В машине нашел бумажный пакет, которым попытался стереть кровь с лица. Может быть, я имел дело с ворами? Но вместе с тем слова, сказанные ими, плохо вяжутся с этим предположением.

«Он хитрый!» — сказал один. «О! Не такой уж и хитрый для нас», — возразил второй.

И потом эта история с бляхой и револьвером. Обычные грабители схватили бы мой бумажник и остались довольны. Украсть же мою бляху и револьвер — это в духе Ралфа Хенлона. Чтобы отомстить мне за удар по морде в баре у Эдди Гиннеса. Чтобы опозорить меня и заставить написать убийственный для флика рапорт.

«У меня украли бляху и револьвер».

Да уж лучше сдохнуть!

А может, это имеет отношение к делу Пат? Кто-то сомневался в том, что я не поверю ей? Вполне возмож-

но, потому что я повсюду сую свой нос и задаю всякие вопросы, вместо того чтобы напиться, утопить горе в ро-
ме и искать утешение в постели другой женщины.

Эта мысль понемногу овладевает мною. Все очень возможно. Я узнаю об этом, когда поговорю с официан-
том Майерса. Но сейчас мне необходимы ванна, револь-
вер и чистая одежда.

Я влился в поток машин и направился к дому.

Дом! Какая насмешка! Моя голова страшно болит.
Во рту вкус соли и крови.

Как бы то ни было, не будет для меня дома без Пат.

Глава 6

На углу 182-й улицы продавец газет выкрикивает
свою несуразицу, заманивая покупателей. Началось при-
близительно то, что я ожидал и о чем предупреждал
Пат, прося ее не слишком-то реагировать на то, что бу-
дет происходить. Мальчишка, казалось, распевал:

— Сенсационное преступление! Сенсационное! Все
подробности! Жена детектива убивает своего любовника
на холостяцкой квартире в Гринвич-Вилледж!

Я нашел в кармане монету и купил газету. На одной
странице помещена фотография Пат с надписью:

«Моему любимому Лилу. На всю жизнь. Патриция».

Газетчик меня не знает.

— Недурная девчонка, не правда ли? — с энтузиаз-
мом говорит он. — Дайте мне еще раз взглянуть на нее.
Если бы мне предложили прожить с ней один год, я бы
согласился и потом сразу же ушел бы в монастырь.

Я припарковал машину и пешком пошел до дома, бы-
стро просматривая газету. Абе Фитцел кое-что опустил
из-за симпатии ко мне. Но в его статье любой желаю-
щий найдет достаточно веские основания, чтобы осудить
и посадить Пат на электрический стул. Кери был ее лю-
бовником в течение шести месяцев. Недавно он заинтере-
совался другой женщиной, и Пат застрелила его. Я
провел рукой по лицу, стирая остатки крови и пот.

Черный «кадиллак» стоял у тротуара перед домом, в
который мы переехали сразу после того, как я получил
первое повышение. Гостиная, спальня, кухня и ванная
комната. Горничная, которая каждый день приходила
заниматься хозяйством, чтобы Пат меньше уставала.
И чем больше я думал об этом, тем тяжелее становилось
у меня на душе.

Мне кажется, я уже где-то видел этот «кадиллак». Действительно, за рулем сидел Корк Аверс. Заметив меня, он воскликнул:

— Черт возьми, Герман, что такое приключилось с тобой?

Я сказал ему, что у меня были небольшие неприятности, и спросил, приехал ли Джим. Корк ответил утвердительно. Я поднялся по лестнице и вошел в холл. Джим Пурвис и Монт разговаривали с управляющим. Монт задал мне тот же вопрос, что и Корк Аверс.

— Я напоролся на кулаки на Гринвич-Вилледж.

— На чьи кулаки? — спросил Джим.

— Думаю, двух парней Ралфа Хенлона. Если окажется, что у одного из них сломана лапа, тогда я буду совсем уверен в этом. — Я закурил сигарету. — Ну, а вы, что вы здесь рыщете?

— Мне необходимо поговорить с тобой, — сказал Джим. — Кроме того, я хочу получить список телефонных звонков Пат.

Я почувствовал, как у меня загорелись уши.

— Ты стараешься во что бы то ни стало поджарить ее, не так ли?

Джим сохраняет полнейшее спокойствие.

— Ты отлично знаешь, как тебе надо держаться, Герман. — Он повернулся к Халперу. — Когда я смогу увидеть эту Миру Велл?

— Сейчас, — ответил управляющий. — У нее есть комната на верхнем этаже. — Он посмотрел на кровь на моем лице. — Могу ли я попросить ее спуститься в квартиру мистера Стоуна?

— Очень хорошо, отлично, — ответил Джим.

Я спросил его, кто это Мира Велл.

— Дневная дежурная, мистер Стоун, — ответил мне Халпер. — Она дежурит с восьми утра, но так как сегодня она почувствовала себя немного нездоровой, то попросила заменить ее.

Я подошел к лифту и спросил Джима:

— Так о чем ты хотел поговорить со мной?

— О тебе самом. Ты меня беспокоишь, парень. Я понимаю, какое впечатление должна произвести на тебя история с Пат, и боюсь, как бы ты не наделал глупостей.

— Например, что я не поверю в ее виновность, а верю тому, что она говорит?

— Нет, — значительно проговорил он. — Если ты можешь — продолжай ей верить. Я тоже люблю эту девчонку.

ку. Ведь ты знаешь, Герман, да? И я бы дорого дал, чтобы ты оказался прав, а мы все ошибались бы. Но вот уже восемь лет, как я работаю с тобой, Герман, и знаю, на какие глупости ты способен. Сунув нос в дела Пат, ты можешь попасть в такое болото, из которого мы вряд ли тебя вытащим.

— Не старайся, я сам даю себе хорошие советы.

Наша квартира находится на третьем этаже, с широкого балкона виден Гудзон. Надо спуститься на два пролета, чтобы попасть в большую гостиную, и подняться на два, чтобы оказаться в спальне. Я потратил два года, чтобы оплатить мебель, которая красива, как в кинофильме. Это то, о чем мы мечтали с Пат. Ни у нее, ни у меня никогда раньше не было ничего красивого. Я вырос в семье, где отсутствовал какой-либо комфорт. Пат почти все свое детство провела в интернате для сирот в Бруклине. Впервые в нашей жизни мы почувствовали себя людьми. И вот теперь все это лишь горсть пепла.

Да! Джим хорошо сказал. Да, он мой друг. Я знаю, почему он пришел.

— Иди, рыщи повсюду. Я не потребую у тебя ордера на обыск.

Я открыл бар и, вынув бутылку рома, налил себе стакан.

— Нет никакого смысла предлагать это вам всем. Ведь вы на работе, на сверхурочных, стараетесь посадить Пат на электрический стул.

Это очень огорчило Монта.

— Не говорите так, Герман.

Я вошел в спальню, нашел несесер Пат и наполнил его необходимыми ей вещами. Джим последовал за мной и небрежно просмотрел ящики комода и туалета Пат. Не так, как он осматривает обычно. Для чего ему это делать? Ведь у него и так доказательств больше, чем нужно, чтобы поджарить Пат.

— На твоем месте, Герман, — посоветовал он мне, — я бы влез в ванну и потом позволил себе хороший отдых. Пат не понадобится этот несесер раньше вечера.

Я спросил его, откуда он может это знать?

— Она спит. Как только я устроил ее в камере, я сказал доктору Петерсону, чтобы он дал ей успокоительно-го, и распорядился, чтобы никто, даже помощник прокурора, не беспокоил ее в течение двенадцати часов.

Он делает свою работу, и он мой друг. Он старается быть справедливым. Я приношу ему свою благодарность.

— Скажи мне,— продолжал Джим,— что это за потасовка такая на Гринвич-Вилледж? Где это с тобой случилось, Герман?

— Под аркой подворотни, при выходе на Гроув-стрит.

— У тебя что-нибудь украли?

— О! Немного монет,— соврал я.

— Может быть, тебя здорово обобрали? Я поговорю кое с кем. А что ты там собирался выяснять?

— Я хотел видеть Эдди Гиннеса.

— И что он тебе сказал?

— Он вернул мне сумочку Пат. Сумочку, которую она забыла во вторник вечером, после того как очень бурно поссорилась с Кери. Но Эдди рассказал мне еще одну вещь: Пат выпила в тот раз восемь стаканов. А она от бутылки пива совсем выходит из строя.— Я схватил Пурвиса за руку.— Послушай, Джим, ты сам видел Пат с Кери?

— Нет,— ответил он, качая головой.

Я выложил ему все, что накопилось у меня на сердце.

— Скажи мне, ты не допускаешь мысль, что в Нью-Йорке существует рыжая курочка, настолько похожая на Пат, что ее за Пат и принимают?

Джим погрузился в размышления.

— Возможно, и существует. Но какая причина? Кому придет в голову так подводить малышку?

— Этого я не знаю,— вынужден признаться я.

— У нее есть деньги?

— Только то, что я даю ей.

— Может быть, она знает то, чего не должна знать?

— Сильно в этом сомневаюсь. Ей было восемнадцать лет, когда мы поженились. А то, что она рассказала в комиссариате, сушая правда. Я был у нее первым. И до вчерашнего вечера у меня не было ни малейшего сомнения в том, что я единственный мужчина, который для нее существует.

Джим усмехнулся и уселся на край дивана.

— Проклятие, не знаю даже что и думать.— Я снял пиджак и рубашку и бросил их на пуфик перед туалетом Пат. На нем стоит такая же фотография Пат, какую обнаружили у Кери. Но на этой надписано: «Герману, моей любви. На всю жизнь. Патриция».

Я снял брюки и остался в трусах и ботинках.

— Нет, действительно,— сказал Джим,— вся эта история производит на меня то же впечатление, что и на тебя, Герман. Но вместе с тем вот уже пять или шесть ме-

саяцев разные люди говорили мне, что видели Пат то тут, то там в обществе Кери.

Я пошел в ванную комнату и открыл кран душа.

— Тогда почему же ты мне ничего не сказал?

Джим пожал плечами.

— Как я мог рассказывать подобные вещи мужу? — Это же выражение употребил и Эдди Гиннес. — В конце концов, Пат взрослый человек. Это дело меня не касалось.

Я снял ботинки.

— А я предпочел бы, чтобы ты вмешался в это дело. При всех обстоятельствах я решил верить Пат до того, как...

В дверь позвонили.

— До того как — что? — спросил Пурвис.

Прежде чем я успел ответить, Монт закричал нам из гостиной:

— Это Велл, Джим. Которая дежурит днем.

Джим вернулся в гостиную. Я принял душ — вначале довольно теплый, потом, насколько мог выдержать, холодный. После этого почувствовал себя немного лучше, но голова не переставала болеть. И во рту по-прежнему оставался вкус крови. Я начал одеваться: надел чистые трусы и тут вспомнил, что доктор Петерсон отправил Пат в страну грез. Я не смогу принести ей ее сессер, не смогу поговорить с ней раньше вечера. А к тому времени, я надеюсь, мне уже удастся войти в контакт с официантом Майерса.

Я надел халат, потом разыскал свои домашние туфли и, волоча ноги, отправился в гостиную, где Джим и Монт расспрашивали дежурную. Это высокая блондинка примерно двадцати пяти лет. Если мисс Велл и больна, то это несколько не отразилось на ее внешнем виде. На ногах у нее бледно-голубые босоножки под цвет пеньюара. Я сильно сомневаюсь, что под ним есть что-нибудь другое, кроме ее кожи. Да ей ничего не нужно. Это настоящая конфетка, без обмана. У нее большие круглые глаза, такие же синие, как и пеньюар. И даже несколько веснушек на носу.

По привычке я потерял одну из туфель, спускаясь по ступенькам. Как только я нашел ее, Джим познакомил нас.

— Мистер Стоун — мисс Велл.

— Очень приятно. Мне кажется, я уже где-то видел вас, мисс Велл?

Мисс Велл засмеялась грудным смехом, совсем как Пат, когда ей говорили что-нибудь смешное.

— Конечно. Вы проходите мимо меня каждый день уже год. И даже время от времени утомляете меня приветствием.

Я наполнил стакан. Почему, к дьяволу, я должен помнить о какой-то служащей? Это лишь посторонняя курица, сидящая за конторкой и выполняющая заказы.

Джим вернулся к серьезным вещам.

— Вы работаете с восьми утра и до четырех дня, мисс Велл?

— Совершенно верно, — ответила красивая блондинка. — Но время дежурства не всегда одно и то же. Нас, служащих, трое. Если кто-то из нас заболел или кому-то по каким-либо причинам необходимо отсутствовать, две другие заменяют ее.

Я сел на диван рядом с мисс Велл и сделал сенсационное открытие, объясняющее ее болезнь. Вокруг нее носился запах рома хорошего качества, который я отлично различил, несмотря на ее духи.

Джим посмотрел в свои записи.

— Вы регистрируете все телефонные вызовы по городу, которые делают ваши постояльцы?

— Да, — подтвердила она.

— И так же, как и управляющий, ведете счет каждого постояльца?

— Да.

— Что, миссис Стоун часто вызывала Вилледж 7-36-46?

Мисс Велл погладила себя по шелку, туго обтягивающему ее грудь.

— Я бы не хотела говорить об этом.

— Вы знаете, что я из полиции?

— Управляющий сказал мне об этом.

— И что я возглавляю Уголовную бригаду Восточного Манхэттена?

Она посмотрела на меня и провела языком по губам.

— Я понимаю.

— Хорошо. Ответьте на мой вопрос.

Блондинка покачала головой.

— Я бы предпочла не делать этого.

— Почему?

— Хотя бы потому, что это меня не касается.

— Но миссис Стоун довольно часто звонила по телефону Вилледж 7-36-46?

— Не помню, чтобы я говорила это,— возразила мисс Велл, видимо, забавляясь.

Джим за всю ночь ни разу не сомкнул глаз. Больше он не мог выдержать. У каждого есть предел терпения. Он резко вскочил со своего места.

— Черт возьми! — воскликнул он. — Вначале Пат. А под конец мне еще недоставало напасть на такую, как вы. Где вы родились, мисс Велл?

— В Голдене, Колорадо.

— А что, в Голдене принято отказывать в содействии полиции, когда та ведет расследование убийства?

Глаза мисс Велл стали еще круглее.

— Но я действительно не могла вам этого сказать. Я впервые оказываюсь замешанной в таком деле.

— Значит, вы отказываетесь мне отвечать?

— Совершенно верно.

— А вы знаете, что я могу вас задержать, если вы откажетесь отвечать мне?

Мисс Велл снова провела языком по губам.

— В таком случае я отвечу отрицательно. Миссис Стоун никогда не звонила в Вилледж 7-36-46.

— Как же тогда объяснить, что вы запомнили этот номер?

— Это моя обязанность,— ответила она, явно забавляясь.— Я же еще и телефонистка, вы знаете это? И можете мне поверить, я знаю свою работу.

Джим надел на голову шляпу.

— О'кей. Мы получим счета за телефонные разговоры.

Он направился к выходу, за ним последовал Монт. Подойдя к двери, Джим повернулся ко мне:

— Не вмешивайся в это дело, Герман. Возьми пятнадцать дней отпуска начиная с сегодняшнего дня.

Я спросил его, не приказ ли это.

— Да. Инспектора Греди. Мне не больше твоего хочется видеть, как осудят Пат, но эта история не должна влиять на личные взаимоотношения.

Я ответил ему с горькой усмешкой:

— Понятно. Это твоя работа.— Я сделал глоток рома.— Но я не прошу Греди. И тебя тоже. Пат не убивала Кери, и я докажу это.

— Каким образом?

Я рассказал ему кое-какие подробности.

— Я попросил Ника Казараса найти официанта Майерса. Если ему это удастся — тем лучше, если нет — я сам

займусь этим. Думаю, ключ ко всей истории — у этого типа. Последнее, что запомнила Пат, — то, что она пила кока-колу у прилавка. Симон мог подмешать ей туда наркотики... Если он это сделал, значит, она сказала правду. И я заставлю этого Симона выплюнуть правду, даже если для этого потребуются оторвать ему одну ногу или разбить башку.

Джим старался не показывать свое раздражение.

— Держи себя в руках, — со значением проговорил он. — Во имя нашей дружбы, Герман, не вмешивайся в это. Я же сделаю все, что только будет в моих возможностях, чтобы вытащить Пат. Но никогда еще ни в одном деле, которое я вел, не было таких исчерпывающих доказательств вины подозреваемого.

Я спросил его, что он хочет этим сказать.

— Ты сам это отлично знаешь, — ответил он, открывая дверь и тихо затворяя ее за собой.

Я сел, держа в руке бутылку рома. Прекрасная блондинка взяла ее у меня, сделала глоток и вернула. Я посмотрел на нее сбоку. Над верхней губой у нее появились капельки пота. Грудь ее высоко вздымается, когда она дышит.

Я спросил:

— Что это вас так забирает?

— Мне это было необходимо, если вас не шокирует такое поведение.

Посередине ее пеньюара, от начала декольте до низа юбки, проходила молния, в тон небесному цвету одежды. Она продолжает бурно дышать, молния понемногу сползает вниз и дает возможность увидеть красивую линию груди. Она не носит лифчика. Под пеньюаром на ней ничего нет. Только кожа. Грудь крепкая и красивой формы. Глядя на нее, я вспомнил маленького газетчика, который сказал, показывая на фотографию Пат: «Если бы мне предложили прожить с ней один год, я бы согласился и потом сразу же ушел бы в монастырь».

Мисс Велл высокая, как и Пат. И она, кстати, очень красива. Я стараюсь не смотреть на то, что она показывает. И это мне плохо удастся. Я повторяю:

— Что это вас так забирает?

Она вынула из-за пазухи маленький сверток.

— Я боялась, что мистер Пурвис будет меня обыскивать. Как он сказал, речь ведь идет об убийстве?

— И что же?

Она протянула мне сверток. Это были счета. Пять сче-

тов, и все на имя Германа Стоуна. Около моего имени стояли месяц и число телефонных переговоров, заказанных из моей квартиры. Я пробежал глазами список. В рту у меня все больше пересыхало. Пат мне лгала. Она утверждала, что не знала Кери. Она клялась, что никогда не слышала его имя, пока не очутилась голый, как червяк, у него в квартире. А между тем она звонила в Вилледж по телефону 7-36-46 — свидетельство тому здесь, на бумаге. По крайней мере два раза в день в течение последних шести месяцев.

Я смотрю на мисс Велл, не поворачивая головы. Она облокотилась на подушки дивана, и верхняя часть ее одежды, по-прежнему открытая, позволяет видеть белую кожу.

— Что это вас так забирает? — уже третий раз я задаю этот вопрос.

Она слизнула языком капельки пота на верхней губе.

— Вы хотите знать, почему я спрятала это от мистера Пурвиса?

— Да!

Она скрестила пальцы на затылке и развела локти в стороны.

— Может быть, потому что вы мне нравитесь, — ответила она. — Может быть, потому что вас я знаю немного больше, чем его. Может быть, я заметила некоего детектива ростом метр восемьдесят пять и весом в девяносто килограммов, с волосами-щеткой и сломанным носом, который проходит через холл каждый день в течение года. И, быть может, я хотела, чтобы он был только мой, а не той женщины, которая его обманывает, как только он уходит из дома.

Она дышит еще порывистей, чем раньше. Ее грудь поднимается и колышется в такт ее вздохам. Каждый раз, как она вздыхает, молния сползает на один сантиметр. Она так же красива, как Пат. Она будет принадлежать мне, если я захочу. Не ради каприза, а потому что этого хочет она. Служащая доходного дома, влюбленная в нанимателя квартиры, на которого она смотрела каждый день в течение года, когда он проходил мимо нее.

Я проглотил новую порцию рома, уже лишнюю, она меня почти задушила, и мне пришлось выплюнуть ром на ковер. В том состоянии духа, в котором я находился, выпитое количество рома довело меня до точки. Углы комнаты стали закругляться. Мисс Велл становилась все

приятнее. Я хотел заставить себя признаться, что замечал ее раньше. И нашел, что у нее красивые платиновые волосы. Мне нравятся веснушки на ее носу. Это придает ей одновременно и невинный и несколько провокационный вид.

— Как вас зовут?

Она пододвинулась ко мне на диване.

— Мира. А почему вы спрашиваете?

Ром оглушительно шумит у меня в ушах. Я стал играть с ее молнией: то поднимая ее доверху, то спуская вниз.

— А кто знает? Может быть, я в восторге, что познакомился с вами, мисс Белл.

Она выдала такой вздох, который заставил молнию спуститься до самого ее живота. Пока я созерцал зрелище, которое представилось мне, она простонала:

— Как я счастлива, мистер Стоун.

Я сижу довольно неустойчиво. Она толкнула меня назад на диван, обхватила мое лицо обеими руками и пыталась губами раскрыть мои губы.

— Герман,— простонала она,— Герман!

Несмотря на то, что я совсем пьян, мне все же становится стыдно. Я хочу эту женщину так же сильно, как Мира хочет меня. Но не ее я так желаю. А Пат. И я очень хочу, чтобы все между нами осталось так же, как было до того момента, когда я вошел в квартиру на Гроув-стрит. До того, как все это произошло. Я ХОЧУ верить. Я пытался оттолкнуть Миру. Она стала более энергичной. Я соскользнул на край дивана, и мы упали на пол с глухим шумом, она сверху меня.

— Сейчас же,— прошептала она.— О, я прошу тебя.

Ее пальцы вцепились мне в волосы. Другой рукой Мира опустила до конца молнию. Она немного приподнялась, и ее тело сбросило голубой шелк, который с легким шумом упал рядом. Как в первый раз бывает у людей, встречающихся тайком.

Я стараюсь высвободиться, но у меня ничего не выходит. Надушенное тело навалилось на меня. Я задыхаюсь. Потом в моей голове, посреди шума от рома, вспоминается то, что сказал мне инспектор Греди на каменных ступенях комиссариата: «Я знаю, мой дорогой, это тяжело. Это глубоко ранит. Даже мысль о том, что женщина могла нанести вам такой удар... Но забудь ее... Хорошенько выпей и утешься с какой-нибудь куколкой...»

А потом? Что потом? А почему бы и нет?

- Я поцеловал Миру с такой же страстью, как она целовала меня. Это провоцирует определенную реакцию. Я уже не чувствую вкуса крови во рту. Я больше ничего не чувствую, только вкус соли.

Вкус соли, который мужчина находит в своих слезах.

Глава 7

Сейчас три часа дня. Малыши выбежали из школы и громко кричат. Они трезвонят звонками своих велосипедов, играют в кошки-мышки или в другие игры. Они играют во взрослых.

Я немного протрезвел, и у меня ничего не болит. Только голова как будто не своя, но в основном я в полной форме. На столике у изголовья кровати стоит начатая бутылка рома, и я отпил глоток, чтобы немного опохмелиться, потом выпрямился на своем ложе и посмотрел в окно. Пожалуй, сейчас скорее четыре часа, нежели три. Я сужу об этом по цвету залива и по высоте солнца над Нью-Йорком.

Итак, я полностью последовал совету инспектора Греди. Напился до чертиков, чтобы не сказать больше, и выполнил второе условие. Со светловолосой служащей. А потом что будет? Тишина, царившая в комнате, неприятно давит на уши. Я совсем один. Никого нет, чтобы меня утешить. Никого, кто бы сказал мне, что я вел себя непотребным образом, и после этого принес бы мне холодного томатного сока. Это то, что всегда делала Пат раз в году, после полицейского бала. Я стал шарить по всем углам, пока не нашел маленький нессесер, который приготовил для нее. Как только моя голова придет в порядок, я позвоню в комиссариат и попрошу передать его ей.

Я повернул голову и посмотрел на другую половину кровати, половину Пат, принадлежащую ей вот уже десять лет. Десять лет нашего супружества. Мира убежала. Но подушка еще сохранила след ее головы и несколько длинных, светлых волос. Я принялся накручивать их на палец. Мира оказалась славной девочкой. Она очень помогла мне в том неменяемом состоянии, в котором я пребывал. Я почувствовал себя освеженным и обновленным. Буду надеяться, что она не рассчитывает на продолжение этой приятной интермедии. Я рассматриваю светлые волосы, которые накрутил на палец. Итак, это был очень приятный момент. Один раз и точка. Она меня хотела и она меня получила. Мы квиты.

Мне показалось, что я чувствую запах кофе. Я надел халат, сунул ноги в шлепанцы и отправился на кухню. Это не галлюцинация. Мира манипулировала с электрической кофеваркой. Одета, она мне кажется какой-то чужой. Совсем уже не та особа, с которой я познакомился сегодня утром, блондинка в голубом полуоткрытом пеньюаре, с молнией сверху донизу. Это другая Мира. Ее светлые волосы гладко зачесаны назад и на затылке образуют шиньон. А веснушки особенно выделяются на коже. На ней надета темная юбка и белая скромная блузка. У нее действительно вид служащей в шикарном доме, таком, какие имеются в Голдене, Колорадо.

— Я думала, вы будете спокойно спать до полуночи,— сказала она, увидев меня.

Я не совсем понимаю, довольна она или нет. Я уселся на стул.

— Разве я столько выпил?

— О! Необычайно много.— Она провела языком по губам.— Но я думала не об этом.

— Я Большой Герман.

Это не смешно. Никто не смеется — ни она, ни я.

Она налила мне чашку кофе.

— На случай, если вы вдруг проснетесь, я решила приготовить вам кофе, прежде чем идти на дежурство.

Кофе мне понравился. Я быстро выпил чашку, не наливая молока, и попросил налить мне еще. Пока Мира делает это, ее бедро трется о мое. Воспоминание производит определенный эффект. Я спросил ее, нужно ли ей идти работать.

Она села напротив меня.

— К сожалению и несчастью — да. Мейбл работала за меня с восьми часов до четырех. И я не могу заставить Гвен остаться еще на одну смену, когда она закончит свою.

Мне кажется, я слышу Пат.

— Как ты себя чувствуешь, Герман?

— В отличной форме,— ответил я.

Мира внимательно посмотрела на меня.

— О! У тебя не такой уж жизнерадостный вид.

Она протянула над столом руку и осторожно положила на мою.

— Вот что я тебе скажу: допей кофе, а потом возвращайся в постель.

Мысль совсем недурна. Когда я проснулся, то почувствовал себя совершенно свежим и полным сил, но те-

перь, после кофе, не знаю почему, у меня опять появилось состояние подавленности и плохого самочувствия. Или, может быть, это оттого, что, проснувшись, я выпил глоток рома?

— Возможно, я и сделаю это. И...

— И скоро, как пробьет полночь, маленькая Мира вернется,— сказала она, морща носик, усыпанный веснушками.

Это как раз то, о чем я подумал. У нее желание продолжать это... На столе лежит пачка сигарет, и я закурил.

— Настоящая маленькая Сендрильона, да?

Она погладила мою руку.

— Почти так. Но теперь мне надо торопиться, дорогой.

Она обошла вокруг стола, чтобы поцеловать меня.

— По крайней мере, если ты... после всего... я могу ведь и опоздать на несколько минут.

Даже при мысли об этом меня затошнило. Я похлопал по ближайшей ко мне округлости.

— Надеюсь, что смогу выдержать до полуночи.

Она нежно поцеловала меня.

— Чтобы ты ждал меня...

Я смотрю ей вслед. Мира не худенькая девушка. У нее округлые ляжки и бедра, которыми она очень соблазнительно покачивает при ходьбе. Почти как Пат. Я налил еще чашку кофе, но меня тут же вырвало. Я наклонился над умывальником, после чего долгое время дал течь воде. Я не хочу больше кофе. Я не хочу ничего вспоминать. Все, что я хочу,— это сократить до минимума всякое воспоминание о Пат. В шкафу на кухне есть бутылка отличного виски, которую я берег для особого случая. Ну вот! Это как раз тот случай! Мне это понравится больше, чем кофе.

Я вернулся в спальню с бутылкой под мышкой. Я не слишком-то горжусь Германом Стоуном. Ладно, Пат меня обманула. Но две ошибки не составят одну правду. А теперь у меня на руках эта девочка, Мира.

Я остался сидеть на краю кровати, наблюдая за цветом залива. Да! Мира хочет продолжать. А потом?

Мы поклялись в радости и в горе быть вместе всю жизнь. Я встал и подошел к комоду, чтобы посмотреть, на месте ли мой запасной револьвер. Может быть, я все же сумею что-нибудь сделать для Пат? Во всяком случае, я могу попробовать разузнать что-либо у Хенлона.

Револьвер лежал под моими рубашками. Я вынул его, положил рядом с бутылкой на комод и стал искать чистое белье для себя. В комодке его не оказалось. Я полез в ящик, в который Пат обычно складывает свои вещи. В самом низу лежала маленькая красная книжечка, на обложке которой была надпись: «Пять лет интимного журнала».

Книжка запиралась на ключик. Я видел, как Пат иногда писала что-то, но никогда не обращал на это внимание. Возможно, я из записей узнаю немало нужных вещей. Я просунул палец под металлическую планку и сломал замочек.

На первой странице стоит дата — 1 января 1950 года. Пат написала: «Вчера вечером смотрели «Пасифик Сюд». Хорошая пьеса. Потом ужинали в «Пероке». Герман хотел повести меня в один ночной бар, но я отказалась. Тогда мы вернулись домой и легли спать. Моя любовь! Прошло почти пять часов, пока мы заснули. Это был один из прекраснейших дней за все время моего существования...»

Я невольно засмеялся, но смех тут же застрял у меня в горле. Таковы мы оба. Мы были женаты к тому моменту уже восемь лет. Это было два года назад.

Я быстро перелистал страницы журнала, дойдя до записей, сделанных пять месяцев назад. И ни разу ни в одной из них она даже не упоминала Кери. Всегда я — «ее любовь». Играли в покер с Джимом, Авис, Абе и Чирли. Пат проиграла шесть долларов и сорок пять центов, но я выиграл восемнадцать, меньше, чем мне стоило пиво и сэндвичи. На следующий день она ходила за покупками с Чирли, и Чирли купила себе «божественную» шляпку. Что это может быть за шляпка? И к тому же «божественная»?

Я продолжал перелистывать страницы дневника. Все остальное в том же роде. Маленькие вещи, которые заполняют жизнь женщины. Но нигде нет и намека на Лила Кери, нет белых пятен в описании ее времяпрепровождения. И так все дни. Восемнадцатого ей показалось, что у нее задержка, и она стала надеяться. Теперь, когда у меня оклад лейтенанта, можно подумать и об увеличении семьи.

Мы ходили туда и сюда. Смотрели «Голубую вуаль». Обедали в дорогом ресторане, поехали забавы ради на поезде в другой штат. Чтобы погулять на воздухе, проветриться перед тем как лечь спать.

Еще позавчера, в день, когда Пат отправилась сдавать кровь, она называла меня «моя любовь».

Герман здесь, Герман там. Как будто я был каким-то особым человеком, вроде Эйнштейна. Как будто мы были женаты лишь десять дней, а не десять лет. Полушутя-полусерьезно Абе называл меня в хронике Бродвея Большой Герман. Но из дневника видно, что Пат приняла это имя серьезно. Я самый замечательный человек, какого только создавала земля. Я самый лучший детектив в Манхэттене. Я муж, о котором можно только мечтать. Я совершенный любовник.

Я закрыл книжечку и посмотрел на залив, который теперь стал слегка пурпурным. Невозможно представить себе тут притворство. Пат не настолько хитра. По своим умственным способностям она скорее посредственна.

Холодный пот побежал у меня по спине. И это женщина, которую обвиняют в том, что она играла в папу-маму с Лилом Кери? Но когда же? Нет, меня не заставят проглотить это. И даже факты, которые доказывают ее вину. Да, я видел Пат совершенно голую и совершенно пьяную у Лила Кери. Своими собственными глазами. Но все это говорит лишь о том, что она — жертва какой-то комбинации. Меня просто заставили увидеть ее такой. Чтобы «открыть» мне глаза. Без сомнения, в Нью-Йорке существует рыжая девушка, которая по каким-то особым причинам стала выдавать себя за Патрицию Стоун последние пять месяцев. Я унес с собой красную книжечку в гостиную и поднял телефонную трубку.

— Дежурная слушает, — вежливо проговорила Мира.

— Ты можешь разговаривать? — спросил я ее.

Она прижала губы к телефонной трубке.

— Не очень свободно. А что случилось, дорогой?

— Послушай, Мира, насчет этих телефонных переговоров, которые Пат заказывала с Вилледж 7-36-46. Ты действительно сама слышала, как она разговаривала с Кери?

Вне всякого сомнения мистер Халпер находится где-то поблизости от Мира. Голос ее становится очень сухим и резким.

— Телефонистки никогда не подслушивают разговоров, мистер Стоун. Это послужило бы причиной немедленного увольнения.

Я повесил трубку. Эти разговоры должны были заканчиваться тогда, когда Пат уходила из дома. Но кём? Вены на висках начали пульсировать. Или все эти телефон-

ные вызовы квартиры Кери были изобретением Миры Велл? Чтобы иметь возможность спрятать их от Джима Пурвиса. Чтобы я был ей особенно благодарен. Чтобы добиться того, чего она так страстно хотела. Ибо этого, по ее собственному признанию, она дожидалась целый год.

Я вновь снял трубку и назвал ей номер Ника Казараса. Телефон у него звонил долгое время, после чего я снова услышал Миру. Халпер, по всей вероятности, ушел из конторы, и голос ее стал теплым и нежным:

— Твой номер телефона не отвечает, дорогой!

Я уже собрался попросить ее соединить меня с комиссариадом, но потом решил прикинуться простачком. Голос Миры ласкал мой слух.

— Иди и скорее ложись спать, Герман, ты слышишь? И сохрани для меня теплую постель...

Я повесил трубку. Потом принял холодный душ и оделся как можно лучше. Физиономия моя не слишком распухла, и чувствую я себя отлично. Я сунул запасной револьвер в кобуру и положил дневник Пат в карман. Надев фетровую шляпу, которую носил по воскресеньям, я взял приготовленный для Пат несесер, запер квартиру на двойной оборот ключа и вызвал лифт. Мира видела, как я проходил через холл. Она приподнялась на своем стуле, будто собиралась позвать меня, но не посмела этого сделать. Ей нужно было думать о своей работе, а мистер Халпер стоял тут же, на пороге, рассуждая с двумя продавщицами веломоторов о качестве предлагаемых ими товаров. Халпер очень удивился, увидев меня. С такой постной рожей ему в самый раз выступать на похоронах.

— Я глубоко опечален, мистер Стоун,— сказал он проникновенным голосом.

— Ах, да. Я тоже.

Мне хочется поскорее отделаться от него.

Быстрыми шагами я направился к месту, где оставил машину,— прямо против заведения Майерса. Я вошел туда. У стойки стоит новый парень. Во всяком случае, раньше я его здесь не видел. Майерс занят с клиентом. Я подождал, пока он освободится, и спросил, вышел ли Карл Симон на работу?

Ворча, простак выложил все, что знал:

— Полиция, полиция. Всегда вопросы. А ведь мне нужно зарабатывать на жизнь, не так ли? — Майерс все это высказал в мой адрес.— Нет, он не вернулся. И мне не

только пришлось самому обслуживать клиентов, пока не нашел ему замену, но я еще пробыл больше часа в полиции, рассказывая все, что знаю об этом Симоне. Где он живет, кто его рекомендовал... Откуда я знаю?.. Честно говоря, мне не трудно и самому обслужить клиентов. Не так уж много я зарабатываю, чтобы платить жалование служащему, и без этого все мои доходы сводятся к нулю. Какой, вы думаете, доход я получаю от одной чашки кофе?

Говоря это, Майерс сильно ударил кулаком по прилавку. Он причитает. А я выхожу и на зеленый свет собираюсь перейти улицу.

Обведенный заголовок на лотке газетчика прерывает мне дыхание: «Таинственное убийство детектива на Таймс-сквер».

Я оттолкнул одного покупателя, чтобы прочесть заметку. Она помещена в последнюю минуту. В ней кратко говорится, что детектив Ник Казарас, прикрепленный к комиссариату на 47-й улице, не явился с рапортом по окончании смены. Ему позвонили домой ввиду исключительности происшедшего. Его жена, очень обеспокоенная его отсутствием, ничего не знала. Но вопрос прояснился раньше, чем газету полностью сверстали. Режиссер одного из театров квартала, открыв склад аксессуаров, обнаружил там детектива Казараса. Он лежал в сундуке. Мертвый.

Тут я услышал, что мне что-то говорят.

— Послушайте, мистер, если вы не возражаете, — сказал мне маленький газетчик, — купите газету или дайте дорогу тем, кто ее покупает. Вы можете почитать это в библиотеке на 42-й улице.

Я сунул руку в карман, потом вспомнил, что истратил последнюю монету, когда покупал утренние газеты, и отошел в сторону. Подробности мне сообщат в комиссариате. Я подошел к машине и собирался открыть дверцу, когда на меня вновь напала тошнота. Второй раз за последний час. Но сейчас уже дело не в роме.

«Хочешь оказать мне услугу, Ник?» — спросил я. — «С удовольствием, Герман». И теперь Ник мертв. Может быть, Ник умер потому, что, пока я забавлялся с прекрасной блондинкой, доказывая ей, какой я замечательный парень, он пытался найти негодяя по имени Карл Симон. Прохвоста, который дал Пат ту роковую кока-колу. Это последнее, что помнила Пат, пока не потеряла сознание.

Глава 8

Смена нарядов произошла в четыре часа, но никто не ушел домой. Тротуар около комиссариата на 47-й улице чернел от фликов. Это понятно. Каждый день случается убийство, но сегодня совсем другая история. Сегодня убили одного из наших.

Парни расступились, давая мне пройти: у меня хорошая репутация, когда я не делаю глупостей. Я — Герман Стоун, известный детектив, который постоянно имеет дело со всякими преступлениями. Парень, который находит убийц благодаря магии. Итак, Герман, скажи же нам, кто мог уничтожить Ника Казараса?

Лейтенант Фиачетти сидит за стеклом. Я спросил его, здесь ли еще наряд.

— Уже нет, Герман, полагаю, он отправился в Центральный комиссариат.

— Нашли что-нибудь?

Фиачетти старается казаться безразличным, но его выдает голос.

— Не думаю, Герман.

Я прошел в зал дежурных. Там увидел Педерсена, приятеля Казараса. Высокого роста швед с короткими волосами. Очень хороший парень. У Педерсена совершенно угнетенный и недоумевающий вид и вместе с тем он полон ярости. Я знаю, какое впечатление это произвело на него. Знаю, какое впечатление это производит на всех фликов, когда их товарищ лежит в морге. Каждый из нас в такой момент думает: «Это мог быть я, если бы Провидение захотело этого».

Я сел рядом с ним.

— Что за работа была сегодня, Свен?

Педерсен без всякого интереса перелистывал рапорты своего наряда, эту своеобразную библию полицейских. Там записывалось все: показания флика, появившегося первым на месте происшествия, показания полицейского врача, парней из дома, старой дамы, которая не спала, типа, который случайно оказался там, флика, занимающегося следствием, и того, кто ответственен за арест, — все эти незначительные и важные показания, которые в конечном счете, рано или поздно служат обвинительным заключением.

— Ничего. Ни единого кончика, за который можно было бы ухватиться. Ничего, кроме кучи свидетелей, которые ничего не хотят говорить. Никто не слышал выст-

рела. Никто никого не видел. Никто не знал, что Ник мертв уже несколько часов.

Я предложил ему сигарету.

— Расскажи мне все с самого утра, Свен.

Он сильно затянулся сигаретой.

— Я на минуту зашел в отель «Астор» по делам. Когда вышел оттуда, Ник сказал мне, что ты только что проехал и просил его найти парня по имени Карл Симон, который живет где-то в этом квартале. Единственный, кто соответствовал указанным приметам, был, по нашему мнению, Джой Симон, негодяй, которого мы зацепили в одном отеле на 42-й улице шесть месяцев назад по мокрому делу.

— Пожалуй, это тот, кого я ищу. Сколько он зарабатывал тогда и что делает теперь?

Педерсен закурил другую сигарету от окурка.

— От двух до десяти лет. Но вышел под залог в пять тысяч долларов и исчез. У нас оставалось еще полчаса, и мы решили обойти все отели, какие только успеем. Ник взял одну сторону улицы, я другую. Я ничего не обнаружил. В восемь часов я вернулся в комиссариат для сдачи рапорта. Ник еще не возвращался, но тогда это меня не волновало.

— Почему?

— Потому что Ник мне рассказал, что ты оказал ему не знаю уж сколько услуг, провел с ним его первое следствие и что если он к восьми часам ничего не обнаружит, то позвонит по телефону в комиссариат и один продолжит поиски. Этот Симон, которого ты ищешь, имеет какое-нибудь отношение к неприятностям твоей жены, Герман?

— Да, насколько я знаю.

Педерсен пожевал сигарету, которую только что закурил.

— Во всяком случае, я ничего не знал до телефонного звонка лейтенанта Фиачетти. Он позвонил мне три часа назад и сообщил, что обнаружен труп Ника за кулисами театра на 45-й улице.

Я попробовал выяснить некоторые детали.

— А с какой улицы вы начали обход?

— С 45-й.

— Дверь театра остается открытой всю ночь?

— Сторож клянется всеми святыми, что нет.

— Держу пари, сторож стар.

— Совершенно верно.

— Когда его нашли, сколько времени Ник был уже мертв?

— Полицейский врач утверждает, примерно семь часов.

— Другими словами, он дал себя спустить сразу же, как только вы расстались?

— Похоже на то.

— А как его убили?

— Пулей в затылок.

Я встал.

— Ну что ж! Благодарю тебя.

Педерсен стал ходить по комнате, хрустя фалангами пальцев и время от времени ударяя кулаком по ладони другой руки. В этом не было ничего театрального. Он просто не мог сидеть спокойно, не мог примириться со свершившимся фактом.

— Негодяй! Негодяй! О, Господи, сделай так, чтобы он попал мне в руки!

Может быть, это простое совпадение, что Ника спустили сразу после того, как я попросил его найти Симсона. Может быть, он спугнул вора, выходявшего из театра. И все же в простое совпадение верится с трудом. Гораздо более вероятно, что за нами следили, что за мной следовали от Майерса до Таймс-сквер. Если этот парень, Симон, замешан в деле, он, конечно, не сомневался, что его будут разыскивать. Именно он является ключевым звеном в деле Пат.

«И я, в ожидании сигарет, выпила у прилавка кока-колу».

Я спросил у Педерсена, нет ли у него фотографии Симона.

Он покачал головой.

— Нет, в этом нет надобности, я знаю эту птицу. Но Джим Пурвис послал уже за ней в архив.

Я не шел, а плелся. И не придумал ничего лучшего, как расположиться около телетайпов и ждать новостей. По мере их поступления можно будет следить за охотой на этого типа. Мне незачем терять время на театр. К тому же я хотел повидать Джима. Убийство Ника и дневник Пат убедят его в моей правоте, он не сможет теперь не верить мне.

И все же я решил уйти. На пороге меня остановил лейтенант Фиачетти.

— Герман,— сказал он,— ни одна муха не сможет вылететь из Манхэттена.

Я поверил ему на слово и в своей машине направился к низким строениям тюрьмы. По дороге остановился у цветочного магазина Крамера, где у меня открыт счет, и купил для Пат большой букет орхидей. Сторожиха, которой я передал букет, спросила, не хочу ли я увидеть Пат. Ну, нет, после того, что у меня произошло с Мирой... Но тут в голову мне пришла одна мысль. Я снял шляпу.

— Если это возможно.

Она проводила меня до комнаты свиданий и оставила одного. Я вытер лицо, надеясь, что история с Мирой не отразилась на моем виде и останется в тайне. До чего же мужчина может быть кретином! Я вел себя как развратник с первой попавшейся шлюхой. Появилась прекрасная блондинка — и вот он, секс...

Пат одета в свое платье. Это означает, что она пока считается задержанной. Ей страшно, но вид у нее все-таки немного лучше. Я никогда полностью не осознавал, как она прекрасна. Большинство рыжих женщин испытывает много неприятностей из-за цвета волос. Но не Пат. Ее кожа, как у камелии: шелковистая и гладкая. Единственный ее дефект — маленькая родинка, на которую Свенсоны обратили внимание.

Сторожиха старается держаться как можно незаметнее. Она подошла к окну, села на подоконник и стала смотреть в темноту.

Я обнял Пат. Очень осторожно, как хрупкую вещь.

— Как дела, малышка?

Ее руки обхватили мою спину.

— Я боюсь, Герман. Я очень тебя прошу, уведи меня отсюда.

Она подняла свои влажные глаза и посмотрела на меня.

— Ты по-прежнему веришь мне? Несмотря на то, что газеты написали про меня такие ужасные вещи?

— Я все время верю тебе.

— Я счастлива, — тихо проговорила она. — Я счастлива.

У нее ротик маленькой девочки, нежный и мягкий. Но мне не приходится наклоняться, чтобы поцеловать его. Совсем как с Мирой. Пат красивая девушка. Мысли одолевают меня. Они обе одинаково сложены. Если бы не цвет волос и веснушки на носу Миры, можно было бы подумать, что они сестры. Я спросил у Пат:

— Ты знаешь мисс Миру Белл?

— Нет,— ответила она, и волосы ее ласкают мою щеку, когда она отрицательно качает головой.

— Она дежурит внизу, у телефона. Такая блондинка.

— Ах да, вспомнила,— ответила Пат.— Очаровательная девушка.

— Если ты так находишь. Ты с ней когда-нибудь разговаривала?

— Никогда.

— И она никогда не поднималась к нам?

— Во всяком случае, я этого не знаю. А почему ты об этом спрашиваешь, Герман?

Я оставляю вопрос без ответа и рассказываю ей, насколько возможно, эту историю.

— Джим пытался достать запись наших телефонных переговоров из квартиры, а она отказалась дать их ему. А судя по этим записям, по крайней мере два раза в день из нашей квартиры вызывался Вилледж, номер 7-36-46.

— Это номер телефона Кери?

— Да.

— Я не звонила ему, Герман. Поверь мне. Я никогда не видела этого человека, пока не очнулась в его квартире.

— Скажи мне еще кое-что. Ты помнишь, у тебя было домашнее платье из бледно-зеленого шелка?

— Да.

— Куда оно делось?

Пат стала тереть свой лоб.

— Не могу вспомнить, Герман. Я слишком боюсь и слишком беспокоюсь.

Мои пальцы сомкнулись вокруг ее руки.

— Ты должна немного напрячься. Ну, подумай.— Я потрянул ее.— Вспомни.

— Я его отдала. Да, теперь я вспомнила. Кто-то пришел ко мне и сказал, что они собирают вещи для нуждающихся. Я отдала свое домашнее платье и другие вещи, которые почти уже не носила.

— Это был мужчина или женщина?

— Женщина. Да, я совершенно уверена, женщина.

— Мисс Велл?

— Молодая девушка, телефонистка?

— Да.

— Нет, я уверена, это была не она. Я теперь все вспомнила. Приходила очень приятная старая дама с седыми волосами. И, кроме пеньюара и платьев, я дала ей немного всякого белья, чулки и старое манто из верб-

люжей шерсти. Было тепло, я его не носила, оно просто висело в шкафу.

Пат старалась не плакать, но ей это плохо удавалось.

— Я... мне страшно находиться здесь, Герман. Я стараюсь храбриться, но я безумно боюсь.

Я ударил ее по щеке. Очень легко. Это скорее ласка, чем удар.

— Не надо плакать. А потом ты когда-нибудь видела эту старую даму?

— Нет, это был единственный раз.

Ничего больше она не могла мне сказать, кроме еще одной вещи.

— Этот негодяй Симон, тот тип, который работал официантом у Майерса, он ничего такого не предлагал тебе?

— О, ничего определенного.

— То есть?

Она покраснела.

— Понимаешь, приблизительно неделю назад он мне сказал, что я действительно очень красивая женщина и что, если это меня интересует, он сможет устраивать мне время от времени заработок в сотню долларов.

— И что же ты ему ответила?

— Ничего. Влепила ему пощечину по его грязной роже.

— Почему ты мне ничего не сказала?

— Я боялась, что ты изобьешь его.

Я стал обдумывать ситуацию. Не было никакого сомнения, что этот Карл на самом деле Джой Симон: он работал официантом, пока не истек срок его наказания, и продолжал свои маленькие грязные делишки, снабжая кое-каких типов дорогими курочками, работающими по определенному соглашению.

— Это поможет тебе в расследовании? — спросила Пат.

— Думаю, что да.

Сторожиha отошла от окна и бросила на меня выразительный взгляд. Я понял намек и, взяв со стола букет, подал его Пат.

Она спрятала лицо в цветах, потом сквозь слезы улыбнулась мне.

— Ты еще любишь меня, дорогой?

Я редко чувствовал себя так скверно. И поцеловал ее в нос.

— Моя дорогая, я не смог бы любить тебя больше,

даже если бы и захотел, разве только у тебя была бы сестра-близнец.

После этого я быстро смотался оттуда. Судя по медицинской экспертизе, Пат имела любовные сношения и, возможно, не один раз. Но она, по крайней мере, была тогда без сознания. Но не я. Выйдя наружу, я стал звонить в разные места в надежде застать Джима. Наряд уже прибыл в Центральный комиссариат. Джим ответил мне с той же интонацией, с какой говорила мне и блондинка.

— Я надеялся, ты будешь видеть спокойно до полуночи.

Я попросил его никуда не уходить, сел в машину и на большой скорости помчался на Чарлз-стрит. Там так же отвратительно, как и всегда. Старый Хенсон все еще там. Он в курсе дела.

— Это ужасно, Герман, что твоя жена сделала это. У меня тоже была жена, которая меня обманывала. Это было много лет назад.

— И что же ты сделал?

— Я развелся. Но, уверяю тебя, я не раз жалел об этом, когда возвращался к себе, в одинокую комнату. Если бы ты знал, какого верблюда я взвалил себе на плечи!

Не слушая его, я иду вслед за ним до кабинета инспектора Греди. Среди других там находится и комиссар Рейхард. Восточный и Западный Манхэттен находятся под его наблюдением, а операцией руководит Греди.

— Значит, миссис Стоун принадлежит к числу ваших друзей? Для полиции она лишь подозреваемая, как и другие. Оставьте в покое эту историю. Включайтесь немедленно и форсируйте поиск убийцы детектива. Мне нужен мерзавец, который спустил Казараса. Поняли, капитан?

— Да. Уверен, что понял, — ответил Джим.

Он достаточно вежлив, но не слишком-то соблюдает иерархию. Он может позволить себе такую роскошь. Ведь он капитан Уголовной бригады Восточного Манхэттена, и при таком положении инспектор Греди может лишь перевести его из Уголовной бригады и понизить до чина лейтенанта. Для нас же все гораздо серьезнее. Мы лишь простые детективы первого класса. Одним жестом вышестоящие могут отправить нас шагать по тротуарам в нижнем городе. И прощай мое содержание лейтенанта, дающее мне в год свыше пяти тысяч долларов.

Греди уселся за свой письменный стол.

— Итак, почему вы прицепились к делу Стоун?

Джим стал защищать свои позиции.

— Потому что я считаю, что оба дела связаны между собой.

— Черт возьми! — проворчал Греди.

Тут он заметил меня и начал расстегивать ворот рубашки.

— Что это ты высматриваешь здесь, Герман? Мне кажется, я сказал тебе, чтобы ты взял отпуск на пятнадцать дней?

— Да, сэр, действительно. Я только что вошел, сэр.

Комиссар Рейхард подошел поближе, скрестив свои руки на толстом животе.

— Не будьте нескромным.

— Нет, сэр. Но моя жена не убивала Кери, понимаете? И, как уже сказал капитан Пурвис, я предполагаю, что убийства Казараса и Кери связаны друг с другом.

— Почему? — резко оборвал Греди.

— Потому что Ник Казарас прожил тридцать три года, из которых шесть был фликом. Но через четверть часа после того, как я попросил его найти Симона, прохвоста, который работал официантом в закусочной Майерса, кто-то застрелил Ника, пустив ему пулю в затылок.

— А по моему мнению, тут совсем другое, — вздохнул Греди. — Вот мы опять вернулись к этой проклятой кокаколе. Послушай, Герман, ведь я уже говорил тебе, что своими глазами видел твою жену с Кери.

Я попытался как можно вежливее уличить его во лжи.

— Вы считали, что видели Пат, сэр. Но это была другая женщина, подделывающаяся под Пат, чтобы ее приняли за нее.

— Кто же это был?

— Еще не знаю.

— А для чего бы она делала это?

— Этого я тоже не знаю.

И прежде чем старик успел мне возразить, я вытащил из кармана дневник Пат и положил его на стол перед ним.

— Вот доказательство. Я обнаружил этот дневник Пат сегодня после полудня, и в нем нет даже намека на имя Кери.

Греди стал перелистывать дневник, кидая взгляд то туда, то сюда. Когда он снова заговорил, голос его стал немного мягче.

— Итак, ты утверждаешь, что это доказательство того, что Пат его не убивала?

— Да, сэр.

Греди закрыл дневник и, выдвинув ящик стола, положил его туда.

— Это ценный документ. Прокурорский надзор заинтересуется им. Но это доказывает лишь одну вещь: то, что миссис Стоун действительно очень ловкая женщина. Она знала, чем она рискует, ведя себя так, как она это делала, и заранее решила обеспечить себе алиби. Весьма возможно, помощник прокурора посчитает его весьма интересным документом. Это лишь подтвердит предположения Хаверса, что Пат решила убить Кери давно и только поджидала удобный момент.

Я не подумал о такой возможности и громко возмутился.

— Это ложь от начала до конца...

И прибавил немного запоздало:

— ...сэр. К тому же я знаю, каким образом пеньюар Пат и другие вещи оказались в квартире Кери.

— Я с большим вниманием слежу за твоими словами. Расскажи-ка мне об этом,— сказал Греди.

Я это сделал.

— К ней приходила старая дама под тем предлогом, что она собирает вещи для нуждающихся. И Пат дала ей немного ненужных вещей.

— Откуда ты это узнал? И когда?

— Несколько минут назад.

— И кто тебе это сказал?

— Пат.

— Она тебе так сказала?

— Да.

Греди стал считать:

— Один, два...— и таким образом до десяти. Потом он с угрожающим видом выпрямился за письменным столом.

— Послушайте меня хорошенько, проклятая голова голландского мула. В последние пять лет не проводилось никаких кампаний по сбору пожертвований для нуждающихся. Эту женщину опознали как часто появлявшуюся у Кери. Видели, как она поднималась по лестнице. Совершенно трезвая и знающая, что она делает. Агенты Жиль и Мак нашли ее за закрытой дверью, голую и пьяную. Медицинская экспертиза установила, что у нее были половые сношения с мужчиной, что она крутила с

Кери любовь. Может быть, даже не один раз. Итак, не пудри мне больше мозги. Нам нужно заниматься историей Казараса. Немного благоразумия, ну, прошу тебя! Ты ведь не маленький мальчик!

Я засунул руки в карманы, как раз вовремя, чтобы удержаться и не схватить его за глотку.

Греди продолжал немного спокойнее.

— Я очень огорчен за тебя, мой мальчик. Я отлично понимаю, какое впечатление это произвело на тебя. Но не заставляй меня принять меры, о которых я сам же потом пожалею. Ты хорошо делаешь свое дело. Я считаю тебя симпатичным парнем. Тебе выпала проклятая неудача: ты попал в отвратительное положение. И я прошу тебя: воздержись от каких-либо действий на пятнадцать дней. Постарайся встать на ноги. Тебе поможет температурная телефонистка, и, если ей нравится делать это под музыку,— включи радио.

Я почувствовал, как мне сдавило горло.

— Откуда вы знаете про Миру?

И тут я понял, что произошло. Когда дело идет о работе, ничего святого не существует. Пока Джим разговаривал со мной в комнате, отвлекая мое внимание, Монт и Корк установили микрофон. Им нужно было знать все, что говорила и делала Мира. А также мы с ней вдвоем. Парни просто хотели убедиться, что я ничего от них не скрываю.

Не вынимая рук из карманов, я обратился к Джиму:

— А эти соединения с Вилледж 7-36-46?

Он сразу понял, что я хотел этим сказать.

— Все правильно. Я разговаривал с другой телефонисткой.

У меня создалось впечатление, что он решил добить меня.

— Когда я пришел, мне показалось, что ты на стороне Пат?

Джим отрицательно покачал головой.

— Нет. Не совсем так, Герман. Как я уже говорил тебе сегодня утром, это дело выходит за рамки личных интересов и симпатий. Я просто предположил, что оба убийства как-то связаны между собой.

Я повернулся на каблуках и направился к выходу.

Голос инспектора Греди останавливает меня.

— Куда ты идешь, Герман? К себе?

Я встал перед ним.

— Нет. Я отправляюсь на поиски Джоя Симона.

И я заставлю его признаться, что его наняли, чтобы он усыпил Пат и доставил ее к Кери. Я сделаю это, чего бы мне ни стоило, даже если мне придется вышибить у него мозги.

Греди заметил, что это как раз тот случай, о котором он первый пожалеет, и добавил:

— Верните вашу бляху, Стоун. С этого момента вы понижены в должности.

Рейхард прочистил горло.

— Это приказ, Стоун.

Греди нетерпеливо постучал по столу.

— Вашу бляху, Стоун! Вашу бляху!

Что я мог сказать ему? Что я допустил, чтобы два бандита отняли ее у меня в подъезде на Гроув-стрит? Я повернулся и быстро вышел из кабинета.

Старый Хенсон спустил меня на нижний этаж. Когда лифт остановился, я спросил у него:

— А инспектор Греди был когда-нибудь женат?

Он утвердительно кивнул головой.

— О да, на одной маленькой рыжей ирландке. И мне кажется, у него даже были две девочки. Но все это было не вчера.

— А что произошло?

Хенсон слегка присвистнул.

— О, конечно, то, что я знаю, я слышал от других или читал в газетах. Но я хорошо помню эту историю, она напоминает мою. В один из вечеров Греди вернулся домой немного раньше обычного. И если бы он дал волю своей ярости, он сейчас сидел бы в тюрьме, а не был бы инспектором и шефом.

Я вышел на улицу и посмотрел на ночное звездное небо. Мне необходимо иметь веру. У меня она есть. Мне необходимо верить в свою любовь так же слепо, как я верю в Бога.

Греди и Хенсон вытащили несчастливые номера. К тому же это происходит каждый вечер в больших отелях и маленьких, в трущобах и на роскошных виллах. Но существуют миллионы чистых и порядочных женщин. И Пат одна из них. Она честная, она хорошая. Она верная.

И я докажу это всем во что бы то ни стало. Или сдохну.

В моей машине есть радиоприемник. Я включил его и стал слушать позывные полиции. Передачи перекрещивались: их было слышно от Манхэттена до Бруклина и Кюинса. «Машина 44 — отправляйтесь по такому-то заданию. Капитан такой-то — свяжитесь с Центральным комиссариатом».

Машины с рациями пролетали по узким улицам, воя сиренами, как разъяренные коты. Аэропорты, автострасы, мосты — все взято под контроль. Флики в гражданской одежде и униформе дежурили на вокзалах железных дорог, автобусов, станциях метро, на всех стратегических пунктах, начиная от востока и до запада, прочесывая все на своем пути и передавая эстафету другим после окончания смены. Арестантские всех постов заполнены всевозможными негодьями, продажными девицами, бродягами, блудницами, разыскиваемыми полицией, мелкими гангстерами, сводниками, всеми, кто каким-либо образом смог бы дать сведения об убийстве Ника Казараса.

На конце каждого волоска моих рук по капельке пота. Я был очень рад, что не я тот флик, которого спустили. Кто знает, может, вовсе и не Джой Симон прикончил Ника. Как бы то ни было, парни схватят убийцу. Это не обычная история, когда полиция ловит преступника. Тот, кто спустил Ника, сделал это по личным причинам. Начиная с самого маленького чина в полиции, с дебютанта, мечтающего о нашивках, до самого большого чина в Центральном комиссариате, у всех в этот вечер была только одна мысль: «Надеюсь, что Провидение поможет именно мне поймать убийцу».

По дороге я остановился около антропометрического бюро, чтобы взять фотографию Джоя, используя, вероятно, последнюю возможность получить что-либо официальным путем, пока еще не стало известно о моей отставке. Вольшой Герман больше не флик. Теперь должен выйти приказ. Может быть, меня вообще выкинут из полиции. Нарушение субординации может завести далеко.

Я остановился на другой стороне улицы, напротив бара Эдди Гиннеса, и стал рассматривать фотографию Джоя. Я бы очень хотел показать ее Пат. Мне также хотелось показать ее Майерсу. Но я очень тороплюсь. Я непременно хочу обнаружить Джоя до того момента,

как Джим наложит на него свои лапы. Инспектор Греди уверен, что Джим способен на это. Джим тоже. Но они его не поймают. Они только допускают мысль, что, может быть, обе истории составляют одну.

А Джой, этот пройдоха — профессионал. Если его схватят, он постарается выкрутиться. Его адвокаты поработали бы для него.

Но если Джиму удастся поймать Джоя, он сумеет довести его до электрического стула. Мне нечего терять. Я пересек улицу и вошел к Гиннесу. Было еще рано, но бар уже полон. Красивая молодая брюнетка старалась, чтобы ее все слышали в этом баре: «Ты должен знать, что я тебя люблю», — выводила она хриплым голосом.

Гиннес прислонил свой живот к стойке бара.

— Как дела, Герман?

Я указал пальцем в направлении оркестра.

— Откуда вы выкопали их? Ведь это старо, как мир.

— Вы пришли сюда; чтобы поговорить о музыке?

Я достал фотографию Симона и показал ему.

— Нет. Вы должны были видеть этого парня. Он приходил сюда?

Гиннес рассматривал фотографию.

— Вы что, смеетесь, Герман? — Он посмотрел на часы. — Совершенно точно, вы опоздали ровно на три часа. Джим, Монт и Кок приходили сюда около пяти часов и задали тот же вопрос. Ответ они получили тот же: насколько я помню, он ни разу здесь не был. И почему столько шума из-за этого парня? Это он спустил флика?

— Так думают.

Гиннес сложил свои три подбородка.

— Бедный негодяй! На его месте я бы уже давно мчался по дороге в Рио.

В задумчивости я вышел от него: где бы я спрятался, если бы убил флика?

Во всяком случае, не в Гринвич-Вилледж. Я пешком дошел до Вашингтон-сквера. Все здесь изменилось. Нет парней со слишком длинными волосами, их сменили молодые, коротко остриженные, и дети, и вообще все выглядит гораздо приличнее, чем раньше.

Хенлон живет в импозантном небоскребе, совсем близко от Пятой авеню. Преступная деятельность хорошо оплачивается, если умеешь выходить сухим из воды.

Привратница пытается задержать меня. Я отстранил ее.

— Уголовная бригада Восточного Манхэттена.

Она принимает безразличный вид.

— Хорошо, сэр. А что вы хотите посмотреть?

Я ответил ей, что это ее не касается, и направился к лифту, который привез меня на восемнадцатый этаж.

Уже не первый раз я наношу визит Ралфу Хенлону. Правда, ни к чему особенному это не приводило. Но на сей раз должно быть по-другому. На сей раз я не буду надевать белые перчатки, чтобы поговорить с ним. У него мой револьвер, и я решил вернуть его вместе с бляхой во что бы то ни стало.

Я нажал на кнопку звонка. Раздался красивый звон. Хенлон сам открыл дверь, будто ожидал кого-нибудь.

— Что вы хотите? — спросил он.

— Войти. — Я отстранил его, чтобы пройти в квартиру. Из небольшой передней дверь ведет в огромную гостиную. По сравнению с ней моя гостиная просто малюсенькая. Одни только занавеси и концертный рояль стоят вдвое больше, чем вся моя обстановка. На диване блондинка в черном костюме. Можно подумать, она только что плакала.

Хенлон следом за мной прошел в комнату.

— Что вы хотите? — повторил он.

— Бляху и револьвер.

— Послушайте, Стоун, вы отдаете себе отчет в том, что говорите?

— Вы отлично понимаете, что я говорю, и отступать я не собираюсь. После того, как я как-то утром съездил вам по морде у Гиннеса, вы послали своих парней пощипать мне перышки. Это произошло в темном подъезде на Гроув-стрит. Я проиграл. А им показалось очень забавным лишить меня оружия и бляхи. А также монет и бумаг.

Блондинка встала и подобрала накидку.

— Мне, кажется, лучше уйти.

Я кинул на нее взгляд.

— Не двигайтесь.

Она снова села. Не возражая. Это удел бедных. Некоторые девушки, как только им удастся заработать несколько долларов, стремятся получить их еще больше. Блондинка явно относится к этой категории. И ей уже, видимо, приходилось иметь дело с представителями порядка. Но на этот раз на шутку не похоже. Она не хочет наживать себе неприятности, отказываясь подчиняться распоряжению флика,

Я посмотрел на нее. Мне трудно прочитать что-нибудь на таком лице. Вероятнее всего, девушка работает на богатых по их вызовам. Я чувствую, как на висках у меня вздуваются вены. Джой Симон должен был получить от двух до десяти лет за то, что занимался поставкой девушек по сто долларов за ночь. И вдруг я обнаруживаю такую блондинку у Ралфа Хенлона. Возможно, это не простое совпадение.

— Не понимаю, о чем вы говорите,— продолжал Хенлон.

Я повернулся к нему.

— Держу пари, отлично понимаете. До какой степени вы замешаны в этом деле, Хенлон?

— Не понимаю, о чем вы говорите,— повторил он.

Блондинка сделала движение, чтобы открыть свою сумочку. Я забрал ее и заглянул внутрь. Оружия там не было. Я вернул сумочку с не очень любезной улыбкой.

— Я хотел бы узнать у вас кое-что.

— Что? — спросила она.

— Вы очаровательны. Сколько это стоит, дорогая?

Она сделала хитрую мину, какую обычно делают такие девицы. Потом ответила, хлопая ресницами:

— Э-э, вообще-то я беру сотню долларов. Но вам я охотно сделаю скидку, потому что мне не придется платить комиссионных.

Неожиданно до нее дошло, что она сказала. Ее улыбка сразу утратила уверенность.

Я обратился к Хенлону.

— Покупатель или продавец?

К нему уже вернулся его нахальный вид. Он пытается изобразить, что ему все нипочем и что он знает свои права гражданина.

— Уходите отсюда. Немедленно! Мне безразлично, кто вы. Вы не имеете никакого права врываться в мою квартиру без ордера на обыск.

Я показал ему дуло револьвера.

— Об этом я уже подумал и потому пришел вместе с ним. Где прячется Джой Симон, Ралф?

Я заметил закрытую дверь, которая, вероятно, была дверью спальни.

— Посмотрим ту комнату, проходите вперед, Ралф.

По его наглому лицу пробежала тень.

— Скорее я сдохну. Вам это дорого обойдется, слишком дорого, Стоун.

— Так всегда говорят.

Улыбка блондинки просто пленительна.

— Там лежит мой приятель Тони. В постели. У него сломана нога.

Хенлон выругался по ее адресу. Я стал думать, кому она подыгрывает — ему или мне? Когда я появился, она плакала. Может быть, он чем-нибудь обидел ее и теперь ей доставляет удовольствие отомстить ему? Я толкнул Хенлона к двери.

— Откройте дверь. А не то я рассержусь.

Он открыл дверь. Один из двух парней, которые были с ним у Гиннеса, когда Хенлон позволил себе проехаться на счет Пат, лежал на кровати: левая нога в гипсе. Если память мне не изменяет, то на его антропометрической карте, которая хранилась у нас, стояло имя Вонелли. Я обратился к нему:

— Мне отчетливо слышался тогда хруст сломанной кости.

Он решил врать.

— Не понимаю, что вы хотите этим сказать. Механик в гараже Енсена забыл выключить кран. Кран ударил меня и сломал мне ногу.

Я подтолкнул Хенлона, чтобы он прошел впереди меня в комнату, и стал шарить в одежде, развешенной на стуле.

— Вы можете это доказать?

— Шестью свидетелями, — ответил Вонелли.

— Спасибо за работу, Тони. Придется время от времени навещать Енсена. Я не знал, что он получает свой хлеб с маслом таким образом.

Я тщательно обыскал одежду Вонелли, не выпуская из рук револьвер. У Хенлона я тоже ничего не нашел. Не нашел в ящиках комода и в вещах, висящих в шкафу. Пусто. Мне пришлось бы потратить целую неделю, прочесывая здесь все, а результат получил бы тот же. Я закатил Хенлону такую оплеуху, что он стал плевать кровью.

— Итак, или ты скажешь мне, где это находится, или я тебе такое устрою!

— Не знаю, о чем вы говорите, — сказал Хенлон с уверенной улыбкой.

Это вывело меня из себя. Я ударил еще. Ударил его так, что он отлетел к ногам Вонелли и грохнулся на пол. Вонелли понял, что сила на моей стороне.

— Теперь, без сомнения, моя очередь, — насмешливо проговорил он. — Но у вас будет много неприятностей,

когда узнают, что такой дубина флик чинит правосудие, избивая человека, у которого нога в гипсе.

Я попытался заставить Хенлона сесть. Его голова болталась. Пройдет еще некоторое время, прежде чем он обретет дар речи. Но меня бы удивило, если бы даже в этот момент он заговорил. Такие типы не выдают своих секретов. Они знают, что их дело — делать бизнес, а защищать их будут адвокаты. К тому же у меня нет ни малейшей зацепки против него. Даже если бы я продолжал служить, я ничего бы не смог сделать с ним.

Я вернулся в гостиную и обшарил письменный стол Хенлона, но не нашел ничего, что могло его скомпрометировать — ни в убийстве Кери, ни в убийстве Казараса. Неожиданно одна мысль пришла мне в голову.

Накануне того дня, когда Пат обвинили в убийстве Кери, я позвонил ей из телефона-автомата и сказал, что скоро приеду домой. Пат была растеряна. Оказывается, ей звонила Чирли и сказала, что они с мужем едут к нам играть в канасту, а у нас ничего в доме не было к ужину. Я безрезультатно искал кусочек бумаги и в конце концов вынужден был нацарапать все то, что просила меня купить Пат, на банкноте в двадцать долларов. Если память меня не подводит, эта банкнота еще лежала в моем бумажнике тогда, когда на меня напали на Гроув-стрит.

Я вернулся в спальню и снова обследовал бумажник Вонелли. Нашел там четыре банкноты по двадцать долларов, и на оборотной стороне одной из них было написано: «Килограмм рагу из жареной дичи, банка говядины, баночка майонеза, баночка соленых оливок, пакет приготовленных овощей».

Я показал банкноту Вонелли.

— Ты видел это, парень?

У него уже исчезло желание насмеяться. Он стал таким же бледным, как и его бинты. Похожим на рецидивиста, для которого еще одно обвинение приведет к очень серьезным последствиям. Я дал ему возможность хорошенько подумать, пока отсчитывал принадлежавшие мне сорок восемь долларов, которые положил в свой карман. После этого уселся на кровати рядом с ним.

— Ладно. Где бляха и револьвер, Тони?

Пот крупными каплями стекает по его лицу. Он молча смотрел на меня. Я встал и добавил ему:

— Ну что ж, хорошо. У тебя будет очень бледный вид, если остаток своей жизни ты проведешь в тюрьме,

и все это за сорок восемь долларов и за удовольствие обокрасть флика.

Он дал мне дойти до двери, прежде чем крикнул:

— Нет!

Я повернулся, чтобы посмотреть, в каком он теперь состоянии. Такое обвинение — не простая угроза, и он это отлично понимает.

— Что — нет?

— Не доносите на меня, — умолял он. — Это всего лишь шутка, я вам клянусь, Стоун. — Он бросил быстрый взгляд в сторону все еще бесчувственного Хенлона. — Он сказал нам, чтобы мы немного потрясли вас за ту пощечину, которую вы ему залепили. Вас обобрали для того, чтобы посмеяться. Хотели отправить вашу бляху и револьвер инспектору Греди с небольшим посланием, в котором бы говорилось, что его парни не такие уж непобедимые.

— А теперь у кого они?

Вонелли покачал головой.

— Я ничего не знаю. Пьеро и я отдали их Хенлону. Но скажите?..

Я почувствовал, он хочет мне что-то предложить.

— Да?

— Ведь вы хотите отыскать Джоя Симона, не так ли? — сказал он, вытирая мокрое от пота лицо.

— Предположим.

— Я буду свободен?

— Если я найду Джоя.

— Вы знаете на повороте Свинг-Лайн, около «У Лео-на», маленькие отели, расположенные над барами?

— Понимаю.

— Ну так вот, на вашем месте я бы посмотрел там. — Вонелли задрожал.

— Какой номер?

— Я не знаю, но мне сказали, что он там прячется в углу.

Я мог бы дожидаться, пока Хенлон придет в себя, но есть опасность, что он уже отправил мою бляху и револьвер. А Греди не пропустит возможности хорошенько повеселиться на мой счет. Он будет смеяться до колик. Я вернулся в гостиную. Блондинка все еще сидела на диване. Она действительно думала о том, что сказала. Я ей понравился. Она выставила вперед свои коленки и оскалила зубы, чтобы доказать это. Промелькнувшая у меня в голове мысль обрела определенный смысл.

— Послушайте, малютка. Предположим, вам дали команду. Клиент готов заплатить хорошую сумму за одно дело.

Жадность, вероятно, ее основной недостаток. Это продащица. Ее улыбка делается еще шире.

— Сколько?

— Много. Но с определенным условием. Клиент не любит блондинок, даже натуральных. Это парень, который помещан на рыжих. Он не посмотрит на то, сколько это ему будет стоить, но нужно обязательно, чтобы у нее были рыжие волосы.

Блондинка посмотрела на меня с таким видом, будто я был ненормальный.

— А сколько у меня для этого времени?

— Скажем, два часа.

— Отлично,— сказала она, небрежно пожимая плечами.— Мне стоит лишь немного помазать волосы.

— Ах, значит, это возможно?

— Я уже делала так. У меня очень легко красятся волосы. Просто замечательно. И самое удивительное, совсем не похоже на краску. Потом надо только помыть волосы шампунем, чтобы снова сделаться блондинкой, как раньше. Но почему вы спрашиваете меня об этом?

— Да просто так, чтобы знать,

Глава 10

Сейчас слишком рано для публички в шикарных барах, но заведения, более доступные по ценам, уже заполнены. А я большего и не требую: Джой Симон, безусловно, не прячется в элегантном кабаре.

Я ненадолго останавливаюсь на северном конце 52-й улицы, чтобы сориентироваться. Даже если бы за мной стояла вся нью-йоркская полиция, и то непросто прочесть улицу частым гребнем. А разжалованному флику потребуется очень много времени. Я прошел около тридцати метров и вошел в клуб «Хо-хо». Девушка в гардеробе пыталась взять у меня шляпу. Я не отдал ее, но протянул девице доллар и показал ей фотографию Джоя.

— Полиция, малютка. Ты уже видела этого типа?

Она сделала отрицательный жест.

— Не думаю. Он не похож на парней, которые приходят сюда.— Она посмотрела на доллар, который я ей сунул.— Но это невозможно! Цыпленок, который платит деньги! Обычно все ваши делают это задаром,

В тот вечер я стал очень чувствительным.

Я прошел в бар, где тоже вытащил доллар и получил за него ром.

Бармен покачал головой.

— Нет. Не видел.

Я снова уперся в стену, только теперь стал беднее на два доллара. После некоторого размышления я позвонил в Центральный комиссариат, чтобы поговорить с Джимом. Его там не оказалось, но мне сказали, что я, может быть, сумею застать его на посту на 51-й Восточной улице. Там мне ответил Бил Куни. Он соединил меня с Уголовной бригадой Восточного Манхэттена.

— Что ты там шарить? — спросил я, когда, наконец, добился соединения с Джимом. — Итак, теперь, когда я выгнан, вы вынуждены объединить усилия Восточного и Западного Манхэттена, чтобы поймать убийцу?

Джим был совсем не в восторге от моей веселости.

— Паршивая скотина! Грязная свинья! Ты что, не мог закрыть пасть?

— А что, старик был очень недоволен, а?

— Недоволен! Он был в таком состоянии, что мог разнести все бюро, когда я уходил. В конце концов, знакомство с тобой будет приятным воспоминанием.

Я спросил у него, не узнали ли они что-нибудь нового.

— Пока еще нет. Но брось это, Герман. Продолжай забавляться со своей блондинкой. Если ты начнешь действовать, то наживешь себе большие неприятности.

Неожиданно я вспомнил зарегистрированное «свидание» с Мирой и полный комплект воркований и вздохов. И почувствовал, как к моему затылку прилила кровь.

— Но, Джим, Пат не убивала Кери.

— Это ты так говоришь.

— Так говорит она, и я ей верю. Симон усыпил ее у прилавка, и кто-то привез ее туда.

— Кто?

— Пока не знаю.

— Но почему? Кому нужно наносить такой удар Пат?

— Этого я тоже не знаю, но уверен в этом. И ты выставил это на обозрение тысяч, Джим. Вот увидишь, оба убийства связаны. Если раскроется одно из них, сразу же станет ясно и другое.

Джим решил поиграть в маленького Макиавелли.

— Да, я думаю, это весьма возможно. Откуда ты мне звонишь, Герман?

В том случае, если Хенлон подал на меня жалобу на незаконное вторжение в его квартиру, на удары и ранения, мне тоже придется не очень-то сладко. Я не могу терять время, сидя в комиссариатах, и у меня нет денег, чтобы оплатить адвоката.

— Откуда-то из Нью-Йорка. Ты еще ищешь Симона, Джим?

— Спрашиваешь! Нет ни одного флика в Нью-Йорке, который бы не занимался этим.

— А если я тебе скажу, в каком приблизительно направлении он засел?

— Это правда?

— Я этого еще не сказал.

Джим принял саркастический тон.

— Не собираешься ли ты таким образом продать мне сведения или заключить торг, чтобы я был полегче с Пат? Она спала с Кери каждую свободную минуту. Он хотел от нее отделаться, и она застрелила его.

— Если бы ты держал Симона в четырех стенах и без адвоката, ты бы не говорил об убийстве Кери то, что говоришь сейчас. Не так ли?

— Нет. Я даже не совсем уверен, что он спустил Ника, но тем не менее, очень странно, что это случилось сразу после того, как ты попросил Ника поискать Симона.

— Вот именно.

Мне кажется, Джим не сразу решился сказать мне что-то.

— Послушай, Герман...

— Я весь внимание.

— Мы друзья?

— Уверен, это так.

— Тогда сделай кое-что для меня. Ты знаешь, у меня неплохое положение в нашем министерстве. Я хочу помочь тебе вернуться на прежнее место. Это... я не могу обещать тебе сделать раньше чем через месяц, а может быть, и позже. Но дай мне возможность вести самому это дело, и я сделаю все, что возможно.

— И что же я могу сделать для тебя?

— Брось заботы о Пат.

— Невозможно.

— Но почему?

— Она не убивала Кери.

И с этими словами я повесил трубку. Сперва я хотел попросить его, чтобы Монт и Корк помогли мне пой-

мать Симона, но поскольку он так и не изменил свою точку зрения, мне необходимо первым разыскать Симона. Если они его поймают, то ничем не заставят сознаться, что он усыпил Пат. Для него это будет равносильно признанию в убийстве Казараса.

Малютка из гардеробной послала мне очаровательную улыбку, когда я выходил из бара.

— Ну как, вы нашли того, кого искали?

— Нет, к сожалению.

Я методически обходил все бары, один за другим, грязные и чистые, порядочные и явно жульнические, так и норовившие облапошить своих клиентов. Если кто-то и мог узнать Симона, то можно было надеяться только на одну из курочек, которую он обставил или что-нибудь не поделил с ней.

Не считая привратников отелей и управляющих доходными домами, очень мало народу интересовалось моей бляхой. Для большинства было достаточно слова, чтобы признать за мной право задавать им вопросы. Ни один из тех, с кем я говорил, не видел Симона. Двое барменов сказали, что это лицо они где-то когда-то видели, но они совершенно не в состоянии вспомнить, когда это было: вчера, на прошлой неделе или месяц назад.

Одна старая солидная курица, которая сдавала свои комнаты по часам, дням и неделям, спросила меня, что он сделал.

— Его подозревают в том, что он спустил флика.

Она присвистнула и поправила свои крашенные волосы.

— Тогда нет опасности, что я его знаю. Вы все одинаковы. Только и делаете, что давите на бедный народ.

Она посмотрела на меня более внимательно.

— А! Теперь я вас узнала! Вы тот самый парень, Стоун. Ваша фотография помещена в «Миррор». Вы флик, чья жена убила одного мальчика на Гринвич-Вилледж.

Я перебил ее.

— Ее обвиняют в том, что она убила его.

Она ухмыльнулась.

— Ах! Ах! Когда находят курочку, совсем голую и совершенно пьяную, в комнате, где находится убитый, а дверь заперта на ключ изнутри, можно себе представить, что его убил не Эйзенхауэр.

Она захлопнула дверь перед моим носом. Я вышел на улицу.

Было уже поздно, но воздух еще теплый. В конце улицы стали скапливаться машины: «У Леона» и «У Эдди» большие лимузины останавливались где хотели. И горе тому неопытному флику, который решился бы на замечание их ливрейному шоферу. Не глупо то, что сказала старая курица. Что же лучше: сделать безразличную мину и получить монету от того, у кого длинные и крепкие руки, и закрыть глаза на то, что кругом творится, или попасть в дыру, где из тебя всю душу вытрясут?

Я пошел до бара, который находился на углу Шестой авеню. Как и во все остальные вечера, он полон парней и куколок, у которых есть что продать. Последний бар на Свинг-Лайн. После него идут гаражи, автобусные парки, доходящие до востока Бродвея. Возможно, Вонелли придумал все это, чтобы спасти себя. Возможно, его история ничего не стоит, и он заговорил о 52-й улице просто случайно.

Я решил попробовать другую тактику расспросов. Вместо того чтобы остановиться в баре, я прошел через дверь, которая могла привести меня в уборную артистов. Какой-то злой тип, в смокинге и с белым цветком в петлице, попытался задержать меня.

— Эй, вы! Одну минуту! Куда вы направляетесь?

— За кулисы, повидать одну девушку.

— Туда нельзя, — возразил он, качая головой.

Я легонько толкнул его.

— Не будьте злым. Уголовная бригада Восточного Манхэттена.

Он не отступил ни на шаг.

— Да. Отлично. Вы ведь Стоун. Вы тот тип, которого называют Большой Герман. Но судя по тому, что я слышал, вы больше не тот, за которого себя выдаете. Вас отстранили от должности.

Я закурил сигарету.

— Об этом уже знают?

Он пожал плечами.

— Ну да! Об этом говорили по радио в шестичасовом информационном выпуске.

Я принял заинтересованный вид.

— Вот как. И что же они рассказали?

— Что вас отстранили от должности. Поскольку вы были в ярости и вопили, что ваша жена не убивала это-

го типа из Гринвич-Вилледж и что вам наплевать на все свидетельства. Нарушение субординации.

— Это действительно так. Я признаюсь.

Я сделал шаг вперед. Он положил руку мне на грудь. Я раздавил на его лбу окурок и прежде, чем он успел закричать, заставил его забыть про боль, выдав ему левой отличный удар, от которого он широко расставил ноги и замотал головой, как кот, который увидел старую банку с сардинами.

В коридоре раздался голос, который предупреждал:

— Больше чем пять минут, девушки!

Дверь в уборную была открыта, и я заглянул внутрь. Там находилось пять девушек. Все более или менее в теле, две из них еще в сценической одежде: трусиках и лифчике.

Малышка, ближайшая к двери, крошка, которой не больше семнадцати-восемнадцати лет, переодевалась для первого номера.

— Вот как? — проговорила она. — Мужчина! Ну девочки, к бою!

Полиция обычно их мало смущает. Они привыкли к ней и продолжают, не стесняясь, заниматься своими туалетами, будто здесь никого нет.

— Ну так что же? Что такое еще мы сделали? — спросила меня малышка.

Я положил на туалет фотографию Симона вместе с двадцатью долларами.

— Ничего. Я ищу этого парня, и двадцать долларов получит тот, кто скажет, где он.

Каждая девчонка подходила и приподнимала банкету, чтобы посмотреть на фотографию. Две из них сказали, что очень сожалеют, другие не сказали ни слова. Потом из зала донесся звук саксофона, и все они сразу умчались в коридор. Вдруг одна из них остановилась и вернулась, очень миленькая девочка, с веснушками на вздернутом носике.

— Почему вы разыскиваете Джоя Симона? — спросила она меня.

Я пытаюсь не слишком порывисто дышать.

— Скажем, я хочу ему сообщить кое-что.

Она подобрала двадцать долларов и сунула их за вырез лифчика.

— Посмотрите в отеле «Вендиг», на углу. Я видела, как он выглядел из окна второго этажа, когда шла сейчас сюда, на работу.

Она хотела бежать за остальными. Я задержал ее за рукав.

— Вы совершенно уверены, это действительно он? Она облизала сухие губы.

— Я вам скажу, старина. Если вы хотите стать артисткой и вы вынуждены танцевать в таком заведении, чтобы оплатить уроки, а какой-то грязный прохвост бьет вас по щекам так, что чуть не сворачивает скулы, потому что вы не захотели поработать на него, и вы увидите его пасть в одном из окон, вы узнаете его, а?

Я отпустил ее. Она бегом догоняет остальных и как раз успевает занять свое место, когда первая из них открывает дверь и, танцуя, входит в клуб. Я смотрю, как за ними закрывается дверь. Отель «Вендиг» совсем близко отсюда. Служащий, которому я показывал фотографию, клялся, что никогда не видел этого человека, что его нет среди их клиентов. Я положил фотографию обратно в карман и вышел.

Глава 11

Я пересек на красный свет Шестую авеню и, стоя на тротуаре напротив отеля «Вендиг», рассматривал его. Фасад самый обыкновенный. Здание небольшое, всего три этажа. Внизу ночной бар «Рекиф». Если курносая девочка сказала правду, то Симон находится в одной из комнат второго этажа, выходящих окнами на улицу.

Именно такое заведение выберет тип, подобный Симону, чтобы спрятаться. Я сделал порядочный крюк, прежде чем подошел к отелю. Молодая особа, тянущая на буксире пьяного матроса, проходит впереди меня по лестнице. На моряке форма «Призуниса», это и весь его багаж. Я предоставил им возможность договориться в конторе и приблизился, когда они закончили разговор. Старый дежурный заставил их заполнить карту, потом они втроем отправились на первый этаж, и старик держал в руке ключ.

Пока его не было, я перелистал полицейскую регистрацию. Среди клиентов есть Джексон в номере 200 и Джек Стенли в номере 201. Скорее всего, Симон живет один. В его ситуации он не может позволить себе роскошь быть в компании.

Я поднялся на следующий этаж. В некоторых комнатах горит свет, в других — темно. В коридоре пахнет маслом, мылом, дезинфекцией и дешевыми духами. Ес-

ли бы кто-нибудь неожиданно крикнул «Флики!», поднялась бы настоящая паника.

Я дошел до конца коридора. Мистер Джексон не тот, кого я ищу. Он, большой и толстый, проводит время с чужой женой. Я смог это понять, услышав их разговор. Джексон не хочет идти в ночной клуб, он не хочет пить ничего другого. То, что он делает сейчас, его вполне устраивает.

Я прижал ухо к двери напротив. Парень, который занимает эту комнату, храпит, как авиационный мотор. Я поднял глаза на фрамугу. Огня нет. Я попытался открыть дверь, но она оказалась запертой на ключ. Я изо всех сил нажал на ручку и навалился всем телом на замок. Он уступил с глухим треском. В комнате очень темно, в воздухе стоит запах марихуаны и виски. На кровати лежало неподвижное тело. Я достал оружие, бесшумно закрыл за собой дверь и прислонился к стене.

Тихим голосом позвал Симона. Никакого ответа, только храп. Я пересек комнату, держа в руке револьвер. На кровати действительно лежал Симон. Тот тип, которого я видел у Майерса за прилавком. Его одежда в беспорядке разбросана на стуле и около него. Я шарил его карманы и рассмотрел их содержимое при слабом свете неоновой вывески, который проникал сквозь щели жалюзи. Если у него и был револьвер, он его спрятал.

В бумажнике у него лежали билет на самолет до Акапулько, пять совсем новеньких банкнот по тысяче долларов и двести долларов в маленьких купюрах. Да, это ему теперь не пригодится. Спустили флика: во всем Манхэттене даже муха не сумеет протянуть лапку. Во всяком случае, если эта муха не сможет доказать, что находилась совсем в другом месте, когда убили Ника Казараса. Я положил деньги и билет обратно в бумажник и стал трясти Симона.

Симон продолжает храпеть, не обращая на меня внимания. Я потряс его сильнее.

— Ну, Симон, вставай! Полиция!

Тряся его, я задел ночник, который треснул. Это единственный шум в комнате, кроме храпа и свиста, вылетающих из глотки Симона. Я схватил его за волосы на груди и с силой вырвал их. Он застонал от боли, но оставался в бессознательном состоянии. Нелегко придется с ним.

— Мерзкая скотина, я заставлю тебя протрезветь!

Я повернулся, чтобы сообразить, где находится умывальник, и в тот же момент какая-то темная масса отделилась от стены. Металлический предмет блеснул в темноте, и рукоятка револьвера ударила меня по лбу. Я упал на колени.

В слабом свете, проникающем через низ окна, я увидел ноги мужчины. Да, только ноги, в хорошо начищенных ботинках и темных брюках. Как последний дурак, я попался в сеть.

Я попытался обхватить его ноги, но полученный удар почти парализовал меня. Мне удалось схватить ноги, но сжать их у меня не было сил. Револьвер поднялся и снова ударил меня. На этот раз по затылку. Парень, который держит револьвер, знает свое дело. И кроме того, вероятно, он получает удовольствие. Неожиданно я увидел, как комната завертелась, и провалился в черную дыру.

Привел меня в себя вой сирены. Я попробовал сесть. Можно было подумать, что это воет куча кошек, догоняя добычу. Только они получают Симона после меня. Несмотря на удары, я все же отдаю себе в этом отчет.

И тут я понял, какого дурака свалил. Я действовал как новичок. Уже не было никакой нужды смотреть на Симона, чтобы понять, в каком виде он находится. С трудом, шатаясь, я встал на ноги, пошарил в темноте и зажег лампу. Симона буквально превратили в компот. И, конечно, все посчитают убийцей детектива первого класса Германа Стоуна, уволенного со службы. Я сделал для этого все, что мог. Греди спросил меня, куда я иду. Перед свидетелями я заявил: «Я отправляюсь на поиски Джоя Симона. И я заставлю его признаться, что его наняли, чтобы он усыпил Пат и доставил ее к Кери. Я сделаю это, чего бы мне ни стоило. Даже если мне придется вышибить у него мозги».

Вот что я заявил. Я сделал это в присутствии Греди, комиссара Рейхарда, Джима Пурвиса, Монта и Корка. И даже в присутствии Миры Велл!

Теперь у меня на руках Симон. Я кончен. Как старая крыса. Это убийство.

О! Как просто! А я ведь уже пятнадцать лет флик. Я знаю точно, что они скажут. Они разыскивают Симона, чтобы допросить его относительно убийства Ника Казараса. Я же заявил, что он усыпил мою жену. Высокопоставленные чины скажут, что я попытался взвалить на него два убийства в надежде выволить Пат из

беды. В надежде, что меня снова вернут на должность, не вызывая в дисциплинарную комиссию. И так как Симон отказывался признаться, я потерял голову и проломил ему череп.

Я стал тереть шишку на лбу и ту, которая сзади, на затылке. У меня кровь на руках и на одежде, хотя у меня нет ран. Это не моя кровь — это Симона. Я стоял, расставив для устойчивости ноги и трясая головой, чтобы немного прийти в себя. И тут неожиданно увидел свой револьвер, тот самый, который Вонелли и его дружок вытащили у меня вместе с бляхой и бумажником на Гров-стрит.

По крайней мере в одном пункте я не ошибся: Хенлон погряз в этой истории по уши. Вонелли совсем не боялся. Он только сделал вид. Он хотел, чтобы я нашел Симона. А чтобы помешать этой птичке прошебетать мне правду, когда я возьмусь за него, они старательно обработали его виски и марихуаной.

Я попытался подобрать свой револьвер, запачканный кровью, и сразу же оказался на полу. Концом ботинка я невольно отправил револьвер под кровать. Я думал и действовал в замедленном темпе. С большими усилиями я встал на колени на ковер, залитый кровью, просунул руку под кровать. Но я оттолкнул револьвер слишком далеко. Я касаюсь его пальцами, но не в состоянии схватить его. Я распластался на ковре, стараясь дотянуться до револьвера. Но диван очень широкий и слишком низкий, чтобы я мог подползти под него. В конце концов, к дьяволу этот револьвер. Я встал. По правде говоря, оружие совсем не необходимо. Оно только даст дополнительную улику, которую Министерство юстиции приведет в суде. Свидетелями будут все бармены и все служащие отелей на 52-й улице, они покажут что я искал Симона. А теперь он мертв. Взломанный замок в его комнате, отпечатки моих пальцев... Шатаюсь, я дошел до двери. Убраться из этого отеля до приезда первой полицейской машины гораздо важнее, чем подбирать револьвер. Если они меня схватят, это станет концом Пат.

Я с трудом выполз в коридор. Нет. Не из-за Джексона и его подруги подняли тревогу. Они все еще пребывают в любовном экстазе. Для этого они и пришли сюда. Но Джексон тоже слышал завывание сирены.

— А если нагрянет полиция? — спросил он неуверенным тоном.

Его партнерша не обращает внимания на закон, явно насмехаясь над ним.

— Только не говори глупостей!

«Ну-ну, голубушка»,— подумал я. Я с трудом дошел до лестницы, но только собрался спуститься по ней, как услышал, что открылась входная дверь и твердые шаги зазвучали в вестибюле. Шаги фликов. Служащий, дежурный отеля, поднял тревогу по телефону. Тоже довольно странно.

— Вы звонили относительно Симона? — спросил один из фликов.

— Да, сэр.

— А что дало вам повод думать, что дело касается Симона? — спросил другой.

— Э... вот что мне пришло в голову. Недавно сюда приходил один полицейский. Высокий блондин, со сломанным носом. Один из криминальной.

— Большой Герман,— объяснил один из фликов служащему.— Его имя Герман Стоун. Но он больше не детектив: его отстранили от должности.

— Ну, этого я не знаю,— продолжал служащий.— Он показал мне фотографию молодого человека, хотел узнать, есть ли такой среди клиентов отеля. Говорил, что это некий Джой Симон, разыскиваемый в связи с убийством детектива сегодня утром на Таймс-сквер. Я ответил ему, что я его здесь не видел.

— И тогда?

Служащий хотел себя выгородить.

— Ну, так вот! После его ухода я стал раздумывать. Понимаете, дневной дежурный принял одного клиента. А сегодня вечером, когда я пришел на работу, он посоветовал мне понаблюдать за номером 201. Это одна из комнат на втором этаже, выходящая на улицу, с правой стороны дома.

— Почему он вам об этом сказал?

— Потому что ему показалось, у этого клиента вид, будто он прячется или боится чего-то. Он все время обобщался, пока заполнял карточку.

Флик выглядел не слишком-то уверенно.

— Так, а что вас заставляет думать, что дело касается Симона?

— Да нет, ничего. Но тем не менее...

— Черт возьми, поступило распоряжение, чтобы мы с машиной и рацией направлялись сюда, а у вас только подозрения... Вы знаете, как выглядел этот тип?

— Нет, я его не видел. Но мой коллега сказал, он совсем молодой и выглядит не очень сильным.

Он выдал свою последнюю карту.

— Потом посмотрите на его карту. Он записался под именем Джека Стенли. Д. С. Вы понимаете? Я читал в одном полицейском романе, что, когда гангстеры меняют имя, они всегда сохраняют инициалы.

Флик из машины с рацией все больше приходил в уныние.

— А, ты читал полицейский роман...

— Ну, знаешь, раз мы уж здесь,— вмешался другой полицейский,— давай взглянем на этого парня. Может, он боялся, что жена выследит его...

Входная дверь в отель снова открылась.

— Ну и что же? Действительно Симон? — слышался новый голос.

— Вы совершенно уверены в этом? — прозвучал четвертый голос.

Послушать эти два новых голоса, так можно решить, что они бежали сюда галопом. Раздались еще шаги, у входной двери.

— Предположения,— ответил один из первых фликов.— В действительности мы ничего не знаем. Возможно, еще одна работа провалилась. У служащего есть подозрения, вот и все.

Я с такой силой вцепился в перила лестницы, что руке стало больно. Не знаю, как обернется дело, но оно весьма серьезно. Хенлон хорошо потрудился, чтобы сфабриковать эту историю. Сперва с Пат, потом со мной. Ей и мне это будет стоить очень дорого. К счастью, я пришел в себя на несколько минут раньше. Они ожидали, что полиция обнаружит меня лежащим на полу, в крови, после побоища, о котором можно будет судить по состоянию комнаты. Здесь происходила отчаянная драка — не на жизнь, а на смерть, так должны были бы они подумать.

Я снова поднялся на несколько ступенек, по которым уже спустился. Бежать невозможно. Один из четырех фликов узнает меня и задержит. Они зададут мне кучу вопросов: «Откуда у вас шишки, Стоун? Что вы здесь делаете, Стоун? Откуда взялись пятна крови на вашей одежде?»

А после этого они обнаружили бы труп Симона. Пот стекал по моей спине. Я поискал глазами маленькую красную лампочку, которая обычно указывает на запас-

ной выход или пожарную лестницу. Ее здесь нет. Когда старое здание переоборудовалось под гостиницу, ее строитель, вероятно, перебрал виски.

— Пойдем-ка лучше посмотрим, — сказал один из фликов.

Я быстро прошел обратно по коридору, мимо 201-го номера и пытался по пути открывать двери всех комнат, в которых не было света. В конце коридора ручка поддалась, и дверь открылась. Я успел шмыгнуть внутрь как раз в тот момент, когда первый флик появился на площадке второго этажа.

— Он сказал, в каком номере? — спросил флик у своего компаньона.

Фуражка, потом плечи второго флика в форме показались на площадке.

— В 201-м, напротив и направо.

Они приближались твердыми шагами. Я осторожно закрыл дверь и прислонился к стене, стараясь справиться с дыханием. Я решил выяснить, на мне ли шляпа: ее не оказалось. Вероятно, я оставил ее в комнате Симона, вместе с револьвером и Бог знает еще чем. Хенлон отлично завел меня туда, куда ему хотелось. Но почему ему хотелось?

Темная комната пропитана запахом дешевых духов. Этот запах вызывает у меня тошноту, и я с трудом удерживаюсь от рвоты. Невольно я прочистил горло. Звук похож на скрежет. Небольшая лампа у изголовья кровати зажигается.

Оказывается, я не один в комнате. В кровати лежит девица определенного пошиба, в прозрачной рубашке, напоминающей рекламу, которую используют популярные магазины: «подарок для двоих».

Девица приподнялась на кровати и стала тереть еще не проснувшиеся глаза.

— Ты потратил немало времени, чтобы вернуться, — проговорила она по-немецки и в явно дурном настроении. — Мы должны были встретиться в девять часов, значит, вот уже два часа, как я тебя жду.

Я стараюсь вспомнить несколько слов по-немецки, но на память мне приходит только «либхен», но эта девица, конечно, не моя любовь.

Она перестала тереть глаза. Окончательно проснувшись, она с удивлением разглядывает меня.

— Кто вы? Что вы хотите от меня? — спросила она уже не на немецком.

Я попытался ответить ей. Невозможно. Что-то сжало мне горло. Шаги в коридоре затихли, теперь слышны крики. Так и есть: они нашли Симона.

— Он, действительно он,— кричал один голос.— Во всяком случае, внешность соответствует описанию, да еще имя в документах в бумажнике.

Я жду свиста, который должен последовать, но этого не произошло.

Один из оставшихся внизу фликов спросил:

— А что он говорит?

— Он ничего не может рассказать,— ответил ему другой.— Он мертв. И совсем недавно. Не больше пяти минут назад, по-моему. Позвони на пост.

Девица, сидящая на кровати, открыла рот, чтобы закричать.

Но прежде, чем она успела сделать это, я вытащил свой револьвер. Пот до такой степени делает мою руку скользкой, что я с трудом удерживаю револьвер в нужном положении.

— Нет, Гретхен.

Она задыхается. Совсем как я. Ее большие груди поднимаются и опускаются под черной прозрачной рубашкой, как два белых баллона, которые надуваются и выпускают воздух. Она плюнула на ковер совсем уже вне себя. Когда она заговорила, то с таким невообразимым акцентом, что я с трудом смог понять смысл.

— Полиция там, внизу. А вы— убийца. Вы убили человека. Вы вошли сюда, чтобы спрятаться.

Я прислонился спиной к двери, чтобы не дать коленям подогнуться и чтобы слышать то, что говорят там, по ту сторону двери. И я лгу:

— Да, конечно, так и было.

Итак, она принимает меня за убийцу! Теперь, по крайней мере, она не посмеет кричать!

Глава 12

В коридоре шум шагов усиливается. Появились и другие флики. Те, которые оставались внизу, поднялись взглянуть на Симона. Хлопали двери, женские голоса спрашивали, что случилось. Мужской голос возмущенно заявляет:

— Вы не имеете права задерживать нас. Ничего противозаконного мы не сделали.

— Очень сожалею,— ответил один из фликов,— но

никто не выйдет из отеля до приезда инспектора. Как ваша фамилия?

— Джексон. Сэм Джексон.

Женщина, которая находилась с ним, на грани истерики.

— Но это невозможно, чтобы нас задержали, совершенно невозможно.

— Вас совсем не задерживают, моя милая дамочка. Вам просто зададут несколько вопросов. А, кстати, как это случилось, что вы ничего не слышали? Мне это кажется довольно странным, в комнате напротив была драка, убили человека, а вы ничего этого не слышали?

— Ничего,— стонала она,— мы ничего не слышали.

Я приоткрыл дверь и посмотрел в щелку на говоривших. Джексон очень представительный тип, ему около пятидесяти лет. Но я готов согласиться, чтобы меня повесили, если он действительно окажется Джексоном: у него вид негоцианта из провинции или агента страховой компании. Женщине лет тридцать, у нее каштановые волосы и уверенный вид. Она так стремительно оделась, что кусок комбинации виднелся из-под платья. На пальце у нее, как и следовало ожидать, обручальное кольцо. И, вероятно, муж, полный доверия, ждет ее в провинции. Они попали в довольно неприятное положение, эти оба. Псевдо-Джексонам придется дать немало всяких объяснений, прежде чем они вернутся к себе, и потом еще раз, но уже дома.

Я снова закрыл дверь и повернулся к девице в кровати. Она снова плюнула на пол.

— Убирайтесь отсюда!

Она произносит это по-своему. Я не могу оставаться здесь, но не могу и уйти. Неизвестно, станут ли флики просматривать все комнаты, но совершенно ясно, когда придет Джим, он заставит их сделать это. И проследит, чтобы сделали тщательно. Я посмотрел в окно. Не очень далеко от окна есть лестница. Она доходит до крыши и спускается на асфальтированный двор. Сомневаюсь, чтобы она выдержала мой вес.

Я совершенно зря отошел от двери. Девица выскочила из кровати и стремительно бросилась к двери на цыпочках, все время глядя на меня через плечо. Я наставил на нее свой револьвер и предупредил:

— Нельзя, либхен.— Ее остановили скорее мои слова, чем оружие. Она поворачивается ко мне:

— Вы говорите по-немецки?

Я встал между ней и дверью.

— Немного.

Она извергла лаву слов. Я уловил только несколько.

— Вы лжете,— продолжала она по-английски, задыхаясь от злости.— Вы только пытаетесь... как это говорится? Представиться симпатичным.

Неожиданно девица обнаружила, что она почти голая и попыталась закрыться руками.

— Немедленно убирайтесь отсюда! Если сейчас придет Ганс, он убьет нас обоих!

Я прижал ухо к двери и стал слушать, что делается снаружи. Приехали инспекторы. Внизу, этажом ниже, Джим Пурвис говорит кому-то:

— Нет. Никаких журналистов. Я отлично знаю, что они за птицы.

Он поднимается по лестнице, и голос его приближается.

— Какой ужас! Проклятое дело! Герман ясно сказал, что он собирается сделать, и вот оно свершилось.

Корк был с ним. Он говорит:

— Послушай, Джим, не приходи в ярость. Нам только известно, что Герман искал Симона в этом квартале, ничего другого мы не знаем.

— Да,— ответил Джим,— и теперь Симон мертв.

Я стараюсь увязать две мысли. Самое лучшее — открыть дверь, выйти на порог и сказать: «Вот и я, друзья».

Но если я сделаю это, Пат пропала. Да и я тоже. Суд не поверит в ее историю. И еще менее — в мою. Ее осудят за убийство Лида Кери, а на мне повиснет труп Симона. А Хенлон и рыжая девица, которая в течение шести месяцев выдавала себя за Пат, будут торжествовать, видя, что затея их удалась, что, несмотря на осложнения, они все же добились своего.

Шаги Джима и Корка слышались в направлении комнаты 201. За ними немедленно последует полицейский врач и, возможно, ввиду серьезности обстоятельств, пожалуют инспектор Греди и помощник прокурора Хаверс. Мне все больше и больше жаль Джексонов. Их свидание будет стоять им ночи, полной всяческих неприятностей.

Немка никак не может заставить меня выйти из комнаты. Она подошла ко мне, смотрит, взгляд тяжелый. Проводит языком по губам, стараясь сделать вид, что хочет понравиться мне.

— Вы находите меня красивой?

Я отвечаю, что да, но думаю не об этом. Она что-то говорит мне. И я понимаю — она благодарит меня. Я спрашиваю: за что?

Можно подумать, она получает удовольствие. Она улыбулась и продолжила по-английски:

— Правда, что вы говорите по-немецки? — Она сделала шаг по направлению ко мне, потом подошла так близко, что я почувствовал запах ее кожи, надушенной и напудренной. — Может быть, я смогу вам помочь?

Отворотом рукава я вытер пот на щеках:

— Вы можете это сделать.

Она подошла еще ближе. Теперь наши тела почти прикасаются друг к другу.

— Как вас зовут?

— Герман.

У нее вырвалось изумленное восклицание.

— Это красивое немецкое имя. — Она очень порывисто стала дышать, желая показать волнение, которого у нее не было.

— Хочешь, чтобы я сказала, что здесь никого нет, когда они постучат сюда?

Я спрашиваю себя, куда она метит. Она положила левую руку на мою правую и изо всех сил толкает меня навалившимся телом к двери. То, что я принял за жир, оказалось мускулами. В ее теле не было ни грамма жира. Она погладила мою руку кончиками пальцев и прошептала:

— А потом, когда полиция уйдет, мы могли бы быть счастливыми.

Ее пальцы продвигаются дальше. Тут я понял, что она подбирается к моему револьверу, и поинтересовался:

— А что скажет Ганс?

Ее рука сжимает мой кулак. У нее удивительная для женщины сила. Она перестала улыбаться и ругает меня по-немецки. И, сжимая мою руку, которая держит револьвер, она открыла рот, собираясь закричать.

Я погружаю пальцы своей подруги в область ее желудка. Она не смогла закричать, у нее перехватило дыхание. Ее ногти царапают мне лицо, оставляют на нем кровавые полосы. Она отступает и ногой сильно ударяет меня, точнее собирается ударить в то место, где мне будет больнее всего. Но я избегаю удара, поймав ее ногу и опрокинув на спину. Она хотела кричать, но я не дал

ей времени. Я зажал рукой ее рот и поволок в ванную.

Ее сила, которая меня так поразила, оказалась еще больше. К тому же она знакома с различными приемами и трюками. Ей удалось ударить меня коленкой, укусить за руку. Я пытался сдержать ее, но борьба с ней — сплошной кошмар. Это угорь, у которого острые когти и который не дается в руки.

Я убрал руку с ее рта и тыльной стороной ладони ударил по лицу. Головой она ударилась о перегородку ванной. Мускулистое тело вытянулось и повисло мертвым грузом на моих руках. Я посадил ее на пол ванной, прислонил к кабине, потом нашел сырое полотенце и завязал ей рот, а другим полотенцем связал руки и ноги.

Она едва не упала на пол, но я подхватил ее и аккуратно уложил на пол, проверив, хорошо ли связаны ее голые руки и ноги.

Когда я закончил возиться с ней, вся моя одежда была пропитана потом.

Пот стекал на глаза и слепил меня. Я вытер его рукавом и вдруг увидел себя в зеркале над умывальником. Я совсем не похож на Германа, ничтожного детектива, который имел так мало успеха. Вокруг глаз синие круги, а рот мокрый от крови и пота. Это я еще могу исправить, но я не могу заставить исчезнуть царапины.

Я посмотрел на девушку, лежащую на полу, и остался собой недоволен. Она спокойно спала и дожидалась своего любовника, когда я ворвался в комнату. Ее прозрачная рубашка разорвана. Я здорово испортил ее. Возвращаясь в комнату, я мысленно приносил извинения бедной девочке.

Джим отдал распоряжение осмотреть все комнаты, начиная с комнат по соседству с 201-й. Я слышу, как стучат в комнату в конце коридора. Стук в дверь сопровождается обычными словами: «Полиция, капитан Пурвис. Откройте. Мне нужно с вами поговорить».

Обычная в таких случаях процедура, но теперь я захожусь в западню. Я повернул в замке ключ. У двери нет засова: Я думаю и действую в замедленном темпе. Я поискал сигареты, закурил и вернулся в ванную комнату, не зная, что мне делать. Девушка пришла в себя. Она сверлит меня злобными глазами и дергает босыми ногами.

Я закрыл дверь в ванную и подошел к открытому окну. Залитый асфальтом двор кажется в темноте очень далеким от меня. Я посмотрел на железную лестницу.

Она ненадежна: гвозди, на которых она держится, почти вылетели из кирпичной стены.

Я уселся на подоконник и закурил, дымя, как паровоз. В коридоре голоса становятся слышнее, они приближаются. Джим начал с одного конца, в то время как Корк действует в другом конце коридора. Не слышу голоса Монта. Без сомнения, ему поручили допросить того типа из конторы отеля. На лестнице слышны все новые голоса. Пожаловали лаборанты, фотографы и другие технические работники, чтобы продемонстрировать искусство дедукции. Теперь ничего не останется незамеченным, найдут и шляпу, и револьвер, которые я оставил в комнате Джоя Симона. Я с трудом борюсь с приступами тошноты. Теперь я хорошо могу представить, что чувствует убийца. То, что должен был чувствовать Симон. Первый раз в моей жизни закон и я оказались по разные стороны. Я протянул руку и попробовал ухватиться за лестницу. Она кажется достаточно устойчивой, и я изо всех сил нажимаю на нее еще и еще, сидя на окне. Может, она все-таки выдержит тяжесть моего тела?

Я перебросил ноги наружу и повис на лестнице. Один из крюков под моей ногой сорвался, лестница закачалась, но другой крюк, которым она прикреплена к крыше, держит крепко. Немного похоже на качающуюся лестницу, укрепленную лишь сверху. Я вынужден держаться только руками, упираясь ногами в стену, чтобы хоть немного облегчить давление тела на лестницу. Кожа на ладонях содралась. Когда спустился до первого этажа, на мгновение дал себе отдых. Там тоже полно фликов, как и на втором этаже. Достаточно одному из них взглянуть в окно — и он увидит меня.

Я продолжал спускаться. Лестница узкая, ступени ржавые, острые и шершавые. Двор, в который я спускаюсь, очень маленький: он скорее похож на трубу, чем на двор. Никаких проемов в трех стенах. Есть только один — дверь в ночной бар «Рекиф», которую не закрывают для лучшей вентиляции помещения.

Наконец я достиг желанного конца и, спустившись на землю, заглянул в исподнюю бара. Теперь в моих ладонях то же болезненное ощущение, та же пульсация; что и в голове. Два повара в белых передниках, в больших гофрированных колпаках суетились вокруг плиты. Третий повар готовил сэндвичи. Еще один, по виду филиппинец, чистил овощи. Никто из них даже не подозревал, что

произошло и происходит в верхних этажах здания. А! Какой-то бродяга получил пулю от флика? Ну и что же в этом такого?

Я спрятал в кармане кровоточащую руку и прошел через кухню. Какой-то тип, увидя меня, схватился за нож с видом героя, но заметив, что я держу руку в кармане, благоразумно вернулся к тому, чем занимался до сих пор. Остальные повара даже не подняли головы. Приготовитель сэндвичей выпрямился и, увидев меня, воскликнул:

— Святая Мадонна, старина, что с вами случилось?

Не отвечая ему, я вышел, отстранив какого-то парня, и в конце коридора прошел в зал ночного клуба. Он был декорирован в гавайском стиле: всюду расставлены пальмы, на стенах развешаны картины с купальщицами, преимущественно голыми. Все столики заняты наивными провинциалами, которые с аппетитом поглощали кушанья. На сцене показалась девица, довольно скромно одетая. В Нью-Йорке запрещен стриптиз. Власти не интересовались тем, что будет делать голая девица после выступления, но раздеваться на публике запрещено.

Я прошел между столиками, направляясь к выходу и благословляя полумрак, царивший в зале. У выхода я наткнулся на метрдотеля, который узнал меня:

— Бог мой, Стоун...

Я отстранил его, не вынимая руки из кармана.

— Отойдите отсюда.

Он старался сделать вид, что его это не очень трогает, и с интересом смотрел через стеклянную дверь на вестибюль. Я заходил в «Рекиф», когда искал Симона. Цыпочка из гардероба немедленно меня узнала и сделала круглые глаза.

Я остановился, пытаюсь дышать нормально и стараюсь выйти неторопливым шагом, тогда как еле сдерживался, чтобы не побежать. Я ответил ей на одном дыхании:

— Да, я знаю.

Маленькая стерва продолжает болтать:

— Вы не должны были так сильно бить его.

Я ничего не ответил.

Она продолжала приставать ко мне.

— Они вас повалят на тротуаре.— При этой мысли рот ее полуоткрылся и на лице отразилось явное удовольствие.— Что они теперь сделают с вами!

Я посмотрел прямо на нее.

— Жаль, здесь нет твоего Жюля. Вы бы вместе получили удовольствие от этого.

Она молча посмотрела на меня и ничего не ответила.

Я выбрал на полке шляпу, которая мне показалась наиболее подходящей, сунул бумажку в двадцать долларов за ее корсаж и вышел на улицу. Она полна полицейских в форме.

Толпа репортеров и фотокорреспондентов скопилась у входа в отель «Вендиг». Остальное пространство заполнено любопытными.

— Простите,— проговорил я, проходя мимо бригадира.

Он дает возможность ускользнуть шансу прогуливаться всю жизнь в штатском и отстраняется, даже не взглянув на меня. Я приблизился к шумящей толпе: мышцы спины болят, так же как голова и рука, и я каждую минуту жду, что меня кто-нибудь увидит и узнает.

Мне нельзя быть здесь, когда появится инспектор Греди. Его шофер так поставил машину, что практически блокировал подходы к 52-й улице. Старый Греди и комиссар Рейхард, окруженные полицейскими, подошли ко входу в отель «Вендиг». Тут их атакует орда репортеров, жаждущих попасть внутрь здания.

— Нет,— ответил им Греди,— если капитан Пурвис приказал вам оставаться снаружи, значит, там и оставайтесь.

На старика можно полагаться. Он никогда не отменяет распоряжений своих подчиненных. Я сделал еще несколько шагов в гущу толпы любопытных. Когда я продвигался, навстречу мне так стремительно шел человек небольшого роста, что я вынужден был схватить его за рукав, чтобы он не потерял равновесия.

— Тысяча извинений,— сказал Абе.

Он хотел идти дальше, выпрямился и остался с открытым ртом. В первый раз за много лет, что я его знаю, маленький журналист совершенно растерялся. Я немного сильнее сжал его локоть.

— Я тебе когда-нибудь врал, Абе?

Он внимательно посмотрел мне прямо в глаза.

— Нет.

— Сведения, которые я давал тебе, были хорошими?

— Да. Ну и что же?

Мне до такой степени хотелось повернуться, чтобы убедиться, не узнал ли кто-нибудь меня из стоящих сза-

ди, что у меня заболела шея. Но я не посмел этого сделать. Свободной рукой вытер пот со лба, и мне показалось, будто я почти слышу, как кто-то проговорил:

— Эй, вы, там, гот большой тип, который говорит с Фитццелем!

— И что же? — повторил Абе.

— А то, что это не я убил Симона.

Если я не лгу, для него это просто невероятное происшествие.

— Ты клянешься в этом, Герман?

— Клянусь.

— А кто же его убил?

— Не знаю. Кто-то, кто спрятался в его комнате.

— Другими словами, это подстроенное дело?

— Да. Совершенно так же, как и у Пат.

— А кто это сделал?

— Полагаю, Ралф Хенлон.

Абе продолжал смотреть на меня пронизывающим взглядом.

— Зачем понадобилось Ралфу Хенлону губить тебя и Пат?

— Ничего не знаю.

— Это не имеет смысла.

Я снова вытер пот со лба.

— Итак, это не имеет смысла, но Ралф Хенлон по уши погряз в деле.

Затылок и спина болят у меня все сильнее: боль становится просто невыносимой. Даже дыхание вызывает мучительную боль. Я поторопился сказать:

— Там, наверху, найдут мой револьвер. Им воспользовались, чтобы ухлопать Симона, усыпленного наркотиками и пьяного. Но это сделал не я. Тони Вонелли со своим напарником отобрали у меня этот револьвер, бляху и бумажник, когда я выходил из дома Лида Керри на Гроув-стрит.

— И ты не хочешь, видимо, добровольно сдаться в плен «Миррор»?

— Нет.

Абе хороший журналист. И он мой настоящий друг. Я стою спиной к отелю. Абе стоит к нему лицом.

— Ты спустился сзади по лестнице и вышел через бар в нижнем этаже? — спросил он.

— Да.

— Тебя видели? Узнали?

— Да.

Он встал так, чтобы мне удобнее было продвигаться к выходу.

— В таком случае убирайся отсюда, и поживей. Девка из гардеробной выскочила оттуда, как фурия, она натравит на тебя всех.

Я скользнул в толпу. В тридцати метрах от меня девица орала:

— Остановите его! Он должен находиться здесь, на тротуаре... Совершенно точно, он только что вышел из двери клуба.

Несколько мгновений спустя после ее крика наступило всеобщее смятение. Один из фликов включил сирену. Шофер полицейской машины, на которой включили вопящую сирену, кричал шоферу машины Греди, чтобы он убрался с его пути.

Позади меня из открытого окна комнаты 201 Джим Пурвис спрашивал, что случилось.

Швейцар у двери отеля объяснил ему, что девица из гардеробной и метрдотель бара утверждают, что Стоун только что вышел из дома.

— Боже мой,— Джим выругался,— так немедленно схватите его. Перестаньте совать свой нос куда не следует и интересоваться не своим делом, а лучше задержите его.

Я понимаю, что он хотел этим сказать: толпа должна была броситься на меня, а Греди спустит всю свою свору и, возможно, даже попытается подстрелить меня. Но для меня все обернулось так, как уже происходило не раз. Когда читаешь в газетах, как какой-нибудь гангстер прошел сквозь цепь полицейских, это не писательская выдумка. Так происходит потому, что существует элемент неожиданности: флики блокируют входы и выходы и слишком заняты, рассматривая выходящих и входящих, чтобы видеть немного дальше.

Я отхожу от здания как можно скорее, насколько позволяет благоразумие, чтобы меня не заметили. Пот с неприятным шумом заливает уши. Он течет по шее и спине, вызывая зуд. Я отстраняю людей с моего пути, разъединяю парочки, очень довольный тем, что на улице достаточно темно. Мне кажется, я погрузился в какой-то кошмар. Сзади меня кричит девица из гардеробной. Небольшая группа фликов выскакивает из дома. Ревут клаксоны проезжавших машин, чтобы как-нибудь пробить себе дорогу мимо отеля «Вендиг».

Я опять на красный свет перешел Шестую авеню. Зе-

ленный свет зажегся, как только я встал на тротуар. Одно такси затормозило. Я открыл дверцу машины и упол на сиденье.

— Куда вас отвезти, парень? — спросил меня шофер.

Я назвал ему первый пришедший на ум адрес.

— На Пен-стейшн.

Пока он опускал окно по другую сторону от сиденья, одна из полицейских машин объехала его и направилась в сторону 54-й улицы, оставляя за собой как бы след воющей сиреной. Проезжая вперед, шофер бросил взгляд на улицу.

— Черт возьми, посмотрите только на все эти машины фликов! Должно быть, случилось что-нибудь сверхъестественное.

Мне пока трудно нормально дышать, у меня одышка.

— Да, конечно, — стараясь говорить спокойно, ответил я.

Его взгляд встретился с моим в видовом зеркальце. Совершенно ясно, он увидел запачканные кровью волосы и одежду, неподходящую мне шляпу. Водитель чуть не подавился и стал открывать дверцу машины со своей стороны.

Я опустил стекло, которое нас разделяло, и наставил на его затылок револьвер.

— Гм, — произнес я, считая, что достаточно обратил этим его внимание. — Гм... гм...

Глава 13

Сидя на качелях на площадке для игр, я в темноте пытался разглядеть, сторожил ли кто-нибудь мой дом. Без сомнения, так должно быть. Я сидел уже довольно долго, глядя на окна здания. Почти все они, включая и окна моей квартиры, темны. Сейчас около часа ночи.

Я облизал свою ладонь. Она еще болит. Зубы немки разодрали кожу. Какое счастье, что я не ее любовник! В порыве страсти она способна насквозь прокусить ему руку. Меня знобит, и я боюсь. Не за себя, а за Пат. Как только наши парни поймают меня, я ставлю одну трубку табака против восьми миллионов долларов, что они не поверят тому, что она говорит, и не захотят помочь ей. Единственная надежда на Абе Фитцела. Надеюсь, мои друзья прочешут Манхэттен во имя моего благополучия. Мое преимущество заключается в том, что, будучи профессионалом, я знаю, как все происходит в уголовной

полиции. Малейший признак, который может навести на след, принимается во внимание. Они опросят всех подвозивших меня шоферов такси. Но один Бог знает, сколько их было, прежде чем я спустился в подземку, смешавшись с толпой выходивших из театра.

Вечерний бриз раскачивает железную цепь качелей. Мне показалось, что шум затихает. Я встал и подошел к высокой ограде, которая отделяет площадку для игр от площади перед домом. Если я буду действовать открыто, меня обнаружат, но мне совершенно необходимо поговорить с Мирой. Ограда действительно высока. Шуметь нельзя. Я снял ботинки, связал их и повесил себе на шею. Отошел на пять-шесть шагов, разбежался и перепрыгнул ограду с первого раза.

Я на секунду остановился в полосе темноты посмотреть, что делается в освещенном вестибюле. Дежурная, та, у которой седые волосы, сидит на своем месте и, похоже, читает роман. Жиль и Мак, оба в штатском, развалились в глубоких креслах. Время от времени они бросали взгляды, полные надежды, на входную дверь дома. Да! Заставил-таки я побегать этих бедных ребят! С них сняли форму, приказали надеть гражданскую одежду и вменили в обязанность сторожить меня у моего дома, потому что они оба хорошо знали меня. И одному, и другому, видимо, нравится роль детектива.

Я нагнулся, чтобы больше не видеть их. Надел ботинки. Они такие же потные, как и мои ноги. Обошел дом. Сзади меня находится маленькая лестница, которая ведет в котельную. Дверь туда не заперта на ключ. Я открыл ее и прислушался, не шевелюсь. Услышал только шум мотора. Время от времени он издавал негромкий свист.

Через котельную я подошел к двери, ведущей в дом. Открыл ее, стараясь не шуметь. Рядом есть грузовой лифт, но я не смею воспользоваться им. Дверь кабинета управляющего, который расположился прямо над котельной, выходит к лифту.

Я поднимаюсь по железобетонной лестнице, стараясь ступать бесшумно, этаж за этажом. Перепрыгивая через ограду, я задел ногой за дерево, и теперь из ноги капала кровь, оставляя следы на ступенях. Рука болит уже до самого плеча. Никогда в жизни не испытывал такого состояния. Я знаю, у Миры комната на самом верху, но какой у нее номер? И что ей сказать? Я с большим удовольствием сел бы сейчас на ступеньку лестницы и гром-

ко завыл. Мне хочется биться головой об стены до тех пор, пока Жиль и Мак не услышат меня... Они доказали бы способность к обязанностям детектива, «схватив» меня на пожарной лестнице. Усилием воли я взял себя в руки.

Верхний этаж освещали только маленькая лампочка на лестнице и красная лампочка, указывающая на выход на случай пожара. Но Мира не должна еще спать: она только что сдала дежурство. Надо, чтобы она оказалась в своей комнате. Я прислонился к входной двери, которую закрыл за собой, и посмотрел в коридор. Под тремя дверями свет. Я прислушался у первой двери. Это не комната Миры. Там двое мужчин спорят относительно поступка их приятеля. Я прошел до следующей двери, стараясь припомнить, какие духи у Миры. Этого я не помню. Я чувствовал только запах ее кожи. Слышно, как по радио говорит мужской голос, очень тихо. Похоже на распоряжение полиции. Но слов не разобрать.

Я подошел к третьей освещенной двери. Какая-то женщина хлопает себя по лицу, втирая крем: характерный слабый звук. Не думаю, что это Мира. Насколько я помню, она не мажется, лишь красит губы. Я вернулся к двери, из которой слышно бормотание радио, и тихо постучал. Никакого ответа. Дверь не заперта. Я вошел и заглянул в комнату. Мира лежит на кровати, в том же небесного цвета пеньюаре, в котором она была, когда мы с ней «познакомились».

— Вот как? — воскликнула она, увидев меня. — Это вы?

Я закрыл за собой дверь и сел рядом с ней на кровать.

— Вот как? — повторила она. — Честно говоря, не ожидала снова увидеть вас!

— А почему бы и нет?

— Потому что внизу, в вестибюле, сидят два детектива, которые ждут вас. — Она пальцем показала мне на радио. — Потому что все флики Нью-Йорка брошены на ваши поиски. Почему вы сделали это, Герман?

Мне очень больно говорить.

— Что я сделал?

— Убили Симона.

— Я не убивал его.

Она внимательно посмотрела на меня.

Я встал, чтобы открыть маленький шкафчик с аптечными принадлежностями, висевший над умывальником

в углу комнаты. Но не нашел того, что искал. Посмотрел на комод и в двух первых ящиках.

— Если вы ищете что-нибудь выпить, то там не найдете ничего,— сказала Мира.

Она открыла отделение ночного столика и достала оттуда бутылку виски.

— Вот.

Я вынул пробку и отпил хороший глоток. Хороший виски. Вылил немного себе на ладонь и промыл рану. Казалось, я еще больше погружаюсь в кошмар. Я спросил тогда у Гиннеса: «Сколько выпила Пат во вторник вечером?» — «Восемь или девять стаканов,— ответил мне Гиннес.— А может, и больше».— «А что она пила?» — «Ром, сухой ром»,— ответил он мне.

Я протянул бутылку Мира. Она сделала один глоток. Как мужчина. Не спрашивая воды.

— Вы любите виски? — спросил я ее.

— Если бы не любила,— ответила она,— я бы его не покупала.

Она потянула молнию на своем пеньюаре, чтобы я мог видеть белизну ее кожи.

— А почему вы так смотрите на меня?

— Где вы это прячете, Мира?

Она поставила бутылку на ночной столик.

— Где я прячу что?

— Краску. Краску для рыжих волос, которой вы пользуетесь.

Мира прижалась к подушке.

— Что бы я стала делать с краской для волос? Особенно с рыжей, как вы говорите?

Я сел рядом и внимательно посмотрел на нее. Теперь я понял, почему у меня было впечатление, будто я знаю ее давно. Не потому что видел ее на месте дежурной, проходя через вестибюль. Чем больше я на нее смотрю, тем больше утверждаюсь в этой идее. Она довольно высокая девушка, красивая, фигурой и весом очень схожа с Пат. Ей достаточно выкрасить волосы в тот же цвет, как и у Пат, замазать веснушки на носу, сделать ту же прическу и накраситься так, как это делает Пат, и их трудно будет отличить человека, который близко не знает ни ту, ни другую. И особенно тому, кто видел их издали или при неверном освещении в каком-либо баре.

Мира продолжает играть застежкой-молнией, спускает ее и поднимает. Спускает до такой степени, что я вижу даже кожу ее живота.

— Почему вы как-то странно смотрите на меня? — снова спросила она.

— Вы ничего не знаете?

— Нет.

Я положил руку на ее руки.

— Перестаньте заниматься этой дрянью, застежкой, и скажите мне, каким образом...

— Каким образом — что?

— Каким образом вы достали одежду Пат? Почему вы в течение шести месяцев выдавали себя за нее? Почему вы заставили Джоя Симона усыпить ее наркотиками? Как вы устроили, чтобы Пат оказалась в квартире у Кери? Почему вы добиваетесь, чтобы ее приговорили к смерти?

Глаза Миры наполнились слезами. Это еще больше усилило ее сходство с Пат. Когда Пат очень расстроена, она плачет.

— Вы действительно сумасшедший, вы совсем потеряли голову, мистер Стоун.

— А! Теперь я стал мистером Стоуном.

— Вы сами захотели, чтобы было так. — По ее щекам покатились слезы. — Я пыталась оказать вам услугу, помочь вам. Я спрятала номера телефонов и счета вашей жены, выставленные за переговоры с Кери. Я отдалась вам. — Грудь ее стала бурно вздыматься. — Я пыталась вас утешить. Я даже варила вам кофе. Я сказала вам, что вернусь, как только окончу работать. А вы, что вы сделали?

— Я жду, чтобы вы мне ответили.

Она откинулась на кровати. Моя рука вместе с застежкой-молнией оказалась на ее животе. Я отдернул руку.

— Я вам сейчас скажу! — гневно закричала она. — Вы свалили дурака. Вы вбили себе в башку, что ваша жена не то, что она представляет собой на самом деле. А она маленькая грязная шлюха! И вы пошли против полиции. Вы убили Симона, потому что он отказался подтвердить ложь, которую вы хотели заставить его сказать. И кроме того, вы переспали с одной девкой, которая исцарапала вам лицо, вместо того чтобы помочь вам.

Это был фальшивый номер. Какой превосходной актрисой она могла бы стать!

— А откуда вы знаете все это?!

— Я узнала об этом по радио, — ответила она между рыданиями. — Я не переставала его слушать, как только

кончила работать. И последние известия, и информацию полиции.

Я включил радио немного громче. Пока что ее история выдерживает критику. Все время говорят об этом. Я подвел своих товарищей. Мира взяла мою руку и положила на нее свою.

— Ради всего святого, Герман, я прошу вас.

— О чем вы меня просите?

— Будьте благоразумны. Ваша жена не стоит того, чтобы вы подвергали себя опасности из-за нее. Это предательница.

— Откуда вы знаете?

— Я слушала ее телефонные разговоры с Кери.

Я отнял руку.

— Я считал, что вы никогда не подслушиваете. Я считал, что это запрещается на вашей службе.

Мира рукавом вытерла слезы.

— Я говорила так, потому что мистер Халпер был там. Она звонила по телефону Кери по крайней мере два раза в день. И мне пришлось бы покраснеть, если бы я повторила то, что они иногда говорили друг другу.

Она снова взяла бутылку виски, сделала хороший глоток и протянула ее мне. Я отказался.

— Нет, спасибо.

Она закрыла бутылку пробкой и поставила на место. Ее глаза теперь блестели гораздо больше.

— Как хотите. Я вела себя с вами как дура. И это у меня не прошло. Перестаньте валять дурака. Полиция сразу поймает вас. Оставайтесь со мной на эту ночь, Герман.

Я решил подыграть ей.

— Вы хотите спать с убийцей?

— Вы не убийца, — ответила она немного быстрее, чем нужно. — Я... — Она закусил губу. — Я хочу сказать, — неуверенно прибавила она, — вы...

Я перебил ее.

— Откуда вы можете знать, что не я убил Симона? Что, Радф позвонил вам, чтобы сообщить об этом?

Мира попыталась ударить меня головой и голой ногой. Раздался треск разрываемого шелка.

— Убирайтесь отсюда. Убирайтесь из моей комнаты. Я не допущу, чтобы вы меня оскорбляли. Я даже не знаю имени Хенлона.

Я на лету схватил ее за лодыжку и заставил остаться на кровати.

— Тогда откуда вы знаете, что речь идет о Хенлоне? О нем не говорили по радио, я назвал лишь имя Ралф.

Мира на мгновение оставалась совершенно неподвижной, потом стала вырываться. Застежка совсем сползла вниз, открывая ее белое тело. Я мог вообразить, что передо мной находится Пат, только Мира была блондинкой, натуральной блондинкой. Я взглянул на ее лицо. Даже разница в окраске волос не могла скрыть какое-то фамильное сходство.

Мои нервы не выдержали, и я изо всех сил ударил ее по щеке. В этой маленькой комнате удар прозвучал как выстрел.

Я задыхаюсь, как и она.

— Ты будешь говорить, черт возьми? Кто ты? Кем ты приходишься Пат? Что все это значит? Что ты имеешь против нее, и для чего вы все это затеяли?

Мира настолько испугана, что губы ее дрожат. Теперь она больше не играет комедию. Она боится, что я дойду до того, что убью ее.

— Не трогайте меня! — закричала она. — Не бейте меня! Убирайтесь отсюда прочь!

Свободной ногой она пыталась ударить меня и вся сжалась в комок. Я схватил ее за одежду, и одежда осталась у меня в руках. Мира стоит, прислонившись спиной к стене и вытянув вперед руки. Крики застревают у нее в горле.

Как будто снова я погружаюсь в кошмар. Мне кажется, нечто подобное я уже переживал. Я бросился на нее.

— Закройся.

Я пытался задержать ее, но она вырвалась, рывком распахнула дверь и выбежала в коридор совсем голая. Раскрылись другие двери. Я побежал по коридору за Мирой. Добежав до конца коридора, она резко открыла дверь и захлопнула ее перед моим носом, испуская проклятия. Я стал стучать в дверь ванной.

— Ты откроешь дверь, исчадие ада?

В голове у меня только одна мысль: Мира знает. Она должна мне сказать. Я слышу мужской голос.

— Нужно позвать полицию. Он пьян или, может быть, сумасшедший.

Я перестал колотить в дверь и прислонился к ней. Все двери в коридоре отворились. Двое рассматривают меня с порога своих комнат.

Мой взгляд перешел от человека, который сказал это,

на дверь, у которой я стою. Мира безусловно ошиблась. На ней написано «Для дам». А она разве дама?

Послышался новый шум. Шум поднимающегося лифта. Он появится раньше, чем я успею взломать дверь и пощечинами заставить Миру сказать то, что я хочу знать. Лифт поднимет Жилья и Мака, очень гордящихся хорошо выполненным заданием, дающим им возможность стать детективами.

Тут я понял, что все еще держу в руках пеньюар Меры. Я бросил его на пол и твердым шагом направился к основному лифту. Никто не пытался задержать меня.

После полуночи у лифта нет дежурного. Кабина как раз находится на этом этаже — можно обойтись и без лифтера. Я вошел в кабину, закрыл дверцу, нажал на кнопку нижнего этажа. После этого достал револьвер и вытер пот с лица. Лифт спускается невероятно медленно. Задолго до того, как я окажусь в вестибюле, Жиль или Мак — тот, кто останется стеречь дверь, — будет предупрежден и готов встретить меня. Но теперь пусть никто не становится мне поперек дороги. Я должен идти до конца.

До этого момента меня поддерживала моя вера, теперь она превратилась в уверенность. Теперь я знал. Пат оставалась той же чистой девушкой, которую я узнал на балу в квартале, когда ей исполнилось семнадцать лет, а я был фликом на побегушках.

Лифт достиг первого этажа, кабина остановилась, и дверь открылась. Жиль остался стеречь входную дверь. Он посмотрел на револьвер, который я держал в руке.

— Не пытайтесь воспользоваться им, Стоун, — сказал он мне официальным тоном. — Я буду стрелять.

— Я хочу выйти, Жиль. Не задерживай меня.

— Я буду стрелять, — повторил он.

Я медленно сделал два шага по направлению к нему.

— Твое дело. Ты вооружен, и ты — флик. Тебе поручено задержать меня. Но постарайся уложить меня с первого выстрела, Жиль.

Жиль отступил, колеблясь, на несколько шагов.

— Послушай меня, Стоун...

— Нет, нет. Никаких соглашений. Мне необходимо уйти.

Пот стекает с него крупными каплями. Я прекрасно понимаю, о чем он думает. Жиль женат. И, возможно, у него есть дети. Если он меня задержит, его скоро сделают детективом. Ему нравится носить на службе граж-

данскую одежду. Безусловно, он знает, что делать с прибавкой к жалованью. Но если верх возьму я, он кончен. Судя по расстоянию, на котором мы находимся друг от друга, маловероятно, что один из нас промахнется.

Я заставляю его медленно отступать к двери вестибюля. Большая капля пота скатилась со лба и упала ему на нос.

— Ради всего святого, — умоляюще пролепетал он.

Сделав еще несколько шагов, Жиль наткнулся на ручку кресла и упал. Он невольно выстрелил, и пуля угодила в потолок. Раньше, чем он успел вернуть себе равновесие, я бросился на него, не дал ему встать и левой рукой ударил в челюсть.

С громким воплем Жиль покатился в кресло. После удара моя левая рука снова стала кровоточить. Мгновение я стоял, пытаюсь остановить кровь, потом посмотрел назад. Ночная дежурная забилась в угол своего закутка. Ее глаза округлились от ужаса. Она вызывала по телефону Центральный комиссариат.

— Полиция! На помощь! Герман Стоун в вестибюле!

Я посмотрел на Жилия. Итак, опять я провинился. Что потом? Его ведь не разыскивают по обвинению в убийстве... Все, в чем он виноват, — то, что не сумел воспользоваться ситуацией. Что ж... А мне надо думать о Пат. И Нью-Йорке, этих джунглях из железа и бетона, в которых я должен скрываться, джунглях, где за мной устроена охота.

Я открыл входную дверь и быстрыми шагами ушел в ночь.

Глава 14

Заведение, которое держал Хими, было похоже на любые турецкие бани, со всеми необходимыми атрибутами, с теми же пьяницами, которые приходили, чтобы протрезветь и отправиться на работу или домой бить своих жен. Некоторые входили шатаясь, а выходили, более или менее твердо держась на ногах. За обитой чем-то мягким дверью, в двух маленьких кабинках, разделенных узким коридором, помещается вытрезвитель, обслуживаемый двумя симпатичными женщинами. Они не брезгуют ничем и всегда готовы на все для облегчения состояния клиентов. И это в половине пятого утра, после ночи непрерывной работы. Я послал их ко всем чертям.

Растянувшись в темноте, я очень хотел прийти в себя

и многое понять. Удар подготовлен и нанесен большим мастером своего дела. Это нельзя объяснить ненавистью. Невозможно представить себе, что кто-нибудь ненавидел меня до такой степени. И ни у кого нет оснований мстить Пат. А эта комбинация должна была обойтись ее автору очень дорого! Ее готовили месяцы. Я не сомневаюсь в том, что за всем этим кроется какая-то махинация. Кери, мне кажется, лишь жертва. Он, видимо, рассчитывал погреть на этом деле руки, а получил пулю. Ралф Хенлон и Мира просто воспользовались им, как инструментом.

Хими, веселый еврей, рост которого достигал почти двух метров, а вес — сто килограммов, неслышными шагами подошел к моему убежищу и приподнял зеленую занавеску.

— Ну, как дела, Герман?

Я ответил, что чувствую себя гораздо лучше. Это правда. Полчаса в парилке, полчаса массажа, сделанного ловкими и умелыми руками Хими, безусловно, оживили мое полумертвое тело.

Хими зажег настольную лампу в кабине, кинул на стол кипу газет, положил сверху большой коричневый пакет.

— Вам будет нехорошо, если вы сейчас же начнете читать. Сперва поешьте. Когда желудок полон, мир кажется не таким уж плохим.

Хими в курсе всех событий. Когда-то я оказал ему несколько услуг. Когда был простым полицейским агентом. Я предостерег его и помог избавиться от опасной компании. И от исправительного дома. Помог найти работу. Пригрозил сообщить раввину Фельдману, если Хими не будет ходить в синагогу. Теперь он хозяин турецких бань, и у него неплохо идут дела. Женился на девушке из своего квартала. Каждую неделю вносит деньги в банк. Хими никогда не был настоящим преступником. А только парнем, умирающим с голода.

Я разорвал бумажный пакет. В нем оказались четыре огромных сэндвича и бутылка «Бурбона». Очень рад, что не рома. Мне кажется, я до конца своих дней не смогу пить ром.

Я набросился на сэндвичи. Замечательно. Уничтожая ветчину и яйца, говорю Хими:

— Ты очень рискуешь, позволяя мне остаться здесь. Девятнадцать тысяч фликов пущены по моему следу.

Хими проверил состояние вентиляции, потом поправил махровое полотенце, которым обмотаны его бедра.

— Будь они прокляты, эти флики! Я, конечно, не говорю о тех, которые находятся здесь. Вы можете оставаться здесь пятьдесят лет, если вам это светит, Герман. Но Боже мой, какая суматоха! Газеты, радио, передачи полиции! Судя по гому, что они говорят, вы прямо факир и иллюзионист!

— А что ты об этом думаешь? — со смехом спросил я.

— Вы сами это отлично знаете, — ответил Хими и вышел неслышными шагами.

Ударом пальца я скинул пробку с бутылки и сделал хороший глоток, чтобы запить сэндвичи. У меня болит горло, и я с трудом проглотил виски. Теперь я чувствую себя крепче, теперь я могу бороться. То, что я позволил себе так поступить с Жилем, — капля, переполнившая чашу терпения фликов. Сейчас все газеты, вероятно, поносят инспектора Греди. Ответственность за случившееся несут он и Джим.

Я развернул одну из газет. Теперь на ее страницах я заменил Пат. Напечатан мой огромный портрет, чтобы все могли узнать меня при встрече. Я прочитал статью. Она подписана одним из больших начальников Манхэттена. Некоторые места особенно выразительны: «...Удрученный собственной драмой, которую он переживает, Большой Герман, а он действительно был большим детективом, под влиянием навязчивой идеи хотел вырвать ложное признание из уст, которые теперь мертвы. Сходя с ума от горя, во что бы то ни стало желая доказать невиновность неверной жены, вина которой совершенно очевидна...»

Весь столбец в таком духе. Я бросил эту газету и взял другую. Все нападали на меня. Все, кроме Абе Фитцела. После нашего с ним короткого разговора он, видимо, уверился в моей невиновности. Абе обратил внимание на многие детали. На меня не похоже, чтобы я мог напасть на человека без сознания. Еще не получены результаты анализа, но, вне всякого сомнения, Симон был без сознания, мертвецки пьяный или усыпленный наркотиками, в противном случае соседи слышали бы крики. Потом Абе перешел к личностям: он рассказал, что хорошо знаком с миссис Стоун, что бывал у нас в гостях вместе с женой и что чем больше он думает, тем менее верит в ее виновность и, особенно, в ее неверность мужу. Если бы он был здесь, я бросился бы ему на шею.

Я перечитал статью Абе. Она довольно короткая.

И трудно в ней за что-нибудь зацепиться. Лишь предположения и догадки, но, во всяком случае, он встал на нашу защиту. Я говорил ему о Ралфе Хенлоне. Я знаю Абе, он захочет сам удостовериться и, вероятно, теперь занят этим. А у Абе больше всяких знакомств и контактов, чем у пятидесяти фликов вместе взятых.

Но, к сожалению, голос Абе — единственный, говорящий в мою защиту во всем Манхэттене. Как раз под его статьей какой-то прохвост-репортер опубликовал интервью, которое он взял у Гретхен, запертой мною в ванной комнате. Ничего удивительного, что она наврала с три короба. Это профессиональная лгунья. Она ожидала своего мужа, рассказывала газета, когда я ворвался к ней в комнату. Остальное передавалось ее словами:

«Этот человек входит в мою комнату. Я сплю. Сперва я думала, что это Ганс. Потом увидела, что это не он, и мне стало страшно, когда я услышала шум внизу. Я слышала, как кто-то сказал, что там лежит убитый человек. Я посмотрела на мужчину, стоявшего около моей двери. Указала на него пальцем и сказала: „Там, внизу, полиция. Вы — убийца. Вы убили человека“. Он наставил на меня револьвер и ответил: „Совершенно верно, это так“».

Потом она сделала себе неплохую рекламу. Рассказала, как я хотел оглушить ее, но она, благодаря силе и ловкости, взяла надо мной верх, и я спасся от нее, сбежав через окно. Правда, репортер не удосужился спросить — как получилось, что полиция нашла ее связанной и закрытой? Была помещена даже ее фотография. В знаменитой ночной рубашке «подарок для двоих».

Надеюсь, Пат газету не видела. Неожиданно я вспомнил о Мире, и меня едва не вырвало. Только одно утешение — не я захотел ее. Она меня изнасиловала. И она отлично знает это дело. У нее техника профессионала. Я выпил еще «Бурбона», спрашивая себя, чем она занимается, когда не работает?

Не считая статьи Абе, из всей этой кипы газет интерес для меня представила лишь беседа с квартирантами, живущими этажом ниже Лида Кери. Три раза подряд я прочитал написанное. Вот оно!

«...Чарлз Свенсон, страховой агент в отставке, и миссис Свенсон, люди пожилого возраста, живущие этажом ниже квартиры жертвы, снова подтвердили свое первоначальное заявление, что миссис Стоун была той молодой рыжей женщиной, которую они неоднократно видели

поднимающейся в квартиру жертвы. Продолжая утверждать это, миссис Свенсон заявила: „Мой муж и я подумали, что, может быть, мы видели какую-нибудь другую женщину, с таким же лицом, как у миссис Стоун, с такими же волосами и походкой...“»

Мысль, уже неотвязная, сверлила мне голову. Слишком хорошо, чтобы быть правдой. Это из той же серии, что и сомнения Свенсона в комиссариате, прежде чем он опознал Пат. Старый прохвост использовал возможность посмотреть на голую женщину. И жена его стоит не больше.

«Я очень огорчена, но это действительно та молодая женщина,— сказала она, не колеблясь.— Я отлично запомнила эту родинку».

А трюк с угощением кофе и пирожными флика, дежурившего у квартиры Кери? Свенсоны действительно старались делать все, чтобы быть в курсе дела. Зачем?

Мысли работают все быстрее. Они приобретают плоть и кровь. Когда я спросил Пат, что она сделала со своим домашним зеленым платьем, она ответила: «Я его отдала. Да, теперь я вспомнила. Кто-то пришел ко мне и сказал, что они собирают вещи для нуждающихся. И я отдала свое домашнее платье и другие вещи, которые почти уже не носила». Я спросил Пат, не мисс Велл ли приходила? «Нет,— ответила Пат,— я уверена, это не была она. Приходила очень приятная старая дама с седыми волосами».

У миссис Свенсон седые волосы. Она очень приятная на вид женщина.

Телефонная будка находилась в темном коридоре. Я нашел нужную монету, обвязал вокруг бедер полотенце и босиком отправился туда. Набрал номер телефона Абе Фитцела.

Чирли подняла трубку почти немедленно.

— Миссис Фитцел слушает.

— Это Герман, Чирли.

— Ах, как хорошо, что вы позвонили,— воскликнула она.— Я очень рада, что вы позвонили. И я рада, что вы так решительно приняли сторону Пат, Герман. Этот маленький грязный пройдоха лучшего не заслуживал. Он безусловно ввел ей наркотики. Совершенно невозможно, чтобы Пат сделала что-то подобное.

Я спросил, откуда она это знает.

— Но ведь вы же для нее Господь Бог, Герман. Она была так счастлива, поверьте мне, ведь я ее друг, Жен-

щины очень многое рассказывают друг другу, когда они так дружны, как мы с Пат. И у нее никогда в жизни не было другого мужчины, кроме вас.

У меня до такой степени сдавило горло, что я с трудом мог дышать.

— Я вас обожаю, Чирли. И если мне удастся выкарабкаться из этой помойной ямы, ждите от меня орхидей. Кстати, ваш парень дома?

— Нет, его нет дома. Он, кажется, занимается делом, которое вы ему поручили, относительно Ралфа Хенлона. Впервые за многие часы я чувствовал себя лучше.

— Отлично. Но если Абе позвонит вам, Чирли...

— Что же?

— Скажите ему, чтобы он хорошенько разузнал все о Свенсонах. Старики из квартиры этажом ниже Кери. У меня очень странная мысль. Скажите Абе, пусть он выяснит в бригаде нравов, не было ли у Свенсона чего-нибудь предосудительного.

— Как только он мне позвонит, я ему все передам, — ответила Чирли.

Я вернулся в кабину и постарался вспомнить все, что мне известно о прошлом Пат. Очень мало. Ее прадед, Дэниел Эган, поселился в Бруклине сразу после войны штатов. Крупный землевладелец. В начале века ее дед был заметной фигурой в Нью-Йорке. Но он здорово пил, стал пропивать добро и таким образом спустил девять десятых семейного капитала.

Пат часто мне говорила: «Если бы дед занимался делом, а не бегал за юбками, у Эганов и теперь были бы деньги».

Но произошло все иначе. Отцу Пат осталось лишь небольшое наследство. Ее мать, окончив колледж, приехала в Бруклин из Денвера. Со стороны матери у Пат была только кузина, дочь сестры матери. Пат ее никогда не видела, но они обменивались письмами и поздравлениями на Новый год.

Я почувствовал, что снова потею, и вытер лицо бельем. Оказывается, не так уж мало я знаю о прошлом Пат. Пат мне говорила, что она очень похожа на свою мать. Только цвет волос она унаследовала от отца. Мать была блондинкой. Ирис, кузина, приблизительно того же возраста, что и Пат. А Голден, Колорадо, не так уж далек от Денвера, если познания в географии меня не подводят.

Я выпил еще глоток виски. Отец Пат обанкротился

во время большого кризиса в 1929 году, когда ей только исполнилось четыре года. Два года спустя родители Пат погибли в авиационной катастрофе. Друзья семьи поместили Пат в интернат для сирот. Воспитываться на общественный счет.

И дальше случилось так. Директор интерната, старый бука, которого Пат звала «Плешивым Парком», заставлял ее работать как негра. А в шестнадцать лет, после недвусмысленных намеков, которые он ей сделал, Пат сбежала из заведения. Девушка, которую она знала по интернагу, ставшая водителем такси, нашла работу Пат. А в этот момент на сцене появился я.

Я надел белье, носки, ботинки, брюки. Я не собирался проводить в бане всю свою жизнь. Снаружи, при розовом свете зари, инструмент правосудия работал всю. Флики в форме и штатском стучали в разные двери, нажимали на кнопки звонков и задавали множество всевозможных вопросов людям, которые меня знали. Они должны были появиться и у Хими — это только вопрос времени.

Я надел рубашку, пиджак, завязал галстук. Пока мои коллеги меня не схватили, мне необходимо повидать плешивого Парка и просмотреть все сохранившиеся у него документы о Пат и ее родственниках.

Я сунул револьвер в кобуру и раздвинул зеленую занавеску как раз в тот момент, когда неожиданно прибежал Хими. Не надо было ничего говорить, мне и так все ясно. Полицейское начальство действительно хотело меня видеть! Греди развернул бурную деятельность. И я не шутил, когда говорил, что в Нью-Йорке тридцать тысяч полицейских.

Хими прошептал сквозь зубы:

— Убегайте через черный ход, Герман. Быстрее! Уже два прохвоста вошли в дом. И я уверен, что они пришли сюда не для мытья.

Глава 15

Интернат для сирот — довольно большое здание из красного кирпича, выходящее на улицу. Пат много раз показывала мне его, когда мы проезжали мимо на машине.

«Только посмотрю на него — и у меня по коже пробежит дрожь, — сказала она однажды. — А что касается старого плешивого... лучше не будем говорить о нем. Но

мне просто необыкновенно повезло, что я так удачно удрала от него и вовремя».

В розовом свете зари в этом доме нет ничего особенно неприятного. Дом — как и многие другие. Пока я смотрел на него, услышал звонок и увидел на первом этаже свет. Я отошел от дерева, за которым прятался, и пересек жалкую лужайку, чтобы подойти к задней стороне дома.

Дверь в котельную заперта на ключ, но рядом с ней одно большое окно полуоткрыто. Я проскользнул через него и очутился на цементном полу. Здесь все пахнет сиротским приютом: грязь на столах и остатки еды. Всем все безразлично. А ведь это сироты! Им дают то, что подешевле. И не забывают предупредить, что если хоть одна из них пожалуется приходящему иногда инспектору, ее хорошенько накажут. Пат рассказала мне и об удовольствии, которое получал плешивый старик, разглядывая старших, когда они мылись в бане.

Я нашел лестницу и поднялся по ней. Слышны детские голоса, но дети не шалят и не шумят, как делают все их сверстники, вставая по утрам. Они тихи и послушны. Делают то, что им скажут. Малютки, воспитанные, без сомнения, под кнутом. Длинный коридор похож на госпитальный: плохо освещен и грустно выглядит. Когда я закрывал дверь на лестницу, увидел девочку лет пятнадцати, которая спускалась на первый этаж, доплетая косичку. Другая Пат. Возможно, она тоже стремится убежать.

Я спросил у нее, где бы я смог повидать мистера Парка? Она посмотрела в вестибюль. В ее голосе так мало живости, что я едва не вообразил, что мне отвечает Симон:

— Ничего не знаю, мистер. Возможно, старый козел в часовне, но, может статься, он еще храпит.

Она прошла вестибюль и исчезла за одной из дверей.

Я посмотрел ей вслед. В этот момент раздался звон колокола, и неясное бормотание на первом этаже стихло. Я понял, что хотела сказать мне Пат. У меня тоже поползли по спине мурашки. Воспитываться в таком заведении — все равно что отбывать срок в тюрьме. Они встают по колоколу. Замолкают при следующем ударе колокола. Начинают молиться после третьего. И так все дни напролет. А между делом, если они выросли и недурны собой, нужно еще отбиться от приставаний плешивого старика.

Я тоже пересек вестибюль, дошел до двери, на которой прибита дощечка с надписью: «Мистер Ивар Парк. Директор».

Я открыл дверь и вошел. Министерское бюро, покрытое зеленым стеклом, и дюжина жестких кресел. Никого нет. Но, судя по тому, что мне говорила Пат, кабинет Парка где-то рядом.

В каждой стене дверь. Я открыл одну из них и увидел что-то вроде зала заседаний с длинным столом посередине. Закрыл дверь и принялся рассматривать железные полки с ящиками, которые стоят около стены. Ящики расставлены в алфавитном порядке. Если там еще сохранились документы на Патрицию Эган, они должны находиться в ящике под буквой «Э». Я попытался открыть ящик. Он оказался запертым.

Я прошел по комнате и остановился около двери напротив, услышав характерный звук бритвы, скользящей по подбородку. Открыл дверь и вошел в комнату. Это спальня. В глубине ее плешивый мужчина, возраст которого подходит к шестидесяти, подбрасывает бороду ручной бритвой. Я первый раз увидел Парка. С первого взгляда он стал мне несимпатичен. Впечатление взаимно. Я его испугал. Он порезал подбородок.

Парк опустил бритву.

— Не знаю, кто вы, но прошу вас немедленно покинуть помещение.

Я закрыл дверь сзади себя.

— Вы ведь мистер Ивар Парк?

Он прикладывает губку к порезанному месту на подбородке.

— Да. А вы? Кто вы такой?

— Герман Стоун. Муж Патриции Эган.

Имя как будто ничего особенного ему не говорит.

— Кто это?

— Муж Патриции Эган.

Парк снова занялся своей бородой.

— А, да! Патриция Эган.— У него на лице так мало растительности, что я с трудом удерживаюсь, чтобы не выхватить бритву и не покончить побыстрее с бритьем.— Девушка, которая не оценила то, что для нее сделали, и удрала в 40-м или 41-м. Это о ней пишут во всех газетах, что она убила своего любовника.

Он бросил на меня взгляд поверх бритвы.

— И вы сказали, что вас зовут?..

— Стоун. Герман Стоун,

Парк вдруг развил активность. Сложил бритву и сунул ее в карман.

— Господи Боже мой! Значит, вы бывший детектив, тот, который вчера убил человека? Да! Вы действительно очень подходите Патриции!

Он прополоскал губку, которой протираал порез, и снял ею с лица мыло.

— И что же? Что вам от меня надо?

Под плешивым черепом у него розовые щеки и глупое лицо. Прямо святочный дед. Я вынул револьвер из кобуры.

— Мне нужны некоторые сведения.

— О чем?

— Для начала о Ралфе Хенлоне. По-моему, именно он организовал всю комбинацию и финансировал ее. Он, наверное, приходил к вам, чтобы узнать о Пат. И так как вы — грязный негодяй и к тому же еще и жадный, вы выговорили себе неплохой кусочек пирога.

— Вы сошли с ума!

Я подошел к старику и закатил ему хорошую пощечину.

— Нет, я не сумасшедший. Вы будете говорить, грязная падаль? Что Хенлон хотел узнать о Пат? И что все это означает?

Лицо Парка все больше становится похожим на зад девочки, после порки, с двумя маленькими отверстиями вместо глаз. Он продолжает лгать!

— Не понимаю, о чем вы говорите!

Я переложил револьвер из правой руки в левую и сжал кулак.

— Я немного освежу вашу память.

Он стал совсем маленьким, прижавшись к стене. Я уже размахнулся, чтобы ударить, но резко повернулся на каблуках, так как дверь в комнату открылась и на пороге появилась Мира, очень светлая и красивая, Ралф Хенлон следовал за ней.

— Наконец-то, — сказала Мира. — Наконец-то вы все-таки здесь. Мы ожидали вас со вчерашнего вечера, мистер Стоун. С того момента, как вы покинули меня. Должна вам сказать...

— Что именно?

— Для человека, который прослыл неугомонным, вы действительно очень активны.

Я посмотрел на нее и покачал головой.

— Не такой уж активный, мой цыпленочек, и никог-

да не претендовал на это. Мне случалось делать дела не так быстро, как мне этого хотелось бы.

— Что вы хотите этим сказать? — спросила Мира, не понимая.

— Он хочет сказать, что сейчас у него нет возможности отплатить нам с лихвой, воспользовавшись своей силой.

У Миры такой вид, будто она находит все это очень забавным.

— Мне пришлось выдержать много, но ради того, что ожидается в результате, могу вытерпеть и больше.

Она села на край кровати и, не смущаясь, высоко закинула ногу на ногу.

— Вот так вы совершенно в своем амплуа. Не далее как сегодня утром я подумал о том, какое же ваше настоящее ремесло? У вас всего хватает, моя курочка, когда дело касается раздевания и игры с застёжкой-молнией.

Мира закурила сигарету.

— Мне кажется, вы-то были довольны. Это зарегистрировано капитаном Пурвисом. И это неоспоримо.

Хенлон закрыл дверь в комнату и прислонился к ней.

— Возможно, нам и пришлось один или два раза действовать не совсем удачно, — признался он. — Но это потому, что вы вынудили нас поступать необдуманно. Вы просто дурак, Герман. Вам надо было оставить Пат в покое и выкручиваться самому. Вы бы не оказались в таком положении, в котором находитесь сейчас.

Правую руку он держал в кармане пиджака. Дуло его револьвера оттопыривало материю. Что будет дальше? Я тоже держу свой револьвер в руке.

— В чем же дело, Хенлон?

— В деньгах.

Мира с удовольствием выпустила большие кольца дыма.

— Теперь мы его держим, — сказала она. — Что сделаем со Стоуном?

Хенлон объявил, безусловно, давно принятое решение:

— Ну что ж, мне кажется, мы отправим его в тень. — Он повернулся к Парку. — У вас есть здесь маленькая, спокойная, непосещаемая комната?

За моей спиной Парк ответил:

— У меня их несколько. Но почему бы не оставить его здесь? По крайней мере, здесь его никто не обнаружит.

— Неплохая идея, — поддержала Мира.

Хенлон продолжал, будто меня здесь и не было:

— Даже его товарищи по бригаде уверены, что он убил Симона. Его жена обвинена в убийстве. Сейчас за ним охотятся так, как ни за кем в Нью-Йорке не охотились последние двадцать лет. Что он может сделать, этот бедный тип? Что бы вы сделали на его месте?

— Понимаю, — сказала Мира.

Хенлон очень доволен собой и продолжает последовательно развивать свою мысль:

— Сегодня вечером или завтра утром, когда страсти немного улягутся, я вернусь с Беном или с другим каким-нибудь парнем. И как обрадуется инспектор Греди, когда какой-либо кретин-флик на Кони-Айленд, заглянув в стоящую не на месте машину, обнаружит Вольшого Германа! С пулей во лбу и револьвером в руках, из которого он застрелился.

— Неплохо, — с улыбкой заметила Мира.

Я вмешался:

— Во всем этом есть небольшая неточность, Ралф.

— Какая?

Я направил дуло револьвера на левую пуговицу его пиджака.

— Прежде чем приготовить жаркое, следует поймать кролика.

Молчание, которое последовало за моими словами, показалось мне плохим признаком. У меня снова заболела спина. Я не вижу Парка, но ни Хенлон, ни Мира не выглядят испуганными. Они забавляются как сумасшедшие. Я не мешаю им, пока у меня хватает терпения.

— И что же такого забавного вы видите в этом?

— Это тот револьвер, который был у вас, когда вы убили Симона? — спросил Хенлон.

Я покачал головой.

— Я не убивал его.

— Не вы, — признался он, — совершенно верно. А я. Бедный Симон! Он, безусловно, признался бы вам во всем, если бы вы первый нашли его. Он так был болен, после того как спустил Ника Казараса, бедный парень! Но это тот револьвер, который лежал в вашей кобуре?

Я почувствовал, как у меня пересохло горло. Я был слишком издерган все это время, чтобы заметить, как понял сейчас, что револьвер, который я держу, легче, чем должен быть. После того, как меня оглушили и убили Симона, Хенлон взял на себя труд разрядить мой ре-

вольвер. И теперь я держал в руках кусок железа. Ничего больше.

Я решил соврать:

— Нет. Он заряжен.

Мира внимательно смотрела на меня.

— Он врет. У него не было времени достать другой. Его постоянно преследовали.— Она погладила себя по груди.— Итак, вы не сожалеете, что отказались провести со мной ночь, Герман? — Она расхохоталась.— Вместо того чтобы бежать за мной-следом по коридору! Если бы ты меня видел, Ралф! Голая, как червяк, галопирующая, как только могла, от Германа! За всю жизнь я так не радовалась, увидев ванную.

Я попробовал выиграть время.

— Что же вы рассказали фликам, когда они появились?

— Я им сказала: вы признались мне, что убили Симона. Он не хотел рассказать, как усыпил Пат. Вы пришли ко мне спрятаться в моей комнате, а я вам это не разрешила. И вы стали меня бить.— Она снова засмеялась.— А на случай, если вы все-таки расскажете им свою историю о краске для волос и будете утверждать, что я выдавала себя за Пат, я говорила им все это в костюме Евы. Чтобы капитан Пурвис и остальные не сомневались — я настоящая блондинка. Ралф, если бы ты только видел, как я не могла справиться с застежкой, чтобы застегнуть пеньюар!

Хенлон тоже засмеялся.

Но Парку смешно не было.

— Ладно, нужно решать.— Он сделал паузу, вероятно, посмотрев на часы.— Я должен быть в часовне, чтобы прочесть молитвы.

Хенлон вынул из кармана револьвер. Он взял его за дуло, чтобы воспользоваться им как дубиной, и сделал шаг в моем направлении.

Я нажал на спуск. Послышался легкий металлический щелчок. Блондинка была права. Не слишком умно с моей стороны, я вел себя как идиот. И мне еще повезло. Я помешал Жилу задержать меня при помощи незаряженного револьвера. С тем револьвером, который я держал в руке, можно было сделать то же, что и с водяным пистолетом.

Хенлон почувствовал свою победу.

— Теперь вы конченный человек.

Я отступил на шаг. Чувствуя, что кто-то шевелится

у меня за спиной, я обернулся к Ивару Парку. Его толстое, полное ужаса лицо, его плешь — все вызывает во мне отвращение, а он поднял стул и собирался ударить меня им. Я отразил удар рукой, но Хенлон воспользовался этим моментом, чтобы ударить меня револьвером по голове. Удар заставил меня упасть на колени. Следующий удар попал мне по лбу. Кровь стала заливать мне лицо.

Отшвырнув в сторону ненужное оружие, я попытался встать на ноги, но неожиданный удар ногой и страшная боль окончательно уложили меня на пол.

— Не шевелись, — твердо проговорила Мира. — Ты уже не существуешь. Так должно быть. Не шевелись, большой глупый флик. Ты мертв.

И она снова ударила меня ногой.

Глава 16

Я лежал плашмя на животе, с открытым ртом, прижатый к грязному коврику, глотал пыль, а вытекшая из меня кровь образовала маленькую лужицу. Никогда я так не страдал! Никогда еще я не чувствовал себя таким беспомощным. А ведь было так просто отступить от всего этого. Но, с другой стороны, ведь я сказал Пат: «Пока ты вынуждена будешь тут вынести все процедуры допросов, я со своей стороны сделаю все возможное, чтобы поскорее вернуть тебя домой. Так что ты должна держаться, понимаешь?» — «Понимаю, — ответила мне Пат. — Понимаю. Теперь я буду спокойнее».

Самые невероятные мысли уживаются в голове у мужчины. Я смотрел на ковер, запачканный кровью, но все, что я видел, были глаза Пат, блестящие, как звезды, и синие, как море, на ее бледном лице.

Я ее муж. Пат рассчитывает на меня. Я ей это обещал.

Я кое-как встал на четвереньки.

— Обрати внимание! — закричала Мира. — Этот поддон и сын поддонка хочет встать.

Хенлон снова воспользовался револьвером как дубинкой: он опять ударил меня.

— Может будет лучше, если я совсем вышибу ему мозги?

— Нет, нет, только не здесь, — застонал Парк.

Я вытер кровь, заливавшую мне глаза, и посмотрел на Хенлона. Чего он должен избежать любой ценой, так

это шума. Он снова сделал шаг ко мне и поднял револьвер. Чтобы увернуться от нового удара, я пригнулся к полу и ударил его наугад снизу вверх. Оказалось, удар пришелся ему в пах. Он застонал от боли, и это сделало его осторожнее.

— А, ты еще показываешь злость! — зарычал он.

С большим трудом, широко расставив ноги, я встал и зашатался. Не собираюсь играть роль героя. Все герои уже умерли. Я хочу лишь немного удовлетворить жажду мести.

— Да, злость, и до такой степени, о которой ты и не подозреваешь, голубчик! Ты принял меня за колбасу, как и все эти флики, которые гонятся за мной.

У Хенлона кишка тонка. Это видно даже сквозь его двухсотдолларовый пиджак. Ударить и оглушить человека, потерявшего сознание, и иметь дело с фликом весом в девяносто килограммов, который не собирается сдаваться, — не одно и то же. Такая работа не для него.

Мира, видимо, догадалась, о чем я подумал.

— Ты должен его добить, Ралф.

Хенлон снова взялся за револьвер.

— Нет, нет, нет, только не здесь, — умолял Парк. — Вы обещали мне, что не будете никого убивать. И вот уже три смерти.

Я очень хотел, чтобы проклятая кровь не заливала мне глаза. Я все время вынужден вытирать ее рукавом. Утершись еще раз, посмотрел на Хенлона. Тот что-то задумал. Я перевел взгляд на Парка. Директор приюта совсем не доволен тем оборотом, который приняло дело. Труп там, труп здесь. Еще один труп. Он же был просто дрянным, порочным типом, а не убийцей. Пока не ввязался в эту историю. Все его желания и интересы не шли дальше подглядывания за купающимися голыми девушками и приставания к ним.

Я прислонился к стене.

— Если вы незнакомы с законом, я напому вам одну статью, действующую в штате Нью-Йорк. Она гласит, что содействие и помощь в совершении преступления караются так же, как и непосредственное совершение преступления.

Парк дышал как тюлень.

— Уведите его отсюда. Вы обещали, что устроите так, будто он сам покончил с собой. Вы сказали, что оставите его в какой-нибудь машине на Кони-Айленд.

Я повторил афоризм:

— Прежде чем приготовить жаркое, следует поймать кролика.

Хенлон перевел взгляд на телефонный аппарат, стоявший у изголовья кровати. Я продолжал, насмехаясь:

— Ну же, парень. Позвони-ка своему патрону. Может быть, он даст тебе полезный совет. Скажи ему, что держишь быка за рога. Быка, который был ручным, некоего Германа Стоуна.

После всех наших потасовок мой револьвер лежал на середине комнаты. Хенлон поднял его и бросил на кровать. Туда же он швырнул патроны.

— Ты умеешь заряжать револьвер? — спросил он у Миры.

— Да, — ответила она.

— Тогда займись этим.

Она взяла с кровати револьвер и патроны и зарядила его.

— А теперь?

Хенлон облизал губы.

— Вы сами этого добивались, Стоун. Конечно, вы были правы. Как я уже вам говорил, вы нас не интересовали. Только Пат. И мы ее получили. Не надо было вам совать нос в это дело. Вы же посчитали себя обязанным доказать ее невиновность.

Он поднял руку. Я оттолкнулся от стены и полетел на него. Страшная боль во всем теле. Но все же мне удалось упасть на него. Я оказался на нем и изо всех сил бил его по лицу и голове.

— О Боже мой! — всхлипывал Хенлон, швырнув Мире револьвер. — Возьми и стреляй! Стреляй в него скорее!

Сзади меня Мира злобно выругалась.

— Я это и стараюсь сделать.

Я воспользовался Хенлоном как защитным экраном. Мира держала палец на спусковом курке. Парк, видимо, решил не вмешиваться. Он направился к двери, возможно, чтобы прочитать молитвы. Я на секунду перестал колотить Хенлона и вытянул ногу, чтобы помешать Парку выйти, а в этот момент Мира нажала на курок и стала стрелять, пока не выпустила все пули.

На меня лишь посыпалась штукатурка. Парк дотронулся пальцем до груди, на которой появилось маленькое красное пятнышко. Это красное пятнышко очень быстро расплывалось, колени плешивого подогнулись, и он уселся на пол.

Я продолжал колотить Хенлона: он орал и звал на помощь. В дверь постучали. Слышно было, как в холле кричат дети. Детский голос спросил:

— Мистер Парк, вы живы и невредимы?

Я кинул быстрый взгляд на Парка. Он сидел, прислонившись епиной к стене. Пятно расплзлось по всей груди. Мира бросилась на меня и стала царапать мне лицо ногтями, чтобы освободить Хенлона. Я оттолкнул ее взмахом руки.

— Твоя очередь настанет, малютка. И на этот раз ты будешь говорить все, что у тебя спросят.

Стук в дверь усилился. Теперь уже стучали в дверь спальни. Одним ударом я отбросил Хенлона к двери, он на лету схватился за ручку, открыл дверь и убежал. Я не препятствовал ему в этом, так как знал: далеко он не убежит.

Девочка, которую я встретил в холле, посмотрела на меня округлившимися глазами.

— Я позову полицию,— сказала она.

— Очень хорошо, моя дорогая.

С этими словами я закрыл дверь и запер ее на ключ. Мира пыталась помешать мне.

— Ну что же ты, красавица-блондинка,— сказал я и закатил ей такую пощечину, что она отлетела к стене.— Ты уже давно должна была убраться отсюда. Лучше бы ты вернулась в Голден, Колорадо. Ну, решайся же, рассказывай все, Ирис.

Девочки, собравшиеся в холле, так шумят, что мы с трудом слышим друг друга. С таким же успехом можно разговаривать в вольере во время раздачи корма птицам. Красивая блондинка закрыла рот рукой.

— Как вы меня назвали?

— Я назвал тебя Ирис. Ты единственная родственница Пат. Ты ее кузина из Голдена. Итак, что же ты хотела отнять у Пат?

Я снова влепил ей пощечины.

— Что же было у нее такое заманчивое, такое ценное, что Хенлон и его компания заплатили за это смертью трех человек?

— Не понимаю, о чем вы говорите,— ответила Мира.

— И ты не красилась в рыжий цвет, не выдавала себя за Пат?

— Нет.

— Ты не была любовницей Кери в продолжении пяти месяцев?

— Нет.

— Ты не прятала вещи Пат в квартире Кери? Не ты оставила сумочку у Эдди Гиннеса в баре?

— Нет.

— Не ты подделывала телефонные счета, чтобы я был тебе благодарен? Не ты использовала свое красивое тело, чтобы увлечь меня? Разве не ты, образно выражаясь, изнасиловала меня, надеясь, что я забуду обещание, которое дал Пат?

Красивая блондинка, которую я знал под именем Мира, побелела.

— Нет, нет. Я сделала это только потому, что вы мне нравились.

Я схватил ее за платье и потряс. Материя была тонкой и легко разорвалась. Она не носила лифчика и поэтому быстро отступила, закрывая грудь руками. Да, теперь она уже не играет комедию. Она плачет. Она, вероятно, решила, что я убью ее, если она не заговорит. И это действительно так.

— Поверьте мне, Герман. Это не моя идея. Он отыскал меня, приехал ко мне в Голден и предложил мне это дело.

Чего же я достиг? Кровь опять заливала мне глаза. Я перестал угрожать ей, прислонился спиной к двери и вытер глаза рукавом. А блондинка пятилась от меня: она почти достигла Ивара Парка, сидевшего на полу, из которого через дыру в груди уходила вместе с кровью и жизнь.

Я вспомнил о револьвере, который бросил Хенлон, но поздно. Она нагнулась и хотела его подобрать, но револьвер лежал около Парка. Он опередил ее, взяв револьвер раньше.

— Нет,— сказал он почти беззвучным голосом.

Ирис медленно выпрямилась, будто это было очень трудно сделать, и обратилась к нему тоном, которым говорят с маленькими детьми, отчетливо произнося каждое слово.

— Дай мне револьвер, Ивар.

— Нет,— тихо ответил он, слабо покачав плешивой головой.

Я сделал шаг вперед.

— Тогда отдайте его мне, старина.

— Я вас люблю не меньше, чем ее,— был ответ.

Потом взор его обратился к ней.

— Ты стреляла в меня.

— Дорогой мой, я это сделала ненарочно. Это просто несчастный случай. Я тебя умоляю, дай мне револьвер.

Она протянула руку. Парк оттолкнул ее дулом револьвера.

— Нет.— От этого жеста кровь сильнее потекла из раны.— Хенлон и ты сказали мне, что я буду богат. Вы мне лгали.

Красивая блондинка облизнула свои губы. Она ничего не может предложить, кроме того, что у нее есть: себя саму. Ее платье в лохмотьях, она стала срывать его, оставшись только в прозрачных трусиках. Она прошла по комнате, стараясь зажечь взгляд умирающего своими движениями.

— Мы еще сможем разбогатеть, дорогой,— бормотала она.— Ты и я. Нам ничего не мешает, кроме Стоуна. Ну же, умоляю тебя. Дай мне револьвер.

Она нагнулась к нему, касаясь его голой грудью, стараясь отобрать у него оружие.

— Проклятая, исчадие ада,— проговорил Парк и выстрелил в нее три раза.

Я услышал знакомый звук. Звук, когда пуля проникает в тело. Блондинка зашаталась, стараясь сохранить равновесие, потом свалилась на кровать, на которой и осталась сидеть.

— О, нет,— тихо прошептала она.— Только не это! У нее стал такой тонкий голос, как у маленькой девочки, которую наказали. Она прижала обе руки к животу, как будто хотела задержать кровь. Некоторое время ей это удавалось, потом кровь полилась между ее пальцами.

— О, нет,— повторила она.— Только не это!

Я посмотрел на Парка. Усилие, которое он затратил нажимая на курок, доконало его. Он окончательно перестал существовать для маленьких девочек. И для больших тоже. Его тело сложилось пополам. С того места, где я стоял, его плешивая голова, спрятанная между двух ног в синей сарже, похожа на пасхальное яйцо. Я забрал у него револьвер, поставил на предохранитель и подошел к кровати.

Ирис дышала тяжело, с трудом и странным шумом. Кроме этих звуков ничто не нарушает тишину, повисшую в доме. Удары в дверь прекратились, девочки замолчали. Очень далеко слышится, или мне кажется, что я слышу, завывание полицейской сирены,

— Тебе очень больно, малышка?

Она подняла глаза, не шевеля головой.

— Да, — просто ответила она.

— Ты хочешь, чтобы я посмотрел и попробовал оеставить кровь?

— Это внутри. Если я отниму руки, мне конец.

Я устроился рядом с ней.

— Итак, если бы ты спасла Пат? Что же такое случилось, Ирис?

Ее синие глаза померкли. Она все время облизывает сухие губы. Она похожа на змею, голова которой попала в капкан и которая ищет возможность выпустить последний яд.

— Почему бы и нет? — ответила она наконец. — Эстакада № 15. На полдороге на восток, в секторе № 40, зона № 63, Аннекс Гоуванус Ви.

— Это на восток от «Мессажерис Марктим Эриа»? Там, где находится главный промысел?

Она утвердительно качнула головой. Я повторил, как попугай, слова, которые она произнесла, но это абсолютно ничего мне не говорило. Я закурил сигарету и сунул ее между губ Ирис.

Она глотнула немного дыма, с большими предосторожностями, будто не была уверена, что ее легкие в порядке.

— А дальше? Я ведь ничего больше не знаю.

Она с трудом ответила:

— Ты найдешь.

Я просунул руку и обнял ее за талию, чтобы немного приободрить ее.

— Сожми меня покрепче, — простонала она. — Я боюсь.

Что я мог сказать ей? Что мы все умрем в то или иное время? Она ведь думала только о себе.

Ее взгляд пытливо встретился с моим.

— Ты меня ненавидишь, не так ли?

— Нет, этого я не могу сказать.

Ее голос стал почти беззвучным.

— Докажи это, — прошептала она. — Я боюсь. Поцелуй меня, прежде чем я умру, Герман.

В конце концов, я ведь спал с ней. Я занимался с ней любовью. Я поцеловал ее в последний раз. Ее губы прильнули к моим. Она отняла руки от живота. Пальцы одной руки она запустила в мои волосы, другой рукой схватила револьвер, лежащий на подушке.

— Чтобы не уходить одной,— одним дыханием проговорила она.

Она прижала револьвер к моему животу и нажала на курок. Никакого результата.

Я отобрал у нее револьвер и бросил его на подушку.

— Я не сомневался, что ты попробуешь нанести мне этот удар, малютка. Потому и поставил револьвер на предохранитель. Убийство — тоже ремесло, его надо изучать.

Жало змеи снова высунулось из ее губ.

— Подонок. Грязный подонок,— прошептала она.— Если бы ты со своей глупой башкой не вмешался...

Дрожь пробежала по ней от головы до ног. Она сделала последнее усилие, чтобы сказать:

— Без тебя...

Я отпустил ее и выпрямился.

— Прощай, крошка.

Я сказал это совершенно хладнокровно, без малейшего сожаления. Как флик. Думая о том, что она сделала Пат. Думая о том, что она сделала мне.

Красавица-блондинка нагнулась вперед и медленно повернулась в агонии. Я отстранился, чтобы не задеть ее. Она упала на спину и пыталась плюнуть в меня, но захлебнулась кровью, которая подступила к горлу, и испустила последний вздох.

Вой сирены приближался. Вторая, потом третья присоединились к ее жалобному завыванию. Большие рыбаки нашли рыбу. Теперь уже мое сопротивление ни к чему не приведет. Я дошел до конца пути. Оставалось лишь ждать, когда постучат в дверь.

Я взглянул на блондинку, которую называл Мирой. И почувствовал стеснение. Трусики, совершенно залитые кровью, не одежда для женщины, которая предстала перед высшим судом. Она слишком плохо одета.

Я сорвал с постели простыню и накрыл ее, говоря при этом:

— Доброго пути, маленькая.

После всего, что произошло, кто я такой, чтобы бросать в нее первый камень?

Глава 17

Чарлз-стрит совсем не изменилась. Там по-прежнему пахнет комиссариатом квартала. Я посмотрел на улицу через зарешеченное окно туалета. Снова наступила ночь.

Проходят запоздалые влюбленные парочки, другие сидят на серых и красных камнях кирпича. Мы тоже делали так: Пат и я. То тут, то там освещенные окна. Люди, которые возвращаются на рассвете, или занимаются любовью со своими женами, или кормят маленьких детей.

Маленькие люди, которые много работают и которые живут с тем же мужем и той же женой всю свою жизнь. Которые никогда не видели собственное имя напечатанным в газетах.

Да! Говорят, так происходит во все вечера, триста шестьдесят пять вечеров в году. В больших отелях и в маленьких. На задних сиденьях машин. В канавах. В конторах. Около стен. В нищенских кварталах и в шикарных. В Нью-Йорке восемь миллионов жителей. А кому придет в голову мысль поместить в «Дейли Ньюс» или в «Таймс» фотографию хорошей женщины под тем предлогом, что она никогда не обманывала своего мужа?

Джим Пурвис вошел в тот момент, когда я натягивал пиджак.

— Как дела, старина? — спросил он.

— Скорее, неважно, — ответил я.

Я посмотрел на свое отражение в зеркале над умывальником. Монт сходил ко мне домой и принес рубашку и другие вещи, чтобы я переоделся в чистое. Один из санитаров-полицейских сделал все, что мог, чтобы облегчить мне боль от ран и ушибов. Но несмотря на все усилия и опрятный вид, мое лицо все же выглядит так, будто его пропустили через мясорубку.

Вошел Абе, чтобы помыть руки. Маленький парень не может молчать. Он говорит еще быстрее, чем обычно, кончиками губ. Он громко шлепнул меня по спине, проходя мимо.

— Итак, этот проклятый упрямец опять выиграл дело, не так ли, Джим?

Джим в этом не абсолютно уверен. Он не ответил ни слова. Я спросил Абе, привел ли он типа из страхового общества.

Абе вытирал руки.

— Я привел самого директора, а он пришел с двумя служащими, которые принесли столько регистрационных документов, что можно произвести опись всей поземельной собственности в Бруклине.

Джим спросил меня, готов ли я. Я ответил ему, что да, и пошел за ним по коридору в кабинет капитана Карвера. Официально я все еще нахожусь под арестом. С

правой стороны меня охраняет Монт, с левой — Корк.

В кабинете оказались те же люди, которые присутствовали при аресте Пат. Я остановился около стула, на котором сидела Пат, и положил ей на плечи руки.

— Еще совсем-совсем немного терпения, моя малышка, и мы, ты и я, отправимся домой.

Ее глаза наполнились слезами.

— Это правда, Герман?

Я нагнулся, чтобы поцеловать ее влажные глаза.

— Нет ничего более верного.

Розовые щеки помощника прокурора Хаверса еще более порозовели.

— Вот действительно трогательная сцена, — сказал он. — Но не могли бы вы подтвердить ваши высказывания некоторыми доказательствами и определить ваше сегодняшнее поведение?

Я закурил сигарету и посмотрел на него поверх пламени зажигалки.

— Вас терзает, друг мой, то, что вы оказались перед фактами, определяющими правдивость истории, но вы не знаете, с какого конца за них взяться. Но если вы действительно хотите понять ее, я помогу вам разобраться в этом деле и освещу некоторые детали.

Хаверс не произнес ни слова.

Я прошел в глубину кабинета к носилкам, которые лежат на двух стульях, и приподнял простыню. Парни из лаборатории немало потрудились над Ирис. С замаскированными веснушками и волосами, выкрашенными в рыжий цвет, она похожа на Пат, как двойник.

Греди занимал ту же позицию, что и Джим: он не абсолютно уверен. Старик сидел верхом на стуле в углу кабинета капитана Карвера.

— Итак, пора кончать это.

Я спросил у Джима, задержали ли Хенлона.

— Три часа тому назад, — ответил он.

— И у него была моя бляха?

— Совершенно верно. — Джим держал ее на ладони. — Ее нашли у него в кармане, вместе с деньгами.

Я решил немного поговорить о Хенлоне. Выдав совсем маленькую ложь. В конце концов, все могло произойти именно так.

— Хорошо. Чтобы внести ясность в это дело, хочу сказать, что Хенлон вытащил ее у меня в комнате Симона в отеле «Вендиг», После того как оглушил меня и спустил Симона.

— А почему Хенлон убил Симона? — спросил Греди.

— По двум причинам. Первая — он хотел, чтобы меня приняли за убийцу. Но вторая, и основная, причина — Симон был охвачен паникой после того, как убил Ника Казараса, когда тот искал его. И Ралф боялся, что Симон проболтается. Он боялся, что тот признается, что положил наркотик в кока-колу Пат.

— Какой?

— Ну, это дело парней из лаборатории выяснить, какой. Но одно совершенно верно — речь идет об очень редком наркотике, который почти не оставляет следов, как это было с Пат, когда ее рвало в квартире Лида Кери.

Джим рассматривал бляху, которую держал в руке.

— Итак, что же мне делать?

Греди протянул руку вперед.

— Я хочу пока оставить это при себе.

Он посмотрел на меня немного исподлобья и сказал:

— Продолжай, Герман.

Наконец я снова стал Германом, а не «детективом Стоуном». Я поискал глазами среди присутствующих знакомое лицо.

— Что, мистер Майерс здесь?

— Я тут, — сказал хозяин закуской, вставая.

Я указал ему пальцем на носилки.

— Мистер Майерс, посмотрите, пожалуйста, на эту женщину. И назовите, если узнаете.

Майерс осмотрел носилки, потом взгляд его переметнулся на Пат.

— Я поклялся бы, что это миссис Стоун, но это невозможно.

— Совершенно согласен с вами.

— Это действительно невозможно.

Я вызвал Эдди Гиннеса.

— Теперь ваша очередь, Эдди.

Гиннес посмотрел на девушку. У него та же реакция, что и у Майерса.

— Черт возьми! Не удивительно, что я принял ее за миссис Стоун, конечно, я узнаю ее. Эта та женщина, которая приходила ко мне вместе с Лилом Кери. Кто это?

Я рассказал ему.

— Это некая Ирис Джемс. Кузина Пат. Дочь сестры ее матери. Блондинка, родившаяся в Голдене, Колорадо.

Пат вскочила со своего места.

— Моя кузина Ирис?!

— Да, это она. Когда ты видела ее последний раз, Пат?

— Но я никогда ее не видела. Мы изредка писали друг другу, но никогда не встречались.

Я поправил ее:

— Ты ее видела и часто разговаривала с ней. Но ты ее не узнала. Потому что она была блондинка с веснушками. Потому что она называлась Мирой Велл.

Пат осталась с открытым ртом.

— Одна из телефонисток нашего дома?

— Совершенно верно. Очень хорошо устроенная, чтобы знать все наши привычки — твои и мои. Это и объясняет то обстоятельство, что ни ты, ни я ни разу не столкнулись с ней, когда она выдавала себя за тебя. Она отлично знала, где каждый из нас находится в тот момент.

Я повернулся к инспектору Греди.

— А вы... сэр? — Я нарочно заставил его подождать, прежде чем сказал «сэр». — Вы сказали мне, что встречали Пат в компании с Кери, и не один, а множество раз?

Греди не нужно было смотреть на девушку на носилках. Он видел ее и до, и после работы лаборантов. Старик развел руками:

— Значит, я ошибся. Она меня обманула.

Я постарался капнуть бальзам на его болевшее сердце.

— Она обманула вас так же, как и меня, и многих других. Но хуже всего она поступила с Кери, она совершенно извела его. Кери считал, что он, шикарный парень, посягнул на собственность большого и злого детектива, а на самом деле играл в любовь с неизвестной женщиной, которая только и мечтала об убийстве. Для того, чтобы вышло задуманное ими, чтобы Пат приговорили к смертной казни, был необходим труп Кери. И Ирис знала это с самого начала.

Я закурил следующую сигарету от окурка, который стал жечь мне пальцы.

— И так происходит с девятью из десяти: они считают себя самыми хитрыми. Так как Пат замужем за мной, они боялись просто убить его. И тогда возникла эта гениальная идея. Они устроили представление, в котором многим дали понять, что Пат — любовница Кери и что она убила его, потому что он хотел ее бросить. Они считали, что я, разъярившись, не стану вмешиваться и мне

будет безразлично, что с ней произойдет. Они рассчитывали, что гнев помешает мне спокойно рассуждать. И действительно, могло произойти именно так.

Я глубоко затаился, не спуская глаз с инспектора Греди.

— Вы целый день рассуждали о мотивах преступления. Теперь я знаю мотивы и расскажу вам о них. Эта история началась не так давно, с открытия, сделанного одним из присутствующих здесь, который, роаясь в старых бумагах, наткнулся на золотую жилу. Самое неприятное было то, что эта жила принадлежала не ему.

— А кому?

— Пат. Во всяком случае, только она могла предъявить права. Тогда этот человек нашел Ивара Парка, директора приюта, в котором воспитывалась Пат, и они вместе, просмотрев ее бумаги, обнаружили, что у нее есть кузина, ее единственная родственница. До этого момента все шло как по маслу. Но вся афера должна была продолжаться немало времени и стоить больших денег. Вот почему они привлекли Хенлона. Он финансировал предприятие. Он слетал в Денвер и добился согласия Ирис участвовать в игре. Как можно себе представить, ему не пришлось долго ее уговаривать.

Она прилетела в Нью-Йорк вместе с Хенлоном, устроилась телефонисткой в нашем доме и с помощью краски для волос, которую она подобрала точно и которую могла очень легко смывать, в течение последних пяти месяцев выдавала себя за Пат. Делалось это для того, чтобы подвести все к событиям, которые произошли позавчера вечером. Когда все уже было хорошо подготовлено, она заставила Симона усыпить Пат, а старая и очень приятная дама, которая как бы случайно оказалась там, помогла ей выйти и посадила потерявшую сознание Пат в машину. После чего Пат перенесли в квартиру Кери.

Я видел, как грудь Пат бурно колыхается в такт дыханию.

— Ну конечно, теперь я вспоминаю. Я почувствовала себя совсем обессиленной. И какая-то старая дама...

Я закончил ее фразу:

— ...повела тебя, чтобы глотнуть свежего воздуха. Ты не узнаешь ее среди присутствующих, дорогая?

Пат внимательно осмотрела всех присутствующих в кабинете.

— Ну да, я узнаю ее. Вот та дама, с седыми волоса-

ми.— Пат открыла рот.— Но ведь это ей я отдала ненужные мне вещи!

Миссис Свенсон подняла голову и с негодованием выпрямилась.

— Вы жестоко ошибаетесь, милочка. Я пришла сюда только потому, что хотела сопровождать своего мужа.

Я перебил ее:

— Ну конечно! По требованию капитана Пурвиса. И дело обстоит так, что нам очень нужен ваш муж.

— Почему? — спросил Свенсон.

— Потому что вы — убийца. Вы — тот человек, который обнаружил золотую жилу. Вы влезли по пожарной лестнице, чтобы убить Кери и потом первым же поднять тревогу.— Я подошел к Свенсону и, схватив его за воротник, заставил встать.— Ну, вставайте и признавайтесь, мерзкая скотина. Все остальное я еще как-то могу переварить, но когда я подумаю о том, что вы сделали с Пат, мне хочется раздавить вас! Полностью подготовленная — без сознания и голая — Пат лежала на кровати Кери. Она была совершенно беззащитна, и вы не смогли удержаться. Вы доставили себе это удовольствие.— Я стукнул его головой о стену.— Вы овладели ей, пока она была без сознания.

Пат спрятала лицо в руках.

Я еще несколько раз встряхнул эту грязную скотину.

— И кто же, как не вы, предупредил Хенлона, что вышло не совсем так, как вы ожидали, и вместо того, чтобы ослепнуть от ярости, я встал на защиту Пат. Вот почему за мной следили тогда вечером — с того момента, как я уехал с Чарлз-стрит и остановился на Таймсквер попросить Ника Казараса найти мне Симона.

— Абсурд,— пробормотал Свенсон.

— Нет, не абсурд,— вмешался Абе Фитцел.— Я навел о вас справки. И узнал, что вас пять раз привлекала к ответу бригада нравов. Вероятно, тогда вы и познакомились с Хенлоном. Вас интересовали курочки высокого пошиба.

Миссис Свенсон начала стонать. Я спросил, присутствует ли здесь представитель страховой компании? Человек среднего возраста, с худощавой фигурой, встал со своего места.

Абе познакомил нас.

— Мистер Морес — мистер Стоун.

Мы пожали друг другу руки.

— Рад познакомиться с вами.

Я ответил ему тем же, а затем спросил, знает ли он Свенсона. Мистер Морес ответил:

— Не под этим именем. В те времена, когда он работал у нас, он называл себя Стерлингом. Мы его уволили два года назад.

— По какой причине?

— Потому что наши инспекторы обнаружили дутые цифры в его отчетах.

Я раздавил сигарету.

— Могу я задать вам один вопрос, мистер Морес?

— Конечно.

— Вы проводили проверку описи земельной собственности, о которой вам сказал Абе?

— Да. Мы это проделали. Четверо моих служащих потратили целый день.

— А что означает: Эстакада № 15, на полдороге на восток, в секторе № 40, зона № 63, Аннекс Гоуванус Ви?

— Это касается земли площадью приблизительно с полгектара, которая принадлежала ферме некоего Эгана. То место, на котором расположены основные строения фермы.

— А это представляет какой-нибудь интерес?

Улыбка мистера Мореса стала откровенно насмешливой.

— По правде говоря, я боюсь, что не смогу назвать настоящего владельца поместья.

— По какой причине? Скажите мне. Скажите об этом инспектору Греди.

— Потому что он действителен и недействителен. Я говорю о настоящем владельце земли. Я сам лично проверял все акты передачи и наследований. Должен признаться, что из-за ошибки, вкравшейся в запись, сделанную в 1879 году, собственность, о которой мы говорим, оказалась в акте владельца соседнего участка, что до сего времени никому не было известно.

— Значит, в действительности эта земля никому никогда продана не была?

— Нет никаких доказательств совершения такой операции.

— Другими словами, говоря юридически, поместье находится во владении наследников Эгана?

— Конечно, вне всякого сомнения.

— И во сколько оценивается эта земля?

Мистер Морес откровенно рассмеялся.

— Трудно сказать, мистер Стоун. Но я был бы сча-

стлив иметь клиентом наследника Эгана, не считаясь ни с какими затратами и трудностями, чтобы доказать их права.

— Почему?

— Так получилось, что компания построила две силосные башни для зерна стоимостью в пять миллионов долларов на земле, которая ей не принадлежит.

Я повернулся к инспектору Греди.

— Как, по-вашему, дело теперь прояснилось?

— Похоже на то, — признался старик. — Как только Пат была бы устранена, все ее права перешли бы к Ирис.

Он некоторое время тряс мою бляху, потом протянул ее мне.

Я сунул ее в карман.

— Благодарю вас, сэр.

Я тут же взял Пат под локоть.

— Теперь достаточно, моя любовь. Давай исчезнем отсюда.

Джим запротестовал:

— Но послушай, Герман. Ведь есть еще целая куча всяких вопросов.

Я выложил ему все одним духом:

— Ладно, если хочешь. Симон убил Ника Казараса. Хенлон убил Симона. Ирис убила Парка, но ненарочно: она метила в меня. Свенсон поднялся по лестнице, чтобы убить Кери, и устроил все так, чтобы Пат сочли убийцей. Что еще ты хочешь? Чтобы я тебе все это завернул в пакет и перевязал шелковой лентой?

Джим рассмеялся.

— О'кей, Герман. Убирайся. Думаю, мы справимся без тебя.

Я вышел из комиссариата с Пат в ночь, которая пахла весной. Спускаясь по лестнице, я увидел, что она плачет.

— Забудь все это, моя любовь. Будем вести себя так, будто ничего не произошло.

Я отошел на несколько шагов, потом приблизился и снял шляпу. Как будто мы с ней встретились впервые.

— Добрый вечер, малютка!

Глаза у Пат заблестели, как звезды на ночном небе.

— Вот как, полиция? Салют, дружок!

Она протянула мне губы. Это был долгий поцелуй, без пыла, полный нежности. Мы знаем, что существует между нами, всегда существует.

А потом мы сели в машину и отправились домой.

Содержание

<i>Микки Спиллейн</i>	
Долгое ожидание	5
<i>Дэй Кин</i>	
Миссис убийца	148
<i>Эд Макбейн</i>	
Грабитель	279
<i>Коротко об авторах</i>	413

Литературно-художественное издание

МИССИС УБИЙЦА

Сборник

Редакторы *Е. Е. Таболина, Н. С. Митрофанова*
Художественный редактор *Е. Ю. Воронцова*
Технический редактор *В. М. Скребнева*
Корректор *Е. А. Масалитина*

ИБ № 38

Сдано в набор 02.11.92. Подписано в печать 28.01.93. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 21,84. Усл. кр.-отт. 21,84. Уч.-изд. л. 23,14. Тираж 250 000 экз. Изд. № 35. Заказ 3232. С 26.

Издательство «СКС». 103009 Москва, ул. Неждановой, 8/10.

Полиграфическая фирма «Красный пролетарий».
103473 Москва, Краснопролетарская, 16.